

Н. СПАРКС

Выбор

— Издание с иллюстрациями и рисунками —

Annotation

Любовь? Серьезные отношения? Ответственность? Семья?

Закоренелый холостяк Тревис Паркер считает, что все это не для него.

У него есть отличная работа и верные друзья.

Он увлекается охотой, рыбалкой, занимается экстремальными видами спорта — и избегает серьезных отношений.

Но не родился еще на свет человек, которому удалось бы уйти от настоящей любви...

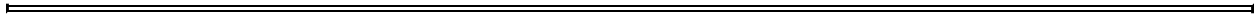
Когда в доме по соседству поселяется тихая, замкнутая Габи, жизнь Тревиса меняется.

Он влюблен. Влюблен страстно и неистово.

Но он еще не знает, что любовь станет для него не только величайшей наградой, но и величайшим испытанием...

- [Николас Спаркс](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ЧАСТЬ 1](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [ЧАСТЬ 2](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

Николас Спаркс

Выбор

Посвящается Лююисам — Бобу, Дебби, Коди и Коулу, а также моей семье.

ОТ АВТОРА

Буду говорить честно: иногда мне нелегко выражать благодарность по той простой причине, что моя писательская жизнь благословенно стабильна, а это в наши дни порой кажется чем-то необычным. Когда я вспоминаю свои ранние книги — например, «Послание в бутылке» или «Спасение» — и перечитываю вступления к ним, то вижу имена людей, с которыми работаю и поныне. У меня все те же литагент и редактор, а еще обозреватель, юрисконсульт, специалист по рекламе, дизайнер и продюсер, сделавший несколько экранизаций. Все они заслуживают признательности.

Конечно, я, по своему обыкновению, начну с благодарностей в адрес Кэт, моей жены. Мы женаты восемнадцать лет, и нас многое объединяет: пятеро детей, восемь собак, шесть переездов (в трех разных штатах), трое очень грустных похорон, двенадцать книг и прочее. С самого начала меня кружило в водовороте событий, и я не могу представить себе ни одного из своих приключений без участия Кэт.

Мои дети — Майлз, Райан, Лэндон, Лекси и Саванна — растут медленно, но верно; я горячо их люблю и горжусь ими.

Тереза Парк, мой представитель в «Парк литерари групп», — один из моих ближайших друзей и удивительный человек. Умная, обаятельная и добрая, она — сущее благословение, и мне приятно благодарить ее за все, что она сделала.

Джейми Рааб, мой редактор в «Гранд сентрал паблишинг», также заслуживает благодарности. Она правит рукописи в надежде максимально улучшить их, и слава Богу, что Джейми не изменяет мудрость и интуиция, когда дело касается моих романов. Я счастлив, что удостоился чести называть ее своим другом.

Дениза Ди Нови, продюсер фильмов «Спеши любить», «Послание в бутылке» и «Ночи в Роданте», — моя лучшая приятельница в Голливуде, и я с восторгом жду очередного приглашения на съемочную площадку хотя бы потому, что это шанс увидеться.

Дэвид Янг, новый исполнительный директор «Гранд сентрал паблишинг», — не только мой друг, но и человек, который заслуживает всяческого уважения хотя бы за то, что мирится с моей отвратительной привычкой сдавать рукопись в последний момент. Прости меня за это!

Дженнифер Романелло и Эдна Фарл — специалисты по рекламе и мои друзья. Я рад, что работаю с вами с 1996 года, когда был опубликован

«Дневник памяти». Спасибо за все, что вы сделали!

Редакторы Харви-Джейн Коуэл и Сона Вогел — я благодарен за то, что вы вылавливаете все ошибки, которые неизбежно вкрадываются в текст.

Хауи Сандерс и Кея Хаятян — благодаря вам я заработал целое состояние на экранизациях. Я невероятно вас ценю.

Скотт Швиммер всегда готов мне помочь, и я давно считаю его своим другом. Спасибо, Скотт.

Я благодарен Марти Боуэну — продюсеру «Дорогого Джона». С нетерпением жду, когда же выйдет фильм.

И наконец, спасибо Шеннон О'Киф, Эбби Кунс, Шарон Крассни, Дэвиду Парку, Линн Гаррис и Марку Джонсону.

ПРОЛОГ

Февраль 2007 года

Истории жизни так же уникальны, как и люди, которые их рассказывают, и лучшие из них — те, что имеют непредсказуемый финал. По крайней мере так Тревису Паркеру говорил его отец, когда Тревис был ребенком. Он помнил, как отец сидел на кровати и улыбался, когда сын просил рассказать очередную историю.

— Какую же историю ты хочешь? — спрашивал отец.

— Самую лучшую, — отвечал Тревис.

Обычно отец несколько мгновений молчал, а затем в его глазах зажигался огонек. Он обнимал Тревиса и задушевым голосом начинал рассказ, который порой не давал мальчику уснуть даже после того, как отец выключал свет. В этих рассказах всегда были приключения, опасности, волнения и путешествия, а действие неизменно происходило в маленьком прибрежном городке Бофоре, что в Северной Каролине. В городе, где Тревис Паркер вырос и который до сих пор называл своим домом. Странно, но в большинстве историй фигурировали медведи. Гризли, бурые, белые... Отца не очень-то волновала достоверность в том, что касалось естественной среды их обитания. Он рисовал ужасающие сцены погонь по песчаным равнинам, и Тревис — он уже учился в средней школе — всерьез боялся, что однажды свирепый полярный медведь появится в городе. Хотя, как бы ему ни было страшно, он непременно спрашивал: «А что дальше?»

Тревису эти невинные дни казались обломками минувшей эпохи. Теперь ему было сорок три. Остановившись на парковке у больницы Картерет, где его жена работала последние десять лет, он снова вспомнил эти слова.

Выйдя из машины, Тревис потянулся за букетом, который прихватил с собой. Когда они с женой разговаривали в последний раз, то поссорились, и больше всего ему теперь хотелось взять свои слова обратно и искупить вину. Он не питал никаких иллюзий насчет того, что цветы помогут все уладить, но просто не знал, что еще сделать. Само собой разумеется, он чувствовал себя виноватым в случившемся. Правда, женатые друзья уверяли его, что ощущение вины — краеугольный камень всякого хорошего брака. Значит, сознание не дремлет, приоритеты поддерживаются на должном уровне, и человек изо всех сил избегает делать то, за что ему

действительно могло бы быть стыдно. Друзья порой признавали собственные промахи по этой части, и Тревис понял: то же самое можно сказать практически про любую знакомую пару. Возможно, друзья просто хотели подбодрить его и уверить в том, что люди не идеальны и не стоит быть столь суровым к себе самому. «Все ошибаются», — повторял каждый. Хотя Тревис кивал, как будто верил им, он знал: друзья никогда не поймут, что ему пришлось пережить. Просто не смогут. В конце концов, их жены спали рядом с ними каждую ночь. Они не проводили по три месяца в разлуке и не гадали, насколько прочен их брак, вернется ли когда-нибудь жизнь на круги своя.

Пересекая парковку, Тревис думал о дочерях, о работе, о жене. Сейчас ничто не приносило ему облегчения. Он чувствовал себя так, будто потерпел поражение буквально на всех фронтах. В последнее время счастье казалось далеким и недостижимым, как открытый космос. Он не всегда так считал. Долгое время мнил себя счастливым. Но многое изменилось. Люди изменились. Перемены — один из непреодолимых законов природы, которая взимает с людей свою дань. Начинаются ошибки и сожаления — а в итоге даже такое простое действие, как встать поутру с постели, кажется на редкость трудоемким.

Покачивая головой, Тревис подошел к двери больницы и вспомнил себя ребенком, который слушает отцовские истории и сказки. Его жизнь когда-то походила на прекрасную сказку, подумал он. Сказку со счастливым концом. Взявшись за дверную ручку, Тревис ощутил знакомый прилив печали.

И лишь потом, охваченный воспоминаниями, он задумался: а что же дальше?

ЧАСТЬ 1

Май 1996 года

— Объясни еще раз, почему я согласился тебе помогать. — Мэтт, краснолицый и потный, продолжал толкать ванну к свежерасчищенному квадрату в дальнем конце веранды. Ноги у него скользили, пот стекал со лба, попадал в глаза. Было слишком жарко для начала мая. Чертовски жарко, проще говоря. Даже Моби, пес Тревиса, спрятался в тени и тяжело дышал, свесив язык.

Тревис Паркер, который передвигал массивный короб бок о бок с Мэттом, умудрился пожать плечами.

— Ты решил, что будет весело, — напомнил он, упираясь посильнее. Ванна, которая весила, должно быть, фунтов четыреста, продвинулась еще на пару дюймов. Такими темпами она окажется на месте примерно к концу следующей недели.

— Мы просто идиоты, — признал Мэтт, всем весом наваливаясь на ящик и думая, что на самом деле не помешала бы упряжка мулов. Спина болела адски. На мгновение ему показалось, что сейчас от напряжения у него оторвутся уши и полетят в разные стороны, совсем как ракеты, которые они с Тревисом запускали в детстве.

— Ты это уже говорил.

— И ничего веселого я здесь не вижу, — проворчал Мэтт.

— И это тоже.

— Мы все равно не установим ее как следует.

— А вот и нет, — сказал Тревис. Он выпрямился и указал на надпись на упаковке: — Видишь? Здесь сказано: «Легко установить».

Моби, чистокровный боксер, гавкнул со своего места в тени, как бы в знак подтверждения, и Тревис улыбнулся. Видимо, он был очень доволен собой.

Мэтт нахмурился, пытаясь отдышаться. Он ненавидел эту улыбку. Ну, не всегда. Как правило, ему нравился бесконечный оптимизм друга. Но только не сегодня. Уж точно не сегодня.

Он полез в задний карман за платком. Тот намок от пота — слов нет, какая огромная от этого польза для брюк. Мэтт вытер лицо и быстрым движением выжал платок. Пот закапал на мысок летней туфли, точно вода из неисправного крана, Мэтт смотрел на него точно загипнотизированный,

а потом почувствовал, как влага просачивается сквозь тонкую ячеистую ткань. Пальцам стало прохладно и скользко. Просто супер.

— Если я не ошибаюсь, ты говорил, что Джо и Лэрд придут помогать с этой твоей игрушкой, а Меган и Элисон приготовят гамбургеры. И что мы выпьем пива. И что вся возня займет самое большее пару часов.

— Они придут, — подтвердил Тревис.

— Ты сказал это четыре часа назад.

— Должно быть, немного запаздывают.

— Может, ты им вообще не звонил?

— Разумеется, звонил. Они собираются привезти детей.

— И когда их ждать?

— Скоро.

— Ну-ну, — отозвался Мэтт и сунул платок обратно в карман. — Кстати, если они все-таки не приедут, то как, ради всего святого, мы с тобой вдвоем водворим эту штуку на место?

Тревис отмахнулся и снова принялся толкать ванну.

— Подумаем об этом потом. А сейчас лучше думай, как далеко мы продвинулись. Мы уже почти на полпути.

Мэтт снова нахмурился. Сегодня суббота. Суббота! Время отдыха и безделья. Перерыв, который он заслужил пятью днями работы в банке. Передышка, которая ему необходима. Он специалист по кредитам, черт возьми. Он должен толкать бумаги, а не ванны. Сейчас он мог бы смотреть матч «Брейвз» — «Доджерс». Мог бы играть в гольф! Лежать на пляже! Подольше поспать, а потом вместе с Лиз поехать к ее родителям, как обычно по выходным, — а вместо этого он поднялся на рассвете и в течение восьми часов занимался изнуряющим физическим трудом под палящим южным солнцем...

Мэтт помедлил. Кого он обманывает? Если бы он не пришел сюда, то, разумеется, провел бы день с тестем и тещей, — честно говоря, именно поэтому он и предпочел помочь Тревису. Но дело не в этом. Просто лично он обойдется без ванны. Честное слово, обойдется.

— Мне она не нужна, — заявил Мэтт.

Тревис, кажется, не расслышал. Он уже уперся руками в короб и занял исходное положение.

— Готов?

Мэтт согнулся, испытывая настоящую муку. Ноги у него дрожали. Дрожали! Он прекрасно понимал, что с утра его ждет адская боль, от которой не избавит и двойная доза таблеток. В отличие от Тревиса он не качался в спортзале четырежды в неделю, не играл в теннис, не бегал, не

занимался подводным плаванием на Карибах, серфингом на Бали, лыжным спортом в Колорадо и так далее.

— Не смешно.

Тревис подмигнул:

— Ты это уже говорил.

— Ух ты! — воскликнул Джо, обходя наполненную горячей водой ванну. Солнце уже садилось, золотые лучи отражались в заливе. Цапля, вылетевшая из-за деревьев, скользила над самой поверхностью, рассеивая потоки света. Джо и Меган вместе с Лэрдом и Элисон приехали несколько минут назад с детьми, и Тревис хвалился проделанной работой.

— Потрясающе! И вы все это провернули вдвоем?

Тревис, с пивом в руках, кивнул.

— Все было не так уж плохо, — сказал он. — По-моему, Мэтт наслаждался процессом.

Джо взглянул на Мэтта, который плашмя лежал в шезлонге, с холодным компрессом на голове. Даже его живот (Мэтт всегда отличался некоторой тучностью) как будто опал.

— Да уж, вижу.

— Что, ванна была такая тяжелая?

— Как египетский саркофаг! — простонал Мэтт. — Ее впору краном поднимать!

Джо засмеялся.

— Можно детям залезть?

— Пока нет. Я только что ее наполнил. Надо подождать, пока вода нагреется. Впрочем, солнце нам поможет.

— Уж оно ее нагреет за считанные минуты, — хрипло добавил Мэтт. — Даже за секунды.

Джо ухмыльнулся. Все они дружили с детского сада.

— Нелегкий денек, да, Мэтт?

Тот сбросил компресс и нахмурился.

— Ты даже не представляешь насколько. Спасибо, что приехал вовремя.

— Тревис приказал быть к пяти. Если бы я знал, что вам нужна помощь, явился бы пораньше.

Мэтт медленно перевел взгляд на Тревиса. Иногда он по-настоящему его ненавидел.

— Как поживает Тина? — Тревис предпочел сменить тему. — Меган удастся хоть немного поспать?

Меган болтала с Элисон за столом на дальнем конце веранды; Джо

мельком взглянул на нее.

— Ну да. Кашель у Тины прошел, и она спит спокойно почти всю ночь. Но иногда мне кажется, что Меган просто разучилась спать. По крайней мере после родов. Она просыпается, даже если Тина не издает ни звука. Как будто ее будит тишина.

— Меган — отличная мать, — сказал Тревис. — И всегда такой была.

Джо повернулся к Мэтту:

— А где Лиз?

— Приедет с минуты на минуту, — сообщил тот загробным голосом.
— Она собиралась провести день с родителями.

— Как мило.

— Придержи язык. Они славные люди.

— Помнится, ты утверждал, что если тесть еще хоть раз поведает тебе о своем раке простаты, ты начнешь биться головой о стену.

Мэтт с трудом сел.

— Я никогда этого не говорил!

— Говорил. — Джо подмигнул, и тут из-за угла показалась жена Мэтта, Лиз. Чуть впереди нее ковылял маленький Бен. — Но не волнуйся, я никому не скажу.

Мэтт нервно взглянул на Лиз, потом на Джо и снова на жену, пытаясь понять, слышала ли она что-нибудь.

— Привет! — Лиз помахала мужчинам рукой и направилась к Меган и Элисон. Бен обрел свободу и заспешил к остальным детям.

Мэтт с облегчением вздохнул. Заметив это, Джо ухмыльнулся и понизил голос:

— Ага... Родня Мэтта. Видимо, именно так ты и заманил его сюда.

— Наверное, мне стоило об этом упомянуть... — Тревис улыбнулся.

Джо засмеялся.

— О чем вы там, парни? — с подозрением спросил Мэтт.

— Ни о чем, — откликнулись оба в один голос.

Позже, когда солнце село и вся еда была съедена, Моби свернулся клубочком в ногах у Тревиса. Слушая, как дети плещутся в ванне, Тревис ощутил глубочайшее удовлетворение. Он любил такие вечера и охотно бездельничал, прислушиваясь к смеху и болтовне. Элисон то разговаривала с Джо, то обращалась к Лиз, а потом к Лэрду и Мэтту; так поступали все, кто сидел вокруг стола на веранде. Никаких амбиций и претензий, никто никого не пытается смутить. Тревис иногда думал, что его жизнь похожа на рекламу пива, и по большей части он был счастлив просто плыть по течению и блаженствовать.

Женщины по очереди выходили взглянуть, как там дети. У Лэрда, Мэтта и Джо исполнение отцовских обязанностей, напротив, выражалось в том, что они время от времени повышали голос, чтобы успокоить малышей или предотвратить ссору. Разумеется, кто-нибудь из детей порой закатывал истерику, но в большинстве случаев материнский поцелуй или объятие решали проблему, и взрослым было также приятно наблюдать за этим издали, как детям — получать свою порцию ласки.

Тревис оглядел гостей, с удовольствием подумав, что его школьные друзья не только сделались хорошими мужьями и отцами, но и по-прежнему остались частью его жизни. Ведь так бывает далеко не всегда. В свои тридцать два года он знал, что жизнь порой похожа на азартную игру; Тревис пережил множество несчастных случаев, и некоторые могли бы нанести ему серьезный физический ущерб — однако же обошлось. Жизнь непредсказуема. Люди, которых он знал с детства, погибали в автомобильных катастрофах, женились и разводились, начинали пить или подсаживались на наркотики либо просто уезжали из родного городка, и их лица изглаживались из памяти Тревиса. Каковы были шансы того, что четверка, связанная дружбой с раннего детства, по-прежнему будет проводить выходные вместе, даже когда им перевалит за тридцать? Весьма невелики, подумал Тревис. Но каким-то чудом, пережив подростковые прыщи, проблемы с девочками и неурядицы с родителями, а затем разъехавшись по четырем разным колледжам и сделав четыре разные карьеры, все они один за другим вернулись в Бофор. И стали скорее семьей, нежели друзьями. У них были свои секретные словечки и общий опыт, непонятный постороннему.

Как ни странно, их жены тоже ладили. У них было разное прошлое, они выросли в разных местах, но брак, материнство и бесконечные сплетни провинциального американского городка сделали свое дело — молодые женщины регулярно болтали по телефону и привязались друг к другу, как разлученные в детстве сестры. Лэрд женился первым — они с Элисон сочетались браком сразу же после выпуска из Уэйк-Форест. Год спустя к алтарю отправились Джо и Меган — они полюбили друг друга, когда учились на последнем курсе в Университете Северной Каролины. Мэтт, который учился в Дьюке ^[1], повстречал Лиз дома, в Бофоре, и через год они поженились. Тревис был шафером у всех троих.

Конечно, за последние несколько лет кое-что изменилось, в основном из-за прибавления в семействах. Лэрд не всегда присоединялся к Тревису в его велосипедных прогулках, Джо не мог, повинаясь минутной прихоти, отправиться с ним в Колорадо, как бывало раньше, а Мэтт тщетно сбивался

с ног, пытаясь сопутствовать приятелю повсюду. Но все это было в порядке вещей. Друзья по-прежнему оставались в пределах досягаемости, и при правильном планировании Тревис проводил большинство выходных наилучшим образом.

Погрузившись в размышления, он даже не заметил, что разговор оборвался.

— Я что-то пропустил?

— Я спросила, звонил ли ты Моники, — сообщила Меган, и Тревис сообразил, что влип. Все шестеро, как ему казалось, проявляли слишком большой интерес к его личной жизни. Проблема с семейными людьми в том, что они полагают, будто все вокруг непременно должны жениться и выходить замуж. Каждая женщина, с которой встречался Тревис, подвергалась тонкому, хотя и неумолимому разбору, особенно со стороны Меган. В таких ситуациях она становилась лидером и всегда пыталась вычислить, что именно заводит их друга, когда дело касается женщин. А тот, разумеется, не упускал возможности, в свою очередь, потянуть за нужную ниточку.

— В последнее время нет, — ответил он.

— Почему? Она такая милая.

А еще редкостная неврастеничка, подумал Тревис. Но речь сейчас не об этом.

— Если помнишь, она со мной поругалась.

— И что? Готова поспорить, она ждет твоего звонка.

— А мне показалось, наоборот.

Меган, Элисон и Лиз уставились на него как на идиота. Мужчины, как обычно, наслаждались происходящим. Это была неременная составляющая субботнего вечера.

— Значит, вы поссорились?

— И что?

— А тебе не кажется, что она просто сорвалась?

— Я тоже был зол.

— Почему?

— Она требовала, чтобы я побывал у психолога.

— Дай-ка угадаю — ты сказал, что тебе не нужен психолог?

— Психолог мне понадобится в тот день, когда ты увидишь меня в юбке и с вязальными спицами в руках.

Джо и Лэрд засмеялись, Меган вскинула брови. Как всем было известно, она каждый день смотрела ток-шоу Опры.

— Ты считаешь, что мужчинам не нужен психолог?

— Я знаю, что мне не нужен.

— А в общем?

— Поскольку я не выступаю от лица всех мужчин, то и не берусь судить.

Меган откинулась на спинку кресла.

— А я думаю, что Моника, возможно, права. Лично я считаю, что у тебя проблемы с женщинами.

— В будущем не стану спрашивать у тебя совета.

Меган подалась вперед.

— Сколько продолжался твой самый долгий роман? Два месяца? Четыре?

Тревис задумался.

— С Оливией мы встречались почти год...

— Школьные романы не считаются, — встрял Лэрд. Разумеется, приятели не упускали возможности его подставить.

— Спасибо, Лэрд, — отозвался Тревис.

— Всегда пожалуйста, дружище.

— Ты уходишь от ответа, — напомнила Меган.

Тревис побарабанил пальцами по колену.

— Наверное... надо признать... Не помню.

— Иными словами, ни одного романа, который стоило бы запомнить?

— А что я могу сказать? Я еще не встретил женщину, которая сравнялась бы с вами.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, Тревис видел, что Меган польщена. Он уже давно понял, что лесть — лучшая защита в подобных ситуациях, тем более что он был абсолютно искренен. Меган, Лиз и Элисон — потрясающие женщины. Добрые, верные, здравомыслящие.

— Да, но ты ведь знаешь, что мне она нравится, — ответила Меган.

— Тебе нравятся все, с кем я встречаюсь.

— Нет. Лесли мне не нравилась.

Никому из жен его друзей не нравилась Лесли. Мэтт, Лэрд и Джо, напротив, не возражали против ее общества, особенно когда Лесли появлялась в бикини. Она, несомненно, была красоткой, и хотя Тревис все равно бы на ней не женился, они славно развлекались, пока продолжался их роман.

— Мне все-таки кажется, следует ей позвонить, — настаивала Меган.

— Я подумаю, — ответил Тревис, прекрасно понимая, что не позвонит. Он встал, изыскивая путь к бегству. — Кто-нибудь хочет еще пива?

Джо и Лэрд одновременно воздели свои бутылки, прочие покачали головами. Тревис направился к холодильнику, помедлил, остановившись у стеклянной входной двери, а потом зашел в дом и сменил диск в проигрывателе; возвращаясь с пивом к столу, он слушал, как музыка разносится по двору. К тому времени Меган, Элисон и Лиз уже обсуждали Гвен, свою парикмахершу. Гвен знала множество историй, в том числе о противозаконных пристрастиях некоторых горожан.

Тревис молча держал свое пиво и смотрел на реку.

— О чем думаешь? — спросил Лэрд.

— Не важно.

— А все-таки?

Тревис обернулся к нему:

— Ты когда-нибудь замечал, что от одних названий цветов образуются фамилии, а от других — нет?

— Что это значит?

— Например, Уайт и Блэк. Мистер Уайт, Белый, — это тот тип, который держит магазин радиоаппаратуры. Мистер Блэк, Черный, был нашим учителем в третьем классе. Мистер Грин ведет викторину по телевизору. Но я в жизни не слышал о человеке по фамилии Оранж или Блу [2]. Похоже, некоторые цвета хороши в качестве фамилий, а другие звучат глупо. Понимаешь, о чем я?

— Наверное, я никогда не задумывался.

— Я подумал об этом буквально только что. Все равно, это довольно странно, тебе не кажется?

— Конечно, — согласился Лэрд.

Оба помолчали.

— Я же сказал, это пустяк.

— Ну да, сказал.

— Я был прав?

— Ага.

Когда малышка Джози во второй раз за пятнадцать минут закатила скандал (было уже почти девять вечера) Элисой подхватила ее на руки и многозначительно взглянула на мужа; это значило, что пора укладывать детей. Лэрд не стал спорить. Как только он поднялся из-за стола, Меган посмотрела на Джо, Лиз кивнула Мэтту, и Тревис понял, что вечер окончен. Родители могут считать себя главными, но в конце концов именно дети диктуют правила.

Он, конечно, мог бы уговорить кого-нибудь из друзей остаться на ночь, но Тревис уже давно привык к тому, что его приятели живут в несколько

ином ритме. Кроме того, у него возникло подозрение, что сегодня заглянет в гости младшая сестра Стефани. Она приехала из Чепл-Хилла, где изучала биохимию и готовилась к получению степени магистра. Хотя Стефани собиралась остановиться у родителей, обычно после поездки она испытывала сильное желание поболтать, а мать с отцом в это время уже ложились спать. Меган, Джо и Лиз встали и начали убирать со стола, но Тревис отмахнулся:

— Сам разберусь.

Через пару минут детей уже рассадили в два седана и один мини-вэн. Тревис стоял на крыльце и махал рукой, пока машины выкатывали с подъездной дорожки.

Когда друзья уехали, он пошел к проигрывателю, порылся среди дисков, поставил «Роллинг стоунз» и включил погромче. По пути к своему креслу прихватил еще пива, а потом задрал ноги на стол и откинулся на спинку. Моби сидел рядом.

— Только ты и я, — произнес Тревис. — Как думаешь, когда приедет Стефани?

Моби отвернулся. Если не было слов «гулять», «мячик», «косточка» или «покататься», пса не очень-то интересовало то, что говорит хозяин.

— Может, позвонить и выяснить, где она?

Моби смотрел в никуда.

— Да-да, совершенно с тобой согласен. Когда приедет, тогда и приедет.

Тревис сидел, потягивая пиво, и смотрел на воду. Моби тихонько заскулил.

— Хочешь мячик? — спросил Тревис.

Моби вскочил так быстро, что чуть не опрокинул стул.

Именно музыка стала последней каплей — неделя и так выдалась хуже некуда. Громкая музыка. Ну ладно, в девять часов вечера в субботу это не такое уж преступление, тем более что у соседа, судя по всему, были гости. И в десять — тоже довольно терпимо. Но в одиннадцать? Когда он один и играет в мячик с собакой?

Стоя на заднем крыльце, Габи видела, как он сидит в тех же шортах, которые были на нем с утра, швыряет псу мячик и смотрит на реку. О чем, ради Бога, он думал?

Вероятно, не следовало так сердиться; нужно было просто не обращать на него внимания. «Мой дом — моя крепость». Он может делать что вздумается. Но проблема не в этом. Просто она — его соседка, а соседи должны быть внимательны по отношению друг к другу. По правде говоря, он переступил черту. Не только из-за музыки. Честно говоря, она разделяла

его музыкальные вкусы и обычно не возражала, даже если сосед включал звук на полную катушку. Проблема была в собаке. Нобби, или как там его. Точнее, в том, что натворил этот пес.

Молли была беременна.

Молли, красивая, ласковая, чистокровная колли, победительница выставок, ее первое приобретение после окончания медицинской практики в Университете Восточной Виргинии, собака, о которой она всегда мечтала... так вот, Молли в последние две недели заметно потяжелела. А главное, у нее набухли соски. Они без труда прощупывались, когда Молли ложилась на спину и подставляла брюхо. А еще она стала медленнее двигаться. Судя по всему, ей предстояло произвести на свет щенков, которых удастся пристроить разве что чудом. Помесь боксера и колли? Габи поморщилась, пытаясь представить, как будут выглядеть щенки, а потом решительно отогнала эту мысль.

Разумеется, это соседский боксер. Когда у Молли была течка, он буквально торчал у двери, как сыщик. Это единственный пес, который околачивается по кварталу. Озаботился ли его хозяин тем, чтобы огородить свой двор? Чтобы не выпускать собаку без присмотра? Чтобы держать в вольере? Нет. Его девиз — «Моя собака свободна!». Неудивительно. Судя по всему, этот человек и сам живет, руководствуясь тем же принципом. Безответственность, вот что это такое! По пути на работу Габи видела, как он гуляет с собакой, а когда возвращалась домой, он катался на велосипеде или на роликах или играл в баскетбол с соседскими ребятами. Месяц назад спустил на воду катер и с тех пор развлекался еще и водными лыжами, как будто прежних видов деятельности ему не доставало. Судя по всему, Бог воспретил этому типу работать хотя бы минуту сверхурочно — а по пятницам, насколько ей было известно, он вообще не работал. Интересно, чем он вообще занимается, если идет на работу в джинсах и футболке? Габи понятия не имела, но подозревала (с мрачным удовлетворением), что наиболее вероятные рабочие принадлежности соседа — фартук и бейджик с именем.

Ну ладно, возможно, она несправедлива. Вероятно, ее сосед славный парень. Его друзья вполне нормальные люди, и к тому же с детьми, очевидно, наслаждались его обществом и все свободное время проводили здесь. Габи вспомнила, что кого-то из них видела у себя в кабинете, когда их дети подхватывали насморк. Но как быть с Молли? Та сидела у задней двери и виляла хвостом; Габи с тревогой задумалась. С Молли все будет в порядке, но что делать со щенками? А если никто не захочет их брать? Габи уж точно не понесет кутят к пруду или в какой-нибудь «центр», как они там

называются, где малышей просто усыпят. Она не сможет этого сделать. И не сделает. Не позволит убить щенков.

Но как ей тогда поступить?

Это все его вина, а он сидит на веранде, задрав ноги на стол, и держится так, как будто ни при чем.

Вовсе не о таком мечтала Габи, когда впервые год назад увидела этот дом. К сожалению, ей предстояло поселиться не в Морхед-Сити, где жил ее парень Кевин, но всего лишь в нескольких минутах езды от него. Дом был маленький, почти полувековой давности, кое-как отремонтированный, но вид на гавань открывался потрясающий, двор оказался достаточно просторным, чтобы Молли могла побегать, а главное — жилье вполне по карману. Конечно, чтобы расплатиться, Габи пришлось неоднократно брать кредиты, но банковские служащие обычно проявляют понимание, ссужая деньги таким, как она. Образованным и успешным женщинам. Которые не похожи на мистера Я-не-работают-по-пятницам.

Она глубоко вздохнула и вновь напомнила себе, что, возможно, ее сосед славный парень. Сосед всегда махал ей рукой, когда она возвращалась с работы, а два месяца назад принес полную корзину сыра и вина, чтобы поздравить с новосельем. Ее не оказалось дома, поэтому он оставил подарок на веранде. Габи пообещала себе, что напишет благодарственную записку, но так и не собралась это сделать.

Она снова поморщилась. К слову, о моральном превосходстве. Конечно, она тоже не идеал, но сейчас речь не о какой-то забытой записке, а о Молли, о его псе, который бродит без присмотра, и о нежеланных щенках. Настало время обсудить ситуацию. Тем более что, судя по всему, сосед не спит.

Габи спустилась с веранды и зашагала к живой изгороди, которая разделяла их дворы. Она была бы не против, если бы Кевин сейчас оказался рядом, но это было невозможно. Не теперь, после их утренней ссоры, которая началась, когда она случайно упомянула о свадьбе своей двоюродной сестры. Кевин, погруженный в чтение спортивных новостей, не произнес ни слова — предпочел сделать вид, что ничего не слышал. Все, что касалось свадьбы, превращало его в каменную статую, особенно в последнее время. Габи решила, что не стоит удивляться — они встречались уже почти четыре года (кстати, на год меньше, чем ее кузина). Если она и успела что-то понять о характере Кевина, так именно то, что он будет всячески избегать тем, которые считает неприятными.

Но проблема заключалась не в нем. И не в том, что Габи чувствовала себя так, как будто жизнь не вполне удалась. Не в том, что на работе выпала

ужасная неделя... в пятницу ее трижды вырвало, и это был абсолютный рекорд, по крайней мере если верить медсестрам, которые не старались скрыть ухмылки. Не в том, что она злилась на Эдриана Мелтона, своего женатого коллегу, который, общаясь, всегда старался притронуться к ней, и каждый раз его рука задерживалась чуть дольше положенного. И разумеется, не в том, что Габи ни разу не попыталась уклониться.

Ничего подобного. Проблемой был лишь он, мистер Весельчак — безответственный сосед, которому придется смириться с тем фактом, что он вместе с ней должен искать выход из сложившейся ситуации. И когда она будет доводить это до его сведения, то, возможно, заодно намекнет, что уже поздновато включать музыку на полную громкость (пусть даже их музыкальные пристрастия совпадают). Просто чтобы он понял, что Габи настроена серьезно.

Она заметила просвет в кустарнике и направилась к нему. Возможно, это была та самая брешь, которой воспользовался Нобби, чтобы овладеть бедняжкой Молли. У Габи сжалось сердце, и на сей раз она постаралась не утратить нужного настроения. Это важно. Очень важно!

Сосредоточившись на своей миссии, Габи не заметила, что теннисный мячик полетел в ее сторону в ту самую секунду, когда она появилась из кустов. Она услышала стук собачьих лап, а потом вдруг получила сильный удар и упала.

Лежа на спине, Габи смутно сознавала, что над ней слишком много звезд, а небо чересчур яркое и расплывчатое. На мгновение она удивилась, что не может дышать, а затем ее напугала боль, которая разливалась по всему телу. Девушка могла лишь лежать на траве и вздрагивать при каждом биении сердца.

Откуда-то издали донеслись невнятные звуки, а потом мир медленно начал обретать отчетливые очертания. Габи попыталась сосредоточиться и поняла, что это не просто звуки, а голоса. Точнее, голос. Кто-то спрашивал, все ли с ней в порядке.

Одновременно Габи ощутила на щеке чье-то теплое зловонное и ритмичное дыхание. Она моргнула, скосила глаза и обнаружила над собой огромную квадратную морду. Нобби, отметила она сквозь дурноту.

— Ох-х-х... — простонала Габи, пытаясь сесть. Едва она пошевелилась, пес лизнул ее в лицо.

— Моби, лежать! — прозвучал голос, на этот раз ближе. — С вами все в порядке? Может, пока не стоит вставать?

— Со мной все в порядке, — выдавила Габи и наконец села. Она глубоко вздохнула пару раз. Голова кружилась. Ничего себе, подумала

девушка. Как же больно. В темноте она увидела, что мужчина опустился на корточки рядом с ней, хотя с трудом могла различить его черты.

— Пожалуйста, простите, — сказал сосед.

— А что случилось?

— Моби случайно сбил вас с ног. Он бежал за мячиком.

— Кто такой Моби?

— Моя собака.

— Тогда кто Нобби?

— Что?

Габи поднесла руку к виску.

— Так, ничего.

— Вы уверены, что все в порядке?

— Да, — сказала она, чувствуя, как боль сменяется размеренным пульсированием. Габи попробовала встать, и сосед взял ее за плечо, помогая подняться. Она немедленно вспомнила карапузов, которых приводили к ней в больницу, и то, как малыши изо всех сил пытались удержать равновесие. Когда она наконец ощутила под собой твердую почву, мужчина отпустил ее плечо.

— Ну вроде как «добро пожаловать», да?

Его голос по-прежнему доносился откуда-то издалека, но Габи знала, что это обман. Оказавшись лицом к лицу с соседом, она обнаружила, что он выше как минимум на шесть дюймов. Габи подняла глаза и заметила угловатые скулы и чистую кожу. У мужчины были волнистые каштановые волосы и ослепительно белые зубы. Вблизи он казался интересным, очень интересным, и Габи заподозрила, что ему самому это прекрасно известно. Глубоко задумавшись, она открыла рот, чтобы о чем-то спросить, и снова закрыла, потому что забыла вопрос.

— Надо же, вы решили заглянуть в гости, и вас сбита с ног моя собака, — продолжал он. — Честное слово, мне очень неловко. Обычно он куда внимательнее. Поздоровайся, Моби.

Пес сидел на задних лапах, чертовски довольный собой, и Габи немедленно вспомнила о цели своего визита. Моби поднял лапу в знак приветствия. Очень мило — и сам Моби был весьма симпатичен для боксера, — но Габи не проведешь. Перед ней сидел преступник, который не только сбил ее с ног, но и совратил Молли. Следовало дать ему кличку Разбойник. Или еще лучше — Извращенец.

— Вы уверены, что все в норме?

Габи вспомнила, что намеревалась завязать совсем другой разговор, и попыталась воскресить то чувство, которое испытывала по пути сюда.

— Да, — резко ответила она.

Несколько томительных секунд они молча разглядывали друг друга. Наконец мужчина спросил:

— Может, посидим на веранде? Я вот слушаю музыку...

— С чего вы взяли, что я хочу сидеть на веранде? — огрызнулась Габи, наконец восстановив боевой дух.

Он ответил не сразу.

— Потому что вы сами сюда пришли, так?

Ах да. Точно.

— Конечно, мы можем постоять и здесь, если вам так хочется, — продолжал он.

Габи вскинула руку, чтобы поскорее остановить говоруна.

— Я пришла, потому что хотела с вами обсудить...

Она замолчала, потому что он вдруг шлепнул себя по бокам.

— И я тоже, — заявил он, прежде чем Габи успела продолжить. — Давно собирался заскочить и официально поздравить с новосельем! Вы получили мою корзину?

Габи услышала жужжание над ухом и отмахнулась.

— Да. Спасибо, — рассеянно ответила она. — Но я хотела поговорить о... — Она замолчала, когда поняла, что он не слушает. Сосед почему-то принялся махать рукой в воздухе.

— Вы уверены, что не хотите зайти на веранду? — повторил он. — Здесь, возле кустов, полно mosquitos.

— Я хочу сказать, что...

— У вас на ухе сидит mosquito, — сообщил он, указывая пальцем.

Габи инстинктивно хлопнула себя по уху.

— На другом.

Она повторила движение и увидела капельку крови. Вот гадость.

— И еще один на щеке.

Вокруг нее, кажется, собралась целая стая.

— В чем дело?!

— Я же сказал, здесь кусты. Mosquitos любят влагу, а в тени всегда сыро...

— Хорошо, — уступила Габи. — Можно поговорить и на веранде.

Они быстро зашагали к дому.

— Ненавижу mosquitos. Поэтому всегда держу на столе ароматические свечи. Запаха citronella обычно хватает, чтобы их отпугнуть. Летом от мошкеры вообще покоя нет. — Мужчина держался чуть впереди, чтобы случайно не столкнуться с гостьей. — Кстати, мы, кажется, так и не

познакомились. Меня зовут Тревис Паркер.

Габи ощутила, что вновь теряет боевой настрой. Она, в конце концов, пришла сюда не знакомиться. Но хорошее воспитание победило, и девушка ответила прежде, чем успела прикусить язык:

— А я Габи Холланд.

— Рад знакомству.

— Ну да, — отозвалась она и демонстративно скрестила руки на груди, а потом пощупала ребра в том месте, где по-прежнему пульсировала тупая боль, и пощупала ухо, которое уже начало чесаться.

Глядя на нее, Тревис понимал, что девушка сердится. Губы стянуты в нитку — это выражение он не раз видел на лицах своих подруг. Он чувствовал, что гнев направлен на него, хотя понятия не имел почему. Не считая, конечно, того, что Моби сбил ее с ног. Но дело было не только в собаке. Он вспомнил гримасу, которую делала его младшая сестра Стефани, когда в ней постепенно нарастало чувство обиды, — именно так сейчас выглядела и Габи. Как будто намеренно довела себя до такого состояния. Но на этом сходство заканчивалось. Стефани выросла бесспорной красавицей, а Габи была привлекательна, но не настолько безупречна. Синие глаза посажены чуть шире, следовало бы, нос слегка великоват, рыжие волосы невозможно пригладить, — но отчего-то все эти маленькие недостатки придавали ей беззащитный вид, который не оставляет равнодушным ни одного мужчину. Габи пыталась собраться с мыслями.

— Я пришла сюда, потому что...

— Подождите, — перебил Тревис. — Может, сначала сядем? — Он направился к холодильнику и на полпути обернулся: — Хотите пива?

— Нет, спасибо, — ответила Габи, желая поскорее с этим покончить. Садиться она тоже не собиралась — в надежде успеть все сказать Тревису, когда тот пойдет мимо. Но он проскочил слишком быстро, плюхнулся в кресло, откинулся на спинку и задрал ноги на стол.

Габи, взволнованная, продолжала стоять. Все шло не так, как она планировала.

Он открыл пиво и отхлебнул.

— Вы не собираетесь присесть?

— Спасибо, лучше постою.

Тревис покосился на гостью, заслонив глаза ладонью.

— Но мне вас почти не видно, — сказал он. — Свет падает сзади.

— Я хотела кое-что вам сказать...

— Вы не могли бы сделать два шага в сторону?

Габи нетерпеливо фыркнула и отодвинулась.

— Теперь лучше?

— Нет.

Она раздраженно вскинула руку.

— Может, вы все-таки сядете? — предложил Тревис.

— Хорошо. — Габи придвинула стул и села. Этот человек буквально выбил ее из колеи. — Я пришла сюда, потому что хотела с вами поговорить... — Она задумалась, начать ли с Молли или со слов о том, каким должен быть добропорядочный сосед.

Тревис изогнул бровь:

— Я это уже слышал.

— Знаю! — огрызнулась Габи. — Я пыталась закончить, но вы мне не позволили!

Она взглянула на него точно так же, как это делала Стефани. Тревис по-прежнему понятия не имел, из-за чего Габи так взвилась. Она начала нерешительно, как будто опасаясь, что он снова ее перебьет. Тревис не перебивал — и Габи, судя по всему, вошла в ритм: она говорила все быстрее и быстрее. Рассказала, как нашла этот дом, как радовалась покупке, потому что долго мечтала о том, чтобы обзавестись собственным жилищем, а затем перешла к Молли, у которой набухли соски. Поначалу Тревис не мог понять, кто такая Молли, так что эта часть монолога обрела несколько сюрреалистическое звучание. Но по мере того как соседка продолжала, он наконец сообразил, что речь о колли, которую он время от времени видел на прогулке с хозяйкой. Потом Габи заговорила об уродливых щенках, о том, что категорически против убийства, а еще почему-то — о рвоте и о каком-то докторе Мелтоне, «который здесь вообще ни при чем». Честно говоря, все это казалось бессмысленным до тех пор, пока соседка не начала тыкать в сторону Моби. Тревис сложил фрагменты воедино, и до него дошло: Габи считает, что его боксер повинен в беременности Молли.

Он хотел сказать, что Моби не виноват, но Габи так разошлась, что Тревис решил: пусть сначала закончит, протесты потом. К этому времени ее речь текла рекой, фрагменты личной жизни то и дело внезапно проскакивали в рассказе — маленькие обрывки, как будто ни с чем не связанные, впереमेжку со взрывами гнева в его адрес. Тревису казалось, что Габи не замолкала минут двадцать, но он знал, что это не так. И все-таки выслушивать от посторонней женщины обвинения в том, что ты плохой сосед, не так уж приятно — и еще Тревис не мог согласиться с тем, что она говорила о Моби. Моби, по его мнению, был лучшей собакой на

свете.

Габи все-таки делала паузы, и тогда Тревис безуспешно пытался возразить. Но толку было немного, потому что она сразу его перебивала. Он слушал и — по крайней мере в те моменты, когда соседка не обвиняла его — ощущал в ее речи нечто вроде отчаяния, даже замешательства. Собака, сознавала это Габи или нет, была лишь частью проблемы. Тревис испытал прилив сострадания и поймал себя на том, что кивает — просто чтобы показать, что внимательно слушает. То и дело Габи обращалась к нему с вопросом — но сама же и отвечала прежде, чем он успевал открыть рот. «Разве соседи не должны обдумывать свои поступки?» Он собирался сказать: «Да, разумеется», — но она его опережала: «Конечно, должны!» И Тревис снова кивал.

Закончив наконец свою тираду, Габи потупилась. Хотя ее губы по-прежнему оставались сжатыми в нитку, Тревису показалось, что девушка готова заплакать. Он задумался, не предложить ли ей платок. Платки лежали в доме слишком далеко, но он вспомнил, что возле гриля должны быть салфетки. Тревис быстро встал, нашел несколько штук и принес. Поколебавшись, она взяла салфетку и промокнула уголки глаз. Теперь, когда Габи успокоилась, Тревис заметил, что, она милее, чем ему показалось на первый взгляд. Она прерывисто вздохнула.

— Вопрос в том, что вы собираетесь делать.

Тревис помедлил, пытаясь понять, на что она намекает.

— Делать — по поводу чего?

— По поводу щенков!

Он услышал, как в ее голосе вновь нарастает гнев, и вскинул руки, надеясь успокоить гостью.

— Давайте начнем сначала. Вы уверены, что Молли беременна?

— Конечно! Вы что, совсем меня не слушали?

— Ее осмотрел ветеринар?

— Я фельдшер. Два с половиной года училась в медицинском колледже и прошла стажировку. Я сумею распознать беременность.

— Не сомневаюсь — если дело касается людей. Но у собак все по-другому.

— Откуда вам знать?

— Я хорошо разбираюсь в собаках. Я...

Ну да, разумеется, подумала Габи, жестом заставляя его замолчать.

— Она двигается медленнее, странно себя ведет, у нее набухли соски. Что еще это может быть?

Честное слово, каждый мужчина, у которого в детстве щенок, считает

себя специалистом по собакам.

— А вдруг у Молли инфекция? Вдруг соски отекли из-за этого? Странное поведение может объясняться тем, что собака испытывает боль, если заболевание достаточно серьезное.

Габи открыла рот и тут же осознала, что даже не подумала об этом. Соски действительно могли набухнуть от инфекции — например, от мастита, — и на мгновение она ощутила прилив облегчения. Но когда Габи хорошенько подумала, иллюзии развеялись. Речь шла не об одном-двух сосках. Все набухли. Она скрутила салфетку и мысленно приказала Тревису слушать молча.

— Молли беременна, и у нее будут щенки. И вы поможете мне их пристроить, поскольку я не собираюсь топить бедняжек!

— Я уверен, что Моби не виноват.

— Я знала, что вы это скажете.

— Но...

Она в ярости тряхнула головой. Как это типично. Беременность — всегда проблема женщины. Габи встала.

— Вам придется нести некоторую ответственность. И я надеюсь, вы прекрасно понимаете, что пристроить щенков будет непросто.

— Но...

— Господи, что это было? — поинтересовалась Стефани. Габи исчезла по ту сторону изгороди; через несколько секунд Тревис увидел, как она закрывает за собой входную дверь. Он по-прежнему сидел за столом, чувствуя себя слегка ошеломленным, когда заметил сестру.

— И долго ты здесь была?

— Достаточно долго, — ответила она, направилась к холодильнику и взяла себе пива. — Сначала я думала, что она тебе врежет. Потом мне показалось, что она сейчас заплачет. А потом она как будто снова собралась тебе врезать.

— В общем, ты права, — признал Тревис и потер лоб, все еще обдумывая случившееся.

— Как всегда, твои подружки от тебя без ума.

— Это не подружка. Это моя соседка.

— Еще лучше. — Стефани села. — И давно встречаетесь?

— Мы не встречаемся. Сегодня вообще увиделись впервые.

— Впечатляет, — заметила сестра. — Я и не подозревала, что у тебя такой талант.

— Какой?

— Внушать людям ненависть с первого взгляда. Это редкий дар.

Обычно требуется какое-то время, чтобы человек узнал тебя получше.

— Очень смешно.

— А ты, Моби... — обернулась она к псу и погрозила пальцем, — мог бы быть и повнимательнее.

Моби завилял хвостом, встал, подошел к Стефани И ткнул носом ей в колени. Она оттолкнула его, лишь вынудив пса повторить свою попытку.

— Полегче, ты, старый прохвост.

— Моби не виноват.

— Я в курсе. Впрочем, не то чтобы твоей соседке было приятно это слышать.

— Она просто расстроена.

— Ясное дело. Я далеко не сразу поняла, о чем вообще речь. Но должна сказать, было увлекательно.

— Эй, полюбезнее.

— Я и так любезна. — Стефани откинулась на спинку кресла и оценивающе взглянула на брата. — А она хорошенькая, правда?

— Не заметил.

— Ну да, разумеется... Я видела, как ты строил ей глазки.

— Эй, эй. Что-то ты сегодня разошлась.

— А как же иначе? У меня был убийственно трудный экзамен.

— Ты не ответила на какой-то вопрос?

— Ответила на все. Но над некоторыми пришлось поломать голову.

— Не хотел бы я оказаться в твоей шкуре.

— Охотно верю. На следующей неделе у меня еще три экзамена.

— Бедняжка. Жизнь вечного студента куда тяжелее, чем жизнь человека, который сам зарабатывает себе на пропитание.

— Кто бы говорил! Ты учился дольше, чем я. Интересно, что скажут родители, когда узнают, что я хочу потратить еще пару лет на то, чтобы получить докторскую степень?

На кухне у Габи зажегся свет. Тревис отвлекся и ответил не сразу.

— Думаю, они не будут против. Ты же знаешь их.

— Да. Но в последнее время мне кажется, что они мечтают наконец увидеть свою дочь в кругу детей.

— Добро пожаловать в клуб, это ощущение не покидает меня уже много лет.

— В моем случае все иначе. Я женщина. Нам отпущено не так уж много времени.

Свет в соседнем доме погас; через несколько мгновений он зажегся в спальне. Тревис невольно задумался, чем сейчас занята Габи.

— Не забывай, мама вышла замуж в двадцать один год, — продолжала Стефани. — В двадцать три у нее уже родился ты. — Она подождала ответа, но брат молчал. — Хотя, если подумать, во что ты превратился... Веский аргумент, по-моему.

До Тревиса наконец дошло, и он нахмурился:

— Это оскорбление?

— Я честно попыталась, — ухмыльнулась Стефани. — Просто хотела проверить, слушаешь ты меня или думаешь о своей новой подружке.

— Она мне не подружка, — возразил он. Тревис понимал, что это звучит беспомощно, но ничего не мог поделать.

— Пока — нет, — согласилась Стефани. — Но у меня забавное предчувствие, что этого не долго ждать.

Габи не смогла бы определить, как она себя чувствует после ухода от Тревиса. Закрыв за собой дверь, она прислонилась к ней и попыталась обрести равновесие.

Может, не следовало туда ходить, подумала она. Толку все равно никакого. Он не только не извинился, но еще и принялся отрицать, что его пес виноват. Наконец, отлепившись от двери, Габи невольно улыбнулась. По крайней мере она это сделала. Постояла за себя и объяснила, каков ее взгляд на ситуацию. Потребовалось немало смелости, подумала Габи. Обычно ей с трудом удавалось выразить собственное мнение. Например, Кевину — по поводу того, что его планы на их совместное будущее не простираются дальше предстоящих выходных. Или доктору Мелтону — о том, что ей неприятно, когда он до нее дотрагивается. Или даже маме, у которой всегда особый взгляд на то, каким образом Габи должна улаживать свои дела.

Она перестала улыбаться, увидев спящую в уголке Молли. Беглого взгляда было достаточно, чтобы вспомнить: конечный результат не достигнут. Возможно, следовало постараться получше убедить соседа в том, что его долг — помочь ей. Вспоминая случившееся, Габи ощутила приступ замешательства. Она говорила бессвязно, но ведь ее сбили с ног и она растерялась, а потом от злости вообще утратила самообладание. Уж мама бы ни за что не упустила своего. Габи любила мать, но та принадлежала к числу женщин, у которых все под контролем. Это сводило Габи с ума; когда она была подростком, ей часто хотелось схватить мать за руки и потрясти, чтобы получить какую-нибудь естественную реакцию. Разумеется, она бы ждала напрасно. Мать спокойно позволила бы дочери трясти ее, а потом поправила бы прическу и произнесла с невыносимым хладнокровием: «Ну что ж, Габриэль, теперь ты успокоилась — может, побеседуем как приличные люди?»

Приличные люди. Габи не переносила этих слов. Когда мама так говорила, она неизменно чувствовала себя неудачницей. Габи казалось, что ей предстоит долгий путь к цели, и притом без единого указателя.

Разумеется, мама не могла себя переделать. Она была олицетворением всех южанок, носивших платья с оборками и танцевавших в присутствии сливок общества на рождественском балу в Саванне — одним из самых изысканных балов на Юге. Еще она занимала пост казначея женской

организации в Университете Джорджии (тоже семейная традиция) и во время учебы, судя по всему, придерживалась того мнения, что академические достижения куда менее важны, чем гордое звание «миссис». Она считала замужество единственным возможным выбором для приличной женщины. Разумеется, на другом конце уравнения должен был находиться «мистер». Желательно — богатый.

Например, как отец Габи. Преуспевающий застройщик и подрядчик, на двенадцать лет старше жены, пусть не Рокфеллер, но, несомненно, человек состоятельный. Порой Габи рассматривала свадебные фотографии родителей, на которых те стояли у входа в церковь, и гадала, каким образом столь непохожие люди могли полюбить друга. Мама предпочитала фазана в загородном клубе, а папа — печенье и мясо с подливкой в местной закусочной. Мама даже к почтовому ящику не выходила без макияжа, а папа всюду разгуливал в джинсах и слегка растрепанный. Но они действительно любили друг друга — в этом Габи не сомневалась. По утрам она порой заставляла их в нежных объятиях и ни разу не слышала, чтобы родители ссорились: А еще они никогда не спали порознь, как родители многих ее подруг, более напоминавшие деловых партнеров, нежели любящих людей. Даже теперь, когда Габи навещала родителей, она нередко видела, как те сидят на кушетке обнявшись. Когда друзья удивлялись, Габи просто качала головой и признавала, что, как бы то ни было, отец и мать идеально подходят друг другу.

Габи в отличие от трех своих светловолосых сестер была больше похожа на отца, и это вызывало бесконечное разочарование у матери. Даже в детстве Габи предпочитала брюки платьям, обожала лазить по деревьям и возиться в грязи. То и дело она появлялась на строительной площадке, за спиной у отца, и повторяла его движения, когда он проверял шпингалеты на окнах, или заглядывала в коробки, только что доставленные со склада. Отец научил ее насаживать наживку и рыбачить. Девочке нравилось ездить с ним в старом трясучем фургоне со сломанным радио (он до сих пор не удосужился сменить машину). После работы они играли в салки или в баскетбол, пока мама наблюдала за ними через кухонное окно, и на ее лице отражалось не только неодобрение, но и удивление. Чаще всего сестры тоже стояли рядом и смотрели разинув рты.

Хотя Габи любила говорить о своей независимости, на самом деле она колебалась, выбирая между отцовским и материнским взглядами на мир, — преимущественно потому, что мать была настоящим профессионалом по части манипуляций. В отрочестве Габи уступала материнским настояниям в том, что касалось одежды и «приличного поведения» — просто чтобы не

чувствовать себя виноватой. Из всего маминого арсенала умение изобразить обиду, вызвать чувство вины было самым эффективным. И мать всегда знала, как использовать это оружие. Приподнятая бровь, тонкий намек — и в итоге Габи отправлялась в школу танцев или на уроки этикета. Она послушно выучилась играть на фортепиано и была официально представлена обществу на рождественском балу в Саванне. В тот вечер мать была горда ею, судя по выражению лица, а Габи чувствовала себя человеком, который наконец готов принимать решения самостоятельно, пусть даже рискуя вызвать неодобрения. Разумеется, ей хотелось когда-нибудь по примеру матери выйти замуж и родить детей, но еще Габи мечтала о карьере — как у папы. Она хотела стать врачом.

Мама повела себя вполне корректно, когда выяснила это. По крайней мере сначала. А потом началось планомерное давление. Когда Габи сдавала экзамены в колледж, мама хмурилась и вслух размышляла, можно ли работать и одновременно быть полноценной женой и матерью.

— Впрочем, если работа для тебя важнее семьи, тогда пожалуйста — становись врачом, — приговаривала она.

Габи пыталась сопротивляться, но в конце концов старые привычки взяли верх, и она поступила в фельдшерскую школу вместо медицинского колледжа. Причины были просты: она получит право принимать пациентов, но при этом у нее будет более или менее фиксированный рабочий день и ее не вызовут из дому в неподходящий момент. Куда более приемлемый вариант. И все же Габи порой тревожило то, что мать вложила ей в голову свои идеи.

Но она не в силах была отрицать, что семья для нее важна. Таков результат, когда ты — плод счастливого союза. Ты растешь, думая, что чудеса и в самом деле случаются, а главное — считаешь, что они непременно выпадут и на твою долю. Тем не менее до сих пор все шло не так, как хотелось бы. Они с Кевином встречались достаточно долго, чтобы влюбиться, пережить обычные взлеты и падения, которые разрушают большинство союзов, и даже задуматься о будущем. Габи уже решила, что Кевин — тот человек, с которым она хочет провести всю жизнь.

Девушка нахмурилась, вспомнив их недавнюю ссору. Как будто ощутив беспокойство хозяйки, Молли с трудом поднялась на ноги, подошла и ткнулась носом в ладонь Габи. Та погладила собаку, зарывшись пальцами в мягкую шерсть.

— Наверное, это просто стресс, — произнесла Габи. Отчего она не может жить как Молли? Легко, без забот и тревог... ну, не считая беременности. — Как ты думаешь, У меня стресс?

Молли не ответила, но Габи и так знала, что у нее стресс. Она чувствовала это, когда платила по счетам, или когда на нее смотрел доктор Мелтон, или когда Кевин разыгрывал дурачка, едва она пыталась чего-то требовать. Вдобавок, не считая Кевина, у нее здесь не было друзей. Габи ни с кем не сошлась за пределами клиники, и, по правде говоря, Тревис был первым, с кем она заговорила со времен переезда. Подумав, Габи признала, что могла бы быть и полубезнее. Ее охватило раскаяние из-за того, что она так раскричалась, ведь Тревис, похоже, действительно дружелюбный человек. Когда он помог ей встать, то сделал это по-дружески. А когда она начала изливать душу, ни разу не перебил, что тоже было приятно.

Задумавшись, Габи сочла это и вовсе поразительным. Она вела себя как сумасшедшая, но Тревис не рассердился и не прикрикнул на нее, как сделал бы Кевин. Габи вспомнила, как бережно Тревис помог ей подняться, и покраснела. Вдобавок она поймала взгляд, ясно говоривший о том, что она понравилась соседу. Прошло уже много времени с тех пор, как в последний раз случилось нечто подобное. Хотя Габи не хотелось этого признавать, ей стало приятно. Она скучала по мужскому вниманию. Удивительно, сколь благотворна может быть маленькая искренняя ссора.

Габи вошла в спальню и переделалась в теплую старенькую пижаму, которую носила еще на первом курсе колледжа. Молли плелась следом; Габи сообразила, что ей нужно, и повернулась к двери.

— Готова? — спросила она.

Молли завиляла хвостом и направилась к выходу. Габи пристально взглянула на собаку. Колли по-прежнему казалась беременной, но, может быть, Тревис прав? Нужно было показать Молли ветеринару, просто чтобы удостовериться. И потом, Габи понятия не имела, как ухаживать за беременной собакой. Она задумалась, нужны ли Молли витамины, и вспомнила, что некогда сама собиралась вести здоровый образ жизни. Лучше питаться, делать зарядку, больше спать, чаще гулять. Она планировала заняться собой сразу же после переезда. Своего рода попытка начать с чистого листа, которая, в общем, так и не осуществилась. Завтра она обязательно отправится на пробежку, съест на завтрак один салат и другой — на обед. И как только Габи будет готова к серьезным жизненным переменам, она откровенно спросит Кевина, каковы его планы на будущее.

Хотя... может быть, это не такая уж хорошая идея. Спорить с соседом — одно дело, но действительно ли она готова принять последствия, если ответ Кевина ей не понравится? А вдруг у него нет никаких планов? Захочет ли она уходить из клиники, где проработала всего пару месяцев, и продавать дом? Захочет ли уезжать? И куда?

Габи знала лишь, что не хочет терять Кевина. Но вести чуть более здоровый образ жизни — это ей определенно под силу. Не нужно торопиться. Окончательно решившись, она вышла на веранду и принялась наблюдать за тем, как Молли трусит по ступенькам и направляется в дальний конец двора. Было тепло, но поднялся легкий ветерок. На небе в замысловатом порядке расположились звезды. Габи никогда не могла распознать ни одно созвездие, кроме Большой Медведицы, поэтому решила, что завтра, сразу же после ленча, купит учебник по астрономии. Она проведет несколько дней, штудирова азы, потом пригласит Кевина провести романтический вечер на пляже, покажет на небо и с бесстрастным видом скажет что-нибудь впечатляющее. Габи закрыла глаза, воображая себе эту сцену, и выпрямилась. С завтрашнего дня она станет другим человеком. И поймет, как быть с Молли. Даже если ей придется умолять, она пристроит всех щенков. Но для начала ответит ее к ветеринару.

Сегодня выдался один из тех дней, когда Габи удивлялась, с какой стати она вообще решила работать в детской клинике. В конце концов, была возможность устроиться в кардиологическое отделение в больнице, и она мечтала об этом все время, пока училась в фельдшерской школе. Габи нравилось ассистировать при сложных операциях, она считала, что буквально создана для этой работы... до тех пор, пока не встретила на практике педиатра, который внушил студентке, что заботиться о детях благородно и интересно. Доктор Бендер, седовласый ветеран, который постоянно улыбался и знал всех городских малышей, убедил Габи, что кардиология, конечно, лучше оплачивается и кажется престижнее, зато нет ничего приятнее, чем держать на руках новорожденных и следить за тем, как они развиваются в первые, самые важные, годы жизни. Обычно Габи лишь послушно кивала, но в последний день практики он таки всучил ей младенца. Ребенок гулил, а доктор Бендер внушал: «В кардиологии все происходит очень быстро. Пациенту как будто становится хуже и хуже вне зависимости от твоих действий. Со временем это начинает утомлять. Ты можешь быстро сгореть, если не будешь беречься. Но заботиться о таком вот малыше... — Он помолчал и указал на ребенка: — Это высшее призвание на свете».

Несмотря на то что Габи предлагали место в кардиологическом отделении в ее родном городе, она предпочла работать с доктором Фурманом и доктором Мелтоном в Бофоре. Фурман оказался поразительно рассеянным, а Мелтон не в меру игривым, но Габи уцепилась за возможность быть ближе к Кевину. И в глубине души она верила, что доктор Бендер прав. Прав насчет детей. По большей части ей нравилось лечить малышей, даже когда приходилось делать им уколы и пациенты визжали так, что Габи вздрагивала. Дети постарше тоже были ничего. Почти все они мило и бесхитростно смотрели на нее, прижимая к себе одеяльце или плюшевого медвежонка. Зато ее сводили с ума родители. Доктор Бендер забыл упомянуть одну важную вещь: кардиолог имеет дело с пациентом, который пришел в больницу, потому что ему это необходимо. Пациент педиатра обычно находится под опекой взвинченного и всезнающего родителя. Ева Бронсон была именно из таких.

Ева, сидевшая в смотровой с маленьким Джорджем на коленях, исподлобья взглянула на Габи. Поскольку та не являлась врачом и была

довольно молода, большинство родителей относились к ней как к обыкновенной медсестре.

— Вы уверены, что доктор Фурман не может нас принять? — Ева подчеркнула слово «доктор».

— Он в больнице, — ответила Габи. — Приедет позже. Кроме того, я абсолютно уверена, что он со мной согласится. Ваш сын в полном порядке.

— Но он по-прежнему кашляет.

— Как я уже сказала, кашель у ребенка может продолжаться в течение полутора месяцев после простуды. Детским легким нужно больше времени, чтобы восстановиться. Для его возраста это вполне нормально.

— Значит, вы не пропишете ему антибиотик?

— Нет. Антибиотики Джорджу не нужны. Ушки чистые, носовые пазухи тоже, признаков бронхита нет, температура в норме. Он выглядит абсолютно здоровым.

Джордж, которому недавно исполнилось два года, извивался на коленях у матери, пытаясь освободиться. Ева ухватила его покрепче.

— Ну, раз уж доктора Фурмана здесь нет, может быть, доктор Мелтон его посмотрит? Я уверена, что Джорджу нужен антибиотик. Половина детей в саду сейчас сидят на антибиотиках.

Габи сделала вид, что записывает. Ева Бронсон всегда настаивала на том, чтобы Джордж принимал антибиотики. Она буквально была помешана на них.

— Если у мальчика поднимется температура, приезжайте, и я еще раз его посмотрю.

— Я не хочу привозить Джорджа снова. Поэтому и привезла его сегодня. Полагаю, его должен осмотреть врач.

Габи изо всех сил старалась говорить спокойно:

— Хорошо, я сейчас узнаю, сможет ли доктор Мелтон выкроить для вас пару минут.

Выйдя из смотровой, Габи помедлила в коридоре. Ей нужно было подготовиться. Она не хотела разговаривать с доктором Мелтоном, вообще все утро старалась не встречаться с ним. Едва доктор Фурман уехал, чтобы присутствовать на экстренном кесаревом сечении в больнице, доктор Мелтон подошел к девушке — так близко, что Габи ощутила запах полоскателя.

— Судя по всему, сегодня утром мы предоставлены сами себе, — сказал он.

— Может быть, дел будет не так уж много, — бесстрастно ответила Габи. Она не была готова дать ему отпор — по крайней мере в отсутствие

доктора Фурмана.

— По понедельникам всегда полно дел. Надеюсь, не придется работать во время ленча.

Доктор Мелтон потянулся за папкой, которая лежала на столе. Быстро просмотрев бумаги, он спросил, когда Габи уже собиралась уходить:

— К слову о ленче — вы когда-нибудь пробовали тако ^[3] с рыбой?

— Что? — не поняла Габи.

— В Морхед-Сити, неподалеку от пляжа, есть отличное кафе. Мы могли бы туда заскочить. Ну и заодно привезти еды для персонала.

Хотя доктор Мелтон делал вид, что его интерес чисто профессиональный — тем же тоном он разговаривал с доктором Фурманом, — Габи почувствовала отвращение.

— Я не могу, — отказалась она. — Нужно отвезти Молли к ветеринару. Мы договорились на сегодня.

— И вы успеете обернуться туда и обратно?

— Думаю, да.

Доктор Мелтон помолчал.

— Ладно, — сказал он. — Может быть, в другой раз.

Габи потянулась за папкой и поморщилась.

— Вы в порядке? — спросил доктор Мелтон.

— Занималась в спортзале и немного перестаралась, — объяснила она и вышла.

Честно говоря, ей было очень больно. До смешного. Ныло все тело от шеи до лодыжек, причем сильнее и сильнее. Если бы в воскресенье Габи просто отправилась на пробежку, то, возможно, сейчас была бы в норме. Но пробежки показалось мало. Слишком мало для той, кто решила начать новую жизнь. После пробежки, гордая тем, что ни разу не перешла на шаг, она отправилась в Морхед-Сити, чтобы записаться в спортзал. Тренер принялся перечислять различные секции с замысловатыми названиями. Когда Габи собиралась уходить, он упомянул, что очередное занятие начнется буквально через две минуты.

— Потрясающая методика, — сказал он. — Воздействует на все группы мышц. Получите заряд сил и бодрости за одно занятие. Непременно попробуйте.

И Габи попробовала... Пусть Бог простит тренера за то, как она теперь себя чувствует.

Ей стало плохо не сразу, конечно. Во время занятия она была в норме. В глубине души Габи понимала, что нужно сбавить скорость, но тем не менее пыталась не отставать от полуобнаженных, подтянутых, умело

подкрашенных женщин рядом с ней. Она поднимала тяжести, бежала на месте, снова поднимала тяжести, опять бежала, и так снова и снова. Когда Габи покидала спортзал на подгибающихся ногах, то чувствовала, что миновала очередную ступень эволюции. По пути она заказала себе протеиновый коктейль — чтобы превращение было полным.

По дороге домой Габи заскочила в книжный магазин и купила учебник по астрономии. Вечером, засыпая, она поняла, что настроена оптимистичнее, чем когда бы то ни было, не считая того, что мускулы как будто наливались свинцом.

К сожалению, оптимистично настроенная Габи поутру обнаружила, что не может встать с кровати. Болело все. Точнее, «боль» — не то слово. Это скорее напоминало пытку. Каждую мышцу словно пропустили через мясорубку. Спина, грудь, живот, ноги, ягодицы, руки, шея... болели даже пальцы. Габи села лишь с третьей попытки, потом проковыляла в ванную и поняла, что требуется максимум самообладания, чтобы почистить зубы, не взвизгивая при этом. Открыв аптечку, девушка решила принять все, что можно, — тайленол, аспирин и так далее. Она запила таблетки стаканом воды, проглотила и вздрогнула.

Габи признала, что это перебор.

Но сейчас было слишком поздно — а главное, болеутоляющее не помогло! А может быть, наоборот — ведь она, в конце концов, могла перемещаться по клинике, пусть даже черепашьям шагом. Но боль никуда не делась, доктор Фурман уехал, и меньше всего Габи хотелось общаться с доктором Мелтоном по поводу абсолютно здорового малыша Джорджа.

Не имея особого выбора, она узнала у одной из сестер, где доктор, постучала и заглянула в кабинет. Мелтон посмотрел на нее поверх головы пациента, и его лицо немедленно оживилось.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказала Габи. — Можно вас на пару слов?

— Конечно, — сказал доктор Мелтон. Он встал, оставив папку на столе, и вышел. — Вы передумали насчет ленча?

Покачивая головой, она рассказала ему про Еву Бронсон и Джорджа. Он пообещал, что примет их, как только сможет. Ковыляя по коридору, Габи долго чувствовала на себе его взгляд.

В половине первого Габи приняла последнего пациента. Взяв сумочку и помня о том, что у нее не так уж много времени, она побрела к машине. Следующий пациент должен был появиться через сорок пять минут, не Габи рассчитывала успеть, поскольку ей не обязательно было оставаться у ветеринара вместе с Молли. Один из плюсов жизни в маленьком городе с

четырьмя тысячами жителей в том, что все находится в нескольких минутах езды. Чтобы попасть в Морхед-Сити — город в пять раз больше Бофора, — требовалось всего лишь перебраться через мост (и большинство бофорцев именно там делали покупки в выходные), но этого расстояния было достаточно, чтобы считать Морхед-Сити таким же далеким и изолированным, как города «там, на востоке».

Бофор — милое местечко, особенно исторический центр. Когда стояла подходящая для пеших прогулок погода, городок напоминал Саванну в первый век существования.

Широкие аллеи, тенистые деревья, больше сотни отреставрированных домов, главная улица и дощатая набережная с видом на гавань. У причалов теснились прогулочные и рыбацьи лодки всех форм и размеров, роскошная яхта ценой в миллионы швартовалась бок о бок с крошечным яликом и изящной парусной шлюпкой. На набережной было несколько ресторанов, откуда открывался прекрасный вид. Это были старые, типично южные заведения, с крытыми внутренними дворами и столами для пикников, отчего клиенты чувствовали себя путешественниками во времени. Порой по выходным в ресторанах играл оркестр, а прошлым летом, на Четвертое июля, когда Габи навещала Кевина, столько народу сошлось послушать музыку и посмотреть фейерверк, что гавань была буквально забита лодками. Поскольку причалов на всех не хватало, лодки просто привязывали одна к другой, и владельцы перебирались с борта на борт до берега, по пути охотно разделяя с соседями выпивку.

На противоположной стороне улицы были разнообразные офисы вперемежку с туристическими забегаловками и художественными салонами. По вечерам Габи любила бродить и рассматривать картины. В юности она мечтала стать художником; прошли годы, прежде чем она поняла, что ее амбиции далеко превосходят талант. Но при этом Габи вполне могла оценить хорошую работу. Две картины она даже купила, и они теперь висели у нее дома. Девушка рассчитывала приобрести еще несколько, в дополнение, но доходы не позволяли — по крайней мере пока.

Габи вкатилась на подъездную дорожку, слегка охнула, выбираясь из машины, а потом храбро зашагала к двери. Молли встретила ее на крыльце и не спеша обнюхала цветочную клумбу, прежде чем запрыгнуть на пассажирское сиденье. Габи еще раз охнула, когда садилась в машину, потом опустила окно, чтобы Молли, по своему обыкновению, могла высунуть голову.

Ветеринарная клиника находилась всего в паре минут езды; Габи въехала на парковку, прислушиваясь к скрежету гравия под колесами.

Здание клиники — викторианской постройки, приземистое, потрепанное — больше напоминало жилой дом, чем учреждение. Габи пристегнула поводок, бросила взгляд на часы и помолилась, чтобы ветеринар не медлил.

Дверь отворилась с громким скрипом, и Молли натянула поводок, ощутив типичный запах ветеринарной клиники. Габи подошла к столу секретарши, но, прежде чем она успела заговорить, та встала и спросила:

— Это Молли?

Габи не стала скрывать удивления. Она по-прежнему не могла привыкнуть к жизни в маленьком городе.

— Да. Я Габи Холланд.

— Приятно познакомиться. А я Терри. Прекрасная собака.

— Спасибо.

— А мы гадали, когда же вы приедете. Вам ведь нужно успеть на работу, если я не ошибаюсь. Пройдите в кабинет. Можете заполнить все бумаги там. Сюда, пожалуйста. Врач сейчас вас примет. Долго ждать не придется, он уже почти освободился.

— Отлично, — улыбнулась Габи. — Я очень признательна.

Секретарша провела ее в смежную комнату. Там стояли весы, и она помогла Молли забраться на них.

— Не стоит благодарности. Кроме того, я все время привожу к вам детей. Как вам нравится работать в Бофоре?

— Очень нравится, — ответила Габи. — Хотя дел куда больше, чем я думала.

Терри записала вес Молли и повела ее и Габи дальше по коридору.

— Обожаю доктора Мелтона. Он так внимателен к моему сыну.

— Я ему передам, — пообещала Габи.

Терри вошла в маленькую комнату, в которой стояли металлический стол и пластиковый стул, и передала Габи бумаги:

— Заполните анкету, а я пока скажу доктору, что вы здесь.

Терри оставила хозяйку наедине с Молли; Габи осторожно села и поморщилась, потому что мускулы немедленно запросили пощады. Она несколько раз глубоко вздохнула, подождала, пока утихнет боль, а затем принялась заполнять бумаги. Молли бродила по комнате.

Примерно через минуту открылась дверь, и первое, что заметила Габи, — белый халат. А затем — фамилию, вышитую синими буквами. Габи собиралась заговорить, но внезапно потеряла дар речи.

— Здравствуйте, Габи, — сказал Тревис. — Как поживаете?

Габи уставилась на него, гадая, что он тут делает. Она уже намеревалась что-то сказать, когда вдруг поняла, что глаза у Тревиса синие.

А она думала, что карие. Странно. И все же...

— Полагаю, это Молли, — произнес он, прервав ее мысли. — Привет, малышка... — Тревис присел на корточки и погладил собаку. — Нравится? О, да ты красавица. Как дела, детка?

Звуки его голоса вернули Габи к реальности; она вспомнила их минувшую ссору.

— Вы... вы ветеринар? — пробормотала она. Тревис кивнул, продолжая чесать Молли за ухом.

— Унаследовал отцовскую профессию. Он открыл эту клинику, а я работаю здесь с тех пор, как закончил колледж.

Не может быть. Из всех возможных вариантов ветеринаром оказался именно Тревис. Господи, почему этому дню не суждено было стать самым обычным и заурядным?

— Почему вы ничего не сказали тогда, вечером?

— Я сказал. Посоветовал показать Молли ветеринару, если помните.

Габи прищурилась. Этому человеку, кажется, нравилось ее злить.

— Вы ведь понимаете, что я имею в виду.

Тревис взглянул на нее снизу вверх:

— То есть почему я не сказал, что я и есть ветеринар? Я пытался, но вы не позволили мне объяснить.

— Вам, во всяком случае, следовало предупредить...

— Сомневаюсь, что вы были в настроении меня выслушивать. Но это все пустяки, право же. Я не сержусь. — Он улыбнулся. — Давайте посмотрим вашу крошку, ладно? Я помню, что вам нужно вернуться на работу, поэтому постараюсь побыстрее.

Габи почувствовала, как при этих словах — «я не сержусь» — в ней вновь закипает гнев. Захотелось уйти немедленно. К сожалению, Тревис уже начал щупать живот Молли. И потом, подумала Габи, она вряд ли сможет встать быстро, даже если попытается, потому что ноги у нее словно парализовало. Раздосадованная, она скрестила руки на груди — от этого движения как будто воткнули нож в спину, — а Тревис тем временем достал стетоскоп. Габи прикусила губу. Слава Богу, удалось подавить стон.

Тревис взглянул на нее:

— Вы нормально себя чувствуете?

— Да.

— Точно? По-моему, вам больно.

— Все в порядке, — повторила она.

Пропустив ее тон мимо ушей, Тревис сосредоточился на собаке. Он перемещал стетоскоп и слушал, потом исследовал один из сосков, затем с

щелчком натянул резиновую перчатку и быстро произвел внутренний осмотр.

— Да, она, несомненно, беременна, — заключил он, снимая перчатку и бросая в корзину. — Судя по всему, примерный срок — семь недель.

— Я же вам сказала. — Габи гневно взглянула на соседа. Она с трудом удержалась, чтобы не напомнить о Моби.

Тревис встал и убрал стетоскоп в карман, потом взял бумаги и перевернул страницу.

— И кстати, могу официально заявить, что Моби тут ни при чем.

— Ах так?

— Да. Скорее всего виноват лабрадор, которого я как-то видел поблизости. Кажется, он принадлежит старику Кейсону, хоть я и не уверен. Может быть, это собака его сына. Насколько я знаю, парень вернулся в город.

— Почему вы так убеждены, что это не Моби?

Тревис принялся делать пометки; Габи показалось, что он не расслышал вопроса.

Он пожал плечами:

— Ну, хотя бы потому, что Моби кастрирован....

Бывают минуты, когда мозг перегружен настолько, что слова становятся непонятны. Габи мгновенно вспомнила свое маловразумительное бормотание, слезы и внезапную вспышку ярости. У нее и впрямь сохранилось смутное воспоминание о том, как Тревис пытался что-то объяснить. Она не знала куда деваться от стыда.

— Кастрирован? — прошептала она.

— Ну да. — Он взглянул на нее поверх бумаг. — Два года назад. Здесь, в этом кабинете.

— О...

— Я пытался вам сказать. Но вы ушли раньше... Мне было неловко... В воскресенье я хотел зайти и объясниться, но не застал вас.

Габи ляпнула первое, что пришло в голову:

— Я была в спортзале.

— Да? Отличная идея.

Габи с усилием разъединила руки.

— Полагаю, я должна извиниться.

— Я не сержусь, — повторил он, и Габи почувствовала себя еще хуже. — Послушайте, я знаю, вы спешите, поэтому давайте поговорим насчет Молли, хорошо?

Она кивнула, ощущая себя девочкой, которую учитель поставили угол,

и по-прежнему думая о своей субботней тираде. То, что Тревис вел себя так приветливо, было невыносимо.

— Период беременности продолжается девять недель, значит, осталось еще две. Таз довольно широкий, так что не беспокойтесь. Поэтому я и просил ее привезти. У колли иногда бывает узкий таз. Вам не нужно ничего делать, помните лишь о том, что скорее всего собака оценится в каком-нибудь темном и прохладном месте, поэтому постелите в гараже старые одеяла. Насколько я помню, попасть в гараж можно с кухни?

Габи снова кивнула и почувствовала себя маленькой-маленькой.

— Просто оставьте дверь открытой, и она начнет туда наведываться. Так сказать, готовить гнездо. Это абсолютно нормально. Обычно щенки появляются в какое-нибудь тихое время суток. Ночью или когда вы будете на работе. Помните, что все это совершенно естественно и беспокоиться не о чем. Малыши сразу же примутся сосать, на этот счет тоже не волнуйтесь. Думаю, одеяла придется выбросить, так что не стелите в гараже ничего особо ценного.

Она кивнула в третий раз, почувствовав себя еще меньше.

— Больше вам ничего не нужно делать. Если вдруг возникнут проблемы, привезите Молли в клинику. Если что-то случится в нерабочее время — вы знаете, где я живу.

Габи откашлялась.

— Хорошо.

Тревис, не дождавшись продолжения, улыбнулся и шагнул к двери.

— Все. Можете везти ее домой. Я рад, что вы решили приехать. На инфекцию было не похоже, но все-таки хорошо, что я проверил.

— Спасибо, — промямлила Габи. — Мне очень жаль...

Он вскинул руку:

— Никаких проблем. Честное слово. Вы расстроились. А Моби в самом деле бегают где вздумается. Всякий мог ошибиться. Увидимся.

Когда он в последний раз потрепал Молли по загривку, Габи казалась самой себе шести дюймов росту.

Как только Тревис — доктор Паркер — вышел из смотровой, Габи долго ждала, чтобы удостовериться, что он достаточно далеко. Затем с трудом поднялась со стула и выглянула в коридор. Убедившись, что горизонт чист, Габи отправилась в регистратуру и расплатилась по счету.

Она знала наверняка лишь одно: пусть Тревис и готов ее простить, но она-то никоим образом не сумеет забыть то, что сделала. А поскольку поблизости нет достаточно большой скалы, под которую она могла бы забиться, лучше всего некоторое время избегать соседа. Не всю жизнь,

конечно. Какой-нибудь разумный срок. Лет пятьдесят, например.

Тревис Паркер стоял у окна, наблюдая, как Габи ведет Молли к машине. Он изучал выражение ее лица и улыбался. Хотя он едва знал Габи, но увидел достаточно для того, чтобы понять: она из тех, чьи лица — зеркало души. Редкое качество в наши дни. Тревис нередко ощущал, что слишком многие люди всю жизнь притворяются, носят маски и в итоге теряют собственное «я». Он был уверен, что Габи никогда не станет такой.

Достав ключи из кармана, доктор Паркер направился к машине с обещанием, что вернется через полчаса. Он прихватил переносной холодильник, в котором каждое утро привозил свой ленч, и поехал на излюбленное место. Год назад он купил участок в конце главной улицы, с видом на Шеклфорд-Бэнкс, намереваясь в один прекрасный день возвести здесь дом своей мечты. Единственная проблема заключалась в том, что Тревис понятия не имел, чем это закончится. По большей части он вел простую жизнь и мечтал построить маленький деревенский домик вроде тех, что стоят на островах Флорида-Кис, на первый взгляд — столетней давности, но на удивление светлые и просторные внутри. Много места ему не нужно — спальня и, возможно, кабинет, но как только Тревис брался за дело, то понимал, что этот участок больше подходит для того, чтобы построить нечто пригодное для приема друзей и родных. Образ дома становился расплывчатым, поскольку в этом случае, несомненно, предполагалось наличие жены и детей — а ни того, ни другого Тревис еще даже не пытался себе вообразить.

Иногда образ жизни, который они с сестрой избрали для себя, удивлял Тревиса, поскольку Стефани тоже не торопилась замуж. Их родители прожили в браке почти тридцать пять лет, и Тревис не представлял отца с матерью порознь — с тем же успехом он мог представить себя парящим в облаках. Разумеется, он слышал о том, как они познакомились, когда учились в старшей школе и вместе отправились в туристический поход; о том, как мама поранила палец, когда резала пирог, как папа, за неимением бинта, зажал рану рукой, чтобы остановить кровь. Одно прикосновение — и «фокус-покус», как выражался папа. «Я понял, что она создана для меня».

С Тревисом до сих пор ничего похожего на «фокус-покус» не произошло. Абсолютно ничего подобного не было. Разумеется, в старшей школе у него появилась подруга Оливия, окружающие считали, что они идеально подходят друг другу. Она жила через мост, в Морхед-Сити, и

Тревис то и дело встречал ее в супермаркете. Они болтали минуту о пустяках, а затем дружески расставались и шли своей дорогой.

После Оливии были бесчисленные приятельницы. В конце концов, Тревис не был таким уж бесчувственным, когда дело касалось женщин. Он считал их интересными и привлекательными, а главное — искренне любил. Он гордился тем, что ни один из его романов не завершился разрывом, который причинил бы боль какой-нибудь из сторон. Расставания были удобны для обоих — чувства тлели, как отсыревший бикфордов шнур, но до взрыва не доходило. Тревис сохранял дружеские отношения с большинством своих бывших подруг — включая последнюю из них, Монику, и полагал, что те относятся к нему точно так же. Просто они не подходили друг другу. Три его бывшие девушки замечательно вышли замуж, и все три пригласили Тревиса на свадьбу. Он редко задумывался о том, чтобы наконец остепениться, — а если и задумывался, то в итоге представлял себе женщину, которая разделит с ним его увлечения. Нужно радоваться жизни. Конечно, у всех есть свои обязанности, и он отнюдь не возражает. Ему нравится быть ветеринаром, он неплохо зарабатывает, имеет собственный дом и вовремя платит по счетам, но жизнь не должна состоять только из этого. Тревис хотел испытать как можно больше. Нет, не так. Он просто обязан был испытать как можно больше.

Он жил так с тех пор, как помнил себя. Тревис был собранным и организованным, когда речь шла о школе, и получал хорошие оценки при минимуме усилий, но, как правило, радовался четверкам не меньше, чем пятеркам. Мать невероятно сердилась. «Только представь, как хорошо ты бы мог учиться, если бы постарался!» — твердила она каждый раз, когда получала табель. Но школа доставляла Тревису куда меньше удовольствия, чем головокружительная езда на велосипеде или серфинг. Если прочие дети, говоря о спорте, подразумевали бейсбол или футбол, то Тревис мечтал взмыть на мотоцикле в воздух и пережить несколько секунд полета, а потом благополучно приземлиться и ощутить взрыв энергии. Он был поклонником экстремальных видов спорта еще до того, как они официально вошли в обиход, и теперь, к тридцати двум годам, перепробовал их все.

Издавна Тревису были видны стада мустангов на дюнах Шеклфорд-Бэнкс; наблюдая за ними, он потянулся к сэндвичу. Пшеничный хлеб, индюшка с горчицей, яблоко, бутылка воды — его привычный ленч. На завтрак он неизменно ел овсянку, яичницу из белков и банан. Как бы Тревис ни стремился повысить уровень адреналина, диету он соблюдал неуклонно. Друзья удивлялись. Тревис не спешил объяснять им, что дело

не в дисциплине, а в сверхчувствительном нёбе. В десять лет он съел тарелку тайской лапши, густо приправленной имбирем, и его рвало до утра. С тех пор малейший привкус имбиря вызывал у него тошноту, а вкусовые ощущения так полностью и не восстановились. Тревис стал осторожнее в отношении еды, он предпочитал простые, незамысловатые блюда всякой экзотике. Постепенно, с возрастом, он исключил из своего рациона все лишнее, а теперь, двадцать лет спустя, просто боялся что-либо менять.

Наслаждаясь простым, незамысловатым сандвичем, Тревис удивлялся собственным мыслям. Обычно он не испытывал склонности к глубоким размышлениям. (Еще одна причина неизбежного охлаждения, как утверждала Мария — девушка, с которой он расстался шесть лет назад.) Обычно Тревис просто жил — делал то, что было необходимо, а остальное время старался проводить в свое удовольствие. Вот одно из главных преимуществ холостой жизни: можно заниматься чем вздумается и когда вздумается. Самоанализ — лишь один из вариантов.

Это должна быть Габи, подумал Тревис, хотя не понимал почему. Он едва знал ее и сомневался, что ему когда-нибудь выпадет шанс узнать настоящую Габи Холланд. Тем вечером Тревис видел сердитую Габи, а недавно — Габи Воплощенное Раскаяние, но при этом он понятия не имел, как эта девушка ведет себя в обычных обстоятельствах. Не исключено, что у нее хорошее чувство юмора, хотя бог весть отчего он так решил. Еще Габи, несомненно, умна (Тревис сделал этот вывод на основании ее работы). Но он безуспешно попытался представить ее на свидании. И все-таки Тревис был рад, что она приехала, пусть всего лишь затем, чтобы предоставить им обоим шанс завязать добрососедские отношения. Он прекрасно знал, что плохой сосед может испортить человеку жизнь. По соседству с Джо жил парень, который в первый же погожий весенний день принимался жечь сухую листву, а по субботам с раннего утра стриг газон; у них несколько раз чуть не доходило до потасовки по поводу плачущих по ночам младенцев. Правила общежития, казалось Тревису, восходят еще к доисторическим временам, и меньше всего ему хотелось, чтобы Габи начала его избегать. Может быть, он пригласит ее в гости, когда у него в следующий раз соберется компания...

Да, решил Тревис. Он так и сделает. Забрал сумку-холодильник и зашагал к машине. После ленча ему предстояло, как обычно, принимать собак и кошек, а в три часа кто-то собирался принести геккона. Тревис любил возиться с экзотическими животными, он действительно разбирался в них, и это неизменно впечатляло владельцев. Ему нравилось выражение почтительности на их лицах, гласившее: «Потрясающе, он знает анатомию

и физиологию буквально каждого живого существа на свете!» Тревис делал вид, что так оно и есть. Но правда была куда более прозаичной. Разумеется, он не всеведущ, просто болезнь есть болезнь, и ее лечат, как правило, вне зависимости от класса или вида, варьируются только дозы лекарства, и за этим доктору Паркеру приходилось обращаться к справочнику, неизменно лежащему на столе.

Садясь в машину, он снова подумал о Габи. Интересно, занимается ли она серфингом или сноубордингом? Вряд ли — но в то же время Тревис ощутил нечто особенное. Ему показалось, что Габи в отличие от большинства его бывших подруг не откажется испробовать то или другое, если представится возможность. Он понятия не имел, почему так решил. Тревис включил мотор и попытался отогнать странную мысль, изо всех сил убеждая себя, что это не важно. Хотя чувствовал он совершенно обратное.

В течение следующих двух недель Габи стала настоящим специалистом по маскировке, по крайней мере в пределах собственного двора.

У нее не было выбора. Что она могла сказать Тревису? Выставила себя душой, а он еще усугубил проблему, охотно простив ей все. Ее единственным оправданием — и единственным позитивным моментом во всем этом приключении — было то, что Габи извинилась в клинике.

Впрочем, следовать новому распорядку оказалось нелегко. Поначалу нужно было лишь оставлять машину в гараже, но у Молли приближались роды, и Габи пришлось парковаться на дорожке, чтобы собака могла освоиться в своем уголке. Это значило, что впредь ей предстоит приезжать и уезжать в те часы, когда соседа точно нет дома.

Габи сократила пятидесятилетний срок, решив, что пары месяцев или, возможно, полугода будет достаточно, чтобы из памяти Тревиса исчезло — или почти исчезло — воспоминание о том, как она себя вела. Габи знала, что у времени есть свойство сглаживать острые углы, пока не останется лишь смутный облик. И тогда она смогла бы вернуться к нормальной жизни. Начала бы с мелочей — помашет соседу рукой, когда будет выходить из машины, и так далее. Может быть, однажды они с Тревисом даже улыбнутся друг другу при встрече — а до тех пор она предпочитала вести жизнь тайного агента.

Габи изучила рабочее расписание Тревиса. Нужно было всего лишь быстро взглянуть на часы, когда он собирался на работу поутру, а она наблюдала за ним с кухни. Возвращаться домой оказалось еще проще: когда Габи приезжала, он обычно был на реке, с катером или скутером, но, с другой стороны, теперь вечера стали проблемой. Поскольку Тревис околачивался на улице, девушке приходилось сидеть дома, вне зависимости от того, насколько прекрасен был закат. Если она не ехала в Морхед-Сити, то в итоге усаживалась за учебник по астрономии, который некогда купила в надежде поразить Кевина. К сожалению, с тех пор им еще ни разу не довелось вместе посмотреть на звезды.

Габи убеждала себя, что нужно отнестись к ситуации по-взрослому, но у нее было ощущение, что при встрече с Тревисом она будет не слушать, а вспоминать. Меньше всего ей хотелось усугубить произведенное впечатление. Кроме того, Габи было о чем подумать.

Например, о Кевине. По вечерам, как правило, он заезжал ненадолго, а однажды даже остался на выходные — разумеется, после гольфа. Кевин обожал гольф. Еще они трижды ходили в ресторан, дважды в кино и провели воскресный вечер на пляже — а два дня назад, когда они сидели на кушетке и пили вино, он вдруг снял с Габи туфли.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь помассировать тебе ноги. Наверное, они болят, ведь ты целый день проводишь стоя.

— Тогда сначала я их вымою.

— Мне все равно, чистые они или нет. Обожаю на них смотреть. У тебя красивые пальцы ног...

— Ты, случайно, не тайный фетишист?

— Нет. Просто я без ума от твоих ног. — Кевин пощекотал ей ступню, и Габи со смехом поджала ногу. В следующее мгновение они уже страстно целовались — а потом, лежа рядом, Кевин сказал, как сильно он ее любит. У Габи возникло ощущение, что стоит задуматься над возможностью переезда к нему.

Было неплохо. Максимум до чего Кевин дошел в разговорах о будущем. Но...

Но что? Жить вместе — это шаг в будущее или всего лишь попытка продлить настоящее? Действительно ли она ждет предложения руки и сердца? Габи не знала. Ну... да. Но Кевин пока не готов. И поэтому, разумеется, каждый раз, когда они были вместе, в ее сознании возникали вопросы: когда он будет готов? Будет ли он готов хоть когда-нибудь? Почему он не хочет на ней жениться?

Разве это неправильно — желать брака, а не просто совместной жизни? Габи уже ни в чем не была уверена. Некоторые женщины с детства знают, что в таком-то возрасте выйдут замуж, именно это и происходит. Другие же, не стремясь под венец, спокойно переезжают жить к своим возлюбленным, и у них тоже все идет как по маслу. Иногда Габи казалось, что она — единственный человек на свете, у которого не выработан план действий. Для нее брак всегда был чем-то неопределенным. Событие, которое должно произойти. Ведь так?

От этих мыслей у Габи разболелась голова. Больше всего ей сейчас хотелось посидеть на веранде с бокалом вина и ненадолго позабыть обо всем. Но Тревис Паркер сидел у себя на крыльце и листал журнал — следовательно, вылазка была исключена. Вечером в четверг Габи снова торчала дома.

Жаль, что Кевин был занят допоздна — они могли бы чем-нибудь

заняться вместе. У него была назначена встреча с дантистом, который открывал свое дело и нуждался в услугах страховщика. Это не так уж плохо — Габи знала, что Кевин всецело поглощен карьерой, — но вдобавок рано утром он отправлялся вместе с отцом в Миртл-Бич на конференцию. Следовательно, Габи предстояло увидеть его лишь в среду, а до тех пор сидеть в четырех стенах. Отец Кевина заправлял одной из крупнейших страховых контор в Северной Каролине, и с каждым годом, по мере того как близился момент его выхода на пенсию, у Кевина прибавлялось обязанностей. Иногда Габи удивлялась: в его жизни все было расписано с тех пор, как Кевин научился ходить. Но наверное, бывает и хуже. Если закрыть глаза на кумовство, Кевин не то чтобы получал деньги просто так: отец проводил на работе меньше двадцати часов в неделю, а сын, как правило, — около шестидесяти. Кевин располагал штатом в тридцать сотрудников, управленческие проблемы сыпались градом, но у него был дар общаться с людьми. По крайней мере именно так говорили на двух корпоративных рождественских вечеринках, куда Кевин приглашал Габи.

Да, она им гордилась, но в такие вечера, как этот, ей казалось, что ее собственная жизнь проходит мимо. Может быть, махнуть на пляж, пить вино и смотреть на закат? На мгновение Габи задумалась. Потом отвергла эту идею. Сидеть одной дома еще куда ни шло, но если она будет пить в одиночестве на пляже, то почувствует себя полной неудачницей. Все решат, что у нее нет ни одной близкой души на целом свете, а это ведь неправда. У Габи много друзей. Просто так случилось, что ни одного из них нет в пределах ста миль — и воспоминание об этом отнюдь не улучшило ей настроения.

Хотя, если взять с собой собаку... это другое дело. Самая естественная вещь, притом полезная для здоровья. Пришлось употребить большую часть болеутоляющих, какие только нашлись в аптечке, но боль в мышцах наконец утихла. Габи не вернулась на тренировки — эти люди, судя по всему, мазохисты, — но начала более или менее регулярно посещать тренажерный зал. По крайней мере последние несколько дней. Она была там в понедельник и в среду и намеревалась выкроить немного времени завтра.

Девушка встала с кушетки и выключила телевизор. Молли не было в комнате; догадавшись, что она в гараже, Габи направилась туда. Дверь была приоткрыта. Когда она вошла и включила свет, то обнаружила, что ее окружают поскуливающие, дрожащие меховые комочки. Габи позвала собаку — и вскрикнула...

Тревис только что зашел на, кухню, намереваясь вынуть из

холодильника цыплячью грудку, когда услышал бешеный стук в дверь.

— Доктор Паркер! Тревис! Вы дома?

Он узнал голос Габи.

Лицо у нее было бледное и перекошенное от ужаса.

— Идемте, — выпалила она. — Молли плохо.

Тревис действовал машинально; когда Габи побежала обратно к дому, схватил с заднего сиденья машины медицинский саквояж, который брал с собой, если его внезапно вызывали на какую-нибудь ферму. Отец всегда твердил: необходимо держать наготове все, что может понадобиться, и Тревис хорошо запомнил его наставления. Габи оставила дверь открытой и скрылась в глубине дома. Тревис последовал за ней секундой позже и догнал на кухне, возле двери, ведущей в гараж.

— Она тяжело дышит, и ее рвет, — пояснила Габи. — И... из нее что-то свешивается.

Тревис мгновенно понял, в чем дело. Выпадение матки. Остается надеяться, что он не опоздал.

Поспешно сполоснув руки в кухонной раковине, он спросил:

— А можно каким-то образом прибавить света? Например, принести лампу?

— Разве вы не отвезете Молли в клинику?

— Возможно, — ответил Тревис, стараясь говорить спокойно. — Но не прямо сейчас. Сначала нужно что-то предпринять. И мне потребуется свет. Вы сможете что-нибудь придумать?

— Да-да... конечно. — Габи исчезла на кухне и вернулась с лампой. — С Молли все будет в порядке?

— Узнаем через пару минут... — Держа руки поднятыми вверх, как хирург, Тревис кивком указал в сторону лежащего на полу саквояжа. — Не могли бы вы его захватить? Просто отнесите в гараж и заодно поставьте лампу. Как можно ближе к Молли. Понятно?

— Да, — кивнула Габи, стараясь не паниковать. Тревис осторожно подошел к собаке, с облегчением заметив, что Молли в сознании. Габи тем временем подключила лампу. Молли скулила, что было вполне естественно. Тревис принялся рассматривать трубчатую массу, которая торчала из влагища, потом взглянул на щенков. Видимо, Молли оценилась не более получаса назад, и слава Богу. Малейшая возможность некроза...

— Что теперь? — спросила Габи.

— Просто держите ее и разговаривайте с ней. Мне нужно, чтобы Молли не волновалась.

Когда девушка заняла свое место, Тревис опустился на корточки рядом с собакой. Он прислушивался, как Габи что-то бормочет и шепчет, почти прижавшись к Молли лицом. Собака высунула язык — еще один хороший знак. Тревис осторожно исследовал матку, и колли слегка дернулась.

— Что с ней такое?

— Выпадение матки. То есть часть ее вывернулась наизнанку и теперь торчит наружу. — Он пощупал матку и осторожно повернул, чтобы посмотреть, нет ли разрывов или некротических пятен. — Она оценилась без особых проблем?

— Не знаю. Понятия не имею, когда это случилось. С ней ведь все будет в порядке?

Тревис сосредоточился и потому промолчал.

— Откройте саквояж, — после паузы попросил он. — Там должен быть соляной раствор и смазка.

— Что вы хотите сделать?

— Нужно очистить матку. А потом вернуть ее на место. Я попытаюсь вправить вручную. Если повезет, она войдет сама. Если нет, придется отвезти Молли в клинику.

Габи нашла раствор и протянула Тревису. Тот промыл матку дважды и потянулся за смазкой, надеясь, что все получится.

Габи была не в состоянии наблюдать за ним, поэтому сосредоточилась на Молли. Склонившись к ее уху, Габи шептала: «Моя собачка, славная собачка...» Тревис молчал, и только его рука ритмично двигалась.

Габи не знала, сколько времени они пробыли в гараже — десять минут или час, — но наконец Тревис откинулся назад, будто пытаясь расслабить плечи. Лишь тогда она заметила, что руки у него свободны.

— Вы закончили? — спросила она. — Все в порядке?

— И да и нет, — ответил он. — Я вправил матку, но Молли придется отвезти в клинику. Пару дней, пока не вернулись силы, ей будет нужен полный покой, а еще антибиотики. Сделаем рентген. Если обойдется без дальнейших осложнений, Молли будет как новенькая. Пойду выгоню машину из гаража. У меня есть несколько старых одеял, которые можно постелить.

— А матка... не выпадет опять?

— Не должна. Она вошла нормально.

— А щенки?

— Возьмем их с собой. Малышам нужно быть рядом с матерью.

— Поездка им не повредит?

— Думаю, нет. Молли поставят капельницу, а щенки смогут сосать.

Габи ощутила облегчение; до сих пор она не осознавала, что страшно напряжена. Она впервые улыбнулась:

— Не знаю, как и благодарить вас.

— Считайте, что уже поблагодарили.

Вымыв руки, Тревис осторожно перенес Молли в машину, а Габи занялась щенками. Как только разместились все шестеро, Тревис собрал саквояж и бросил его на переднее сиденье, а потом обошел машину кругом и сел за руль.

— Обещаю держать вас в курсе, — сказал он.

— Я поеду с вами.

— Лучше, если Молли немного отдохнет. Если вы будете рядом, она не сможет расслабиться. Ей нужно набраться сил. Не беспокойтесь, я как следует о ней позабочусь. Буду в клинике всю ночь. Даю вам слово.

Габи помедлила.

— Вы уверены?

— Все будет в порядке. Обещаю.

Она задумалась над его словами, потом робко улыбнулась:

— Знаете, там, где я работаю, нас учат ничего не обещать. Обычно мы говорим, что сделаем все возможное.

— Вам было бы приятнее, если бы я не давал слова?

— Нет. Но все-таки я бы хотела поехать в клинику.

— Разве вам не нужно завтра на работу?

— Нужно. Как и вам.

— Правильно, но я ведь там свой. И кроме того, в клинике у меня есть раскладушка. Если вы поедете со мной то будете спать на полу.

— То есть вы не уступите раскладушку мне?

Тревис сел в машину.

— Уступил бы, будь это необходимо, — ответил он, ухмыльнувшись.

— Но бог весть, какотреагирует ваш парень, если узнает, что мы провели ночь вместе.

— Откуда вы знаете, что у меня есть парень?

— Я не знал, — отозвался Тревис с легкой ноткой разочарования. А потом улыбнулся. — Давайте я все-таки заберу Молли, хорошо? Позвоните с утра. Расскажу вам, как дела.

— Хорошо, — сдалась Габи.

Тревис захлопнул дверь и завел мотор, а потом выглянул в окно.

— Не беспокойтесь, — повторил он. — Все будет в порядке.

Выехал на дорогу и помахал Габи из окна. Та помахала в ответ, хоть и понимала, что Тревис ее не видит. Она наблюдала за тем, как меркнет алый

свет фар, когда машина завернула за угол.

Тревис уехал. Габи направилась в спальню и остановилась перед зеркалом. Она всегда знала, что не относится к тем женщинам, которые способны застопорить уличное движение, но впервые за много лет смотрела в зеркало и гадала, что при встрече думают о ней мужчины, не считая Кевина.

Несмотря на усталость и взлохмаченные волосы, Габи выглядела не так уж скверно. Она обрадовалась бог весть отчего. Невольно вспомнила разочарование, которое появилось на лице Тревиса при упоминании о том, что у нее есть парень, и покраснела. Не то чтобы изменились ее чувства к Кевину...

Она, несомненно, ошибалась насчет Тревиса Паркера — с самого начала. В экстремальной ситуации он держался хладнокровно. Габи восхищалась им — хотя, наверное, не стоило удивляться. В конце концов, это его работа.

Габи решила позвонить Кевину. Тот пообещал приехать через несколько минут.

— Как дела? — спросил Кевин.

Габи прижалась к нему. Было так приятно лежать в его объятиях.

— Я волнуюсь.

Кевин притянул ее ближе; Габи ощущала его запах, чистый и свежий, будто он принял душ прямо перед тем, как приехать. С растрепанными волосами он походил на студента.

— Хорошо, что твой сосед оказался дома, — сказал Кевин. — Тревис, кажется?

— Да. Вы знакомы?

— В общем, нет, — ответил он. — Мы страховали его клинику, но с ним в основном имеет дело мой отец.

— А я думала, в маленьком городе все друг друга знают.

— Ну да. Но я вырос в Морхед-Сити и в детстве не общался с ребятами из Бофора. И потом, Тревис, кажется, на несколько лет старше. Он наверняка уже уехал в колледж, когда я перешел в старшую школу.

Габи кивнула. Ее мысли вновь вернулись к Тревису. Серьезное выражение, с которым он осматривал Молли. Спокойная уверенность в голосе, когда он объяснял, что случилось. Она ощутила легкое чувство вины и потянулась к Кевину, чтобы уткнуться лицом ему в шею. Тот погладил ее по плечу, и знакомое ощущение успокоило ее.

— Хорошо, что ты приехал, — прошептала она. — Ты был мне сегодня нужен.

Кевин поцеловал ее волосы.

— А как еще я мог поступить?

— Да, но ведь у тебя была важная встреча, а завтра ты должен рано уехать.

— Ничего страшного. Всего лишь конференция. Максимум десять минут на то, чтобы собраться. Жаль, что я не приехал раньше.

— Возможно, тебя бы вырвало.

— Не исключено. Но все-таки мне неловко.

— Ты ни в чем не виноват.

Кевин погладил ее по голове.

— Хочешь, я отложу поездку? Наверняка папа меня поймет, если завтра я останусь с тобой.

— Не стоит. Во всяком случае, я буду работать.

— Уверена?

— Да, — сказала Габи. — Но спасибо, что предложил. Для меня это много значит.

Макс Паркер обнаружил сына в послеоперационной палате — он спал на раскладушке. Разбудив Тревиса, отец выслушал его объяснения по поводу того, что случилось, а потом принес две чашки кофе.

— Неплохо для первого раза, — заключил он. Седоволосый, с кустистыми белыми бровями, он казался олицетворением всеми любимого доброго доктора Айболита.

— Ты когда-нибудь лечил собаку с выпадением матки?

— Никогда, — признался Макс. — Хотя однажды лечил лошадь. Сам знаешь, это редкая штука. А Молли, кажется, неплохо себя чувствует. Когда я приехал утром, она села и завиляла хвостом. Ты поздно лег?

Тревис охотно отхлебнул кофе.

— Просидел с ней почти всю ночь. Хотел удостовериться, что матка снова не выпадет.

— Обычно этого не бывает, — заверил отец. — Но все равно хорошо, что ты остался на ночь. Уже звонил хозяйке?

— Пока нет. Непременно позвоню. — Тревис вытер лицо. — Господи, я совсем без сил.

— Может, поедешь домой и поспишь? Я сам управлюсь и присмотрю за Молли.

— Не хочу тебя утруждать.

— Никаких проблем. — Макс улыбнулся. — Забыл? Тебе здесь вообще нечего делать. Ведь сегодня пятница.

Через несколько минут, взглянув на Молли, Тревис вернулся домой. Вылез из машины, потянулся, а потом направился к Габи. Пересекая подъездную дорожку, он заметил торчащую из ящика газету и после недолгого колебания вытащил ее. Тревис уже собирался постучать, когда услышал звук приближающихся шагов, и дверь открылась. Габи явно удивилась, увидев его.

— О! Здравствуйте, — сказала она. — А я как раз подумала, что нужно вам позвонить.

Девушка стояла босиком, в широких штанах и белой рубашке, волосы были схвачены заколкой цвета слоновой кости. Тревис снова отметил, какая Габи привлекательная, но сегодня его осенило, что ее притягательность кроется скорее в неподдельной искренности, чем во внешней красоте.

Габи казалась такой... настоящей.

— Поскольку я все равно ехал домой, то решил поговорить лично. Молли в полном порядке.

— Вы уверены?

Тревис кивнул.

— Я сделал рентген и не нашел никаких признаков внутреннего кровотечения. Молли получила лекарство, и к ней возвращаются силы. Ее вполне можно привезти домой сегодня же, но я бы предпочел понаблюдать ее еще сутки, просто чтобы удостовериться. Сейчас она под присмотром отца. Я не спал почти всю ночь, поэтому собираюсь лечь. Но непременно загляну к Молли попозже.

— Можно мне ее повидать?

— Конечно, — ответил Тревис. — Можете навестить малышку в любое время. Но помните, она еще под воздействием лекарства. Мне пришлось дать ей успокоительное, чтобы не нервничала во время рентгена. — Он помолчал. — Кстати, со щенками тоже все в порядке. Они просто прелесть.

Габи улыбнулась. Тревис говорил с легким местным акцентом — удивительно, как она раньше не заметила.

— Хочу еще раз вас поблагодарить, — сказала она. — Даже не знаю, смогу ли я отплатить за все, что вы сделали...

Тревис отмахнулся:

— Был рад помочь. — Он протянул газету. — Кстати, вот что я прихватил по пути.

— Спасибо, — поблагодарила Габи.

Повисло неловкое молчание. Оба смотрели друг на друга.

— Хотите чашечку кофе? — предложила она. — Я только что сварила.

— Нет, спасибо. Я попытаюсь уснуть, так что лучше не перевозбуждаться.

Габи засмеялась:

— Забавно.

— Стараюсь, — отозвался Тревис.

На мгновение она представила, как он облокачивается о стойку бара и произносит эти слова, обращаясь к какой-нибудь красотке. У нее возникло смутное подозрение, что сосед с ней заигрывает.

— Ну, довольно, — сказал он. — Вы собираетесь на работу, а я устал как черт. Пойду домой и немного вздремну.

Тревис повернулся и спустился с крыльца.

Против воли Габи шагнула за порог и окликнула его.

— Прежде чем вы уйдете, скажите, пожалуйста, когда поедете в

клинику. Чтобы взглянуть на Молли, я имею в виду.

— Не знаю. Зависит от того, сколько просплю.

— Ладно, — сказала Габи, чувствуя себя дурой. Она пожалела, что заговорила об этом.

— Давайте сделаем так, — предложил Тревис. — В котором часу у вас ленч? Я встречу вас возле работы.

— Я не хотела...

— Во сколько?

Габи взволнованно сглотнула.

— Без четверти час.

— Я приеду, — пообещал он и добавил: — Кстати, вы потрясающе выглядите.

Ради всего святого, что происходит?!

Эта мысль занимала сознание Габи все утро. Она осмотрела двух новорожденных, четырежды диагностировала ушную инфекцию, один раз сделала прививку и отправила пациента на рентген, действуя на автопилоте и присутствуя на работе лишь наполовину, тогда как другая ее часть по-прежнему пребывала на крыльце и размышляла: действительно ли Тревис с ней флиртует и нравится ли ей это.

Габи в тысячный раз пожалела, что в городе у нее нет подруги, с которой можно было бы поговорить. Нет ничего лучше верной наперсницы, и хотя в клинике были медсестры, статус фельдшера держал Габи особняком. Она нередко слышала, как сестры болтают и смеются, но те немедленно замолкали при ее приближении. Она чувствовала себя такой же одинокой, как и в первые дни после переезда в Бофор.

Осмотрев последнего пациента и направив его на осмотр к отоларингологу, Габи сунула стетоскоп в карман больничного халата и направилась к себе в кабинет. Помещение было небольшим; девушка подозревала, что до ее приезда оно использовалось в качестве кладовки. Окна проект не предусматривал, большую часть комнаты занимал стол, но Габи удавалось поддерживать порядок и было приятно иметь собственный кабинет. В углу стоял шкафчик, почти пустой; из нижнего ящика она достала сумочку. Взглянув на часы, убедилась, что есть еще несколько минут. Села и провела рукой по непослушным кудряшкам.

Габи решила, что делает из мухи слона. Люди постоянно флиртуют. Такова человеческая натура. Возможно, это ничего не значит. После всего, что они пережили накануне, Тревис стал для нее чем-то вроде товарища. Друга...

Друг. Ее первый друг в новом городе, в начале новой жизни. Габи

понравилось, как это звучит. Разве неправильно иметь друга? Ничего подобного. Габи улыбнулась, а потом нахмурилась.

Возможно, это не такая уж замечательная идея. Быть в хороших отношениях с соседом — одно дело, но дружить с мужчиной, который не прочь пофлиртовать, — нечто совсем другое. Особенно с мужчиной, который хорош собой. Кевин не ревнив, но уж точно не обрадуется, узнав о том, что Габи с Тревисом пьют кофе на веранде пару раз в неделю. А ведь именно так и поступают дружные соседи. Пусть даже визит к ветеринару — вполне естественная вещь, но Габи отчего-то почувствовала себя неловко.

Габи показалось, что она сходит с ума. По-настоящему сходит с ума.

Она не сделала ничего плохого. И Тревис тоже. Их маленький флирт ни к чему не приведет, хотя они соседи. Габи и Кевин вместе со времен последнего курса в Университете Северной Каролины, они познакомились холодным, промозглым вечером. У Габи сдуло шляпку, когда она возвращалась с друзьями из кафе. Кевин бросился за шляпкой на проезжую часть, лавируя между машинами. Если тогда Габи и не ощутила вспышки, то в ней разгорелся уголек чувства, пусть даже она не вполне это осознавала.

На тот момент меньше всего ей хотелось чего-то столь запутанного, как любовная связь, — в ее жизни и так хватало сложностей. Приближались выпускные экзамены, нужно было платить за квартиру, и вдобавок Габи не знала, где именно она будет учиться на фельдшера. Хотя теперь все это казалось нелепым, тогда девушке как будто предстояло принять самое важное решение в своей жизни. Ее были готовы принять в фельдшерскую школу в Чарлстоне или в Норфолке, и мать отчаянно ратовала за Чарлстон: «По-моему, тут нечего и думать, Габриэль. Ты будешь всего в нескольких часах езды от дома. И потом, Чарлстон куда интереснее, дорогая». Габи тоже склонялась в пользу Чарлстона, хотя в глубине души знала, что ее соблазняют несколько иные причины: клубы и рестораны, перспективы жизни в красивом городе, культура, общение. Она напоминала себе, что у нее просто не останется времени на то, чтобы наслаждаться всем этим. За исключением нескольких профильных предметов, учащиеся фельдшерской школы следовали тому же расписанию, что и студенты медицинских колледжей, но у них было не четыре, а всего два года на то, чтобы освоить программу. Габи уже наслушалась историй о том, что ее ожидает: поток информации, напоминающий струю воды из пожарной кишки. Ей больше импонировала программа в Норфолке; отчего-то и само место казалось более уютным.

Там она сможет сосредоточиться на том, что нужно.

Так что же выбрать?

Она раздумывала над этим в тот зимний вечер, когда у нее сдуло шляпку, а Кевин вернул беглянку на место. Поблагодарив парня, Габи немедленно забыла о случившемся, но несколько недель спустя он заметил девушку на противоположной стороне двора. Хотя Габи позабыла Кевина, тот ее вспомнил. Его беззаботная манера приятно контрастировала с высокомерием парней, которых Габи встречала до сих пор. Большинство из них поглощали невероятное количество спиртного и наносили на лица боевую раскраску каждый раз, когда Дьюк играл с Университетом Северной Каролины. Они разговорились. Последовало приглашение на кофе, потом на ужин; в тот день, когда Габи получила диплом, она поняла, что влюблена. Она уже решила, куда поступит, а поскольку Кевин собирался жить в Морхед-Сити, всего в двух-трех часах езды к югу от того места, где Габи предстояло провести несколько лет, выбор казался вполне разумным.

Кевин ездил в Норфолк, чтобы повидаться с ней, а она — в Морхед-Сити. Он познакомился с ее семьей, а Габи — с его родными. Они ссорились и мирились, расходились и сходились, и она даже несколько раз играла с ним в гольф, хотя и не любила эту игру. Кевин оставался тем же невозмутимым и беззаботным парнем, что и прежде. По его характеру было ясно, что Кевин вырос в маленьком городке, где жизнь течет куда медленнее, чем в мегаполисе. Неспешность составляла краеугольный камень его личности. Когда Габи волновалась, он пожимал плечами; когда она преисполнялась пессимизма, Кевин оставался бесстрастен. «Вот почему, — подумала Габи, — мы так хорошо ладим. Уравновешиваем друг друга...» Если речь пойдет о выборе между Кевином и Тревисом, Габи не собиралась колебаться ни минуты.

Достигнув ясности, девушка решила, что поведение Тревиса не причина для беспокойства. Пусть флиртует, если хочет. В конце концов, она знала, что ей нужно в жизни. Габи была в этом уверена.

Как и обещал Тревис, Молли чувствовала себя лучше, чем можно было надеяться. Она энергично виляла хвостом и, несмотря на присутствие спящих щенков, напоминавших меховые комочки, при появлении хозяйки встала без видимых усилий. Габи получила свою порцию слюнявых поцелуев. Нос у Молли был холодный, она извивалась всем телом и поскуливала; Габи поняла, что с ее любимицей все в порядке.

— Я рада, что тебе лучше, — сказала она, глядя Молли, которая уселась рядом с хозяйкой.

— Я тоже, — отозвался Тревис, возникая на пороге. — Она настоящий боец. И у нее прекрасный характер.

Габи обернулась и увидела, что Тревис стоит, прислонившись к косяку.

— Видимо, я ошибся, — сказал он, подходя к ней с яблоком в руках. — Молли можно забрать домой сегодня же, если вы сумеете заехать за ней после работы. То есть это вовсе не обязательно, конечно. Я могу поддержать ее здесь, если вам так спокойнее. Но Молли идет на поправку быстрее, чем я предполагал.

Тревис присел и легонько щелкнул пальцами, отвлекая внимание Молли.

— Вот умница, — сказал он голосом, в котором ясно звучало: «Я обожаю собак, поэтому иди сюда». К удивлению хозяйки, собака подошла к нему, Тревис принялся гладить ее и что-то шептать, отчего Габи почувствовала себя лишней.

— И малыши тоже молодцы, — продолжал он. — Если собираетесь отвезти их домой, устройте нечто вроде загона, чтобы они не расползались. Иначе будет грязно. Ничего особенного — просто отгородите угол досками и постелите газеты.

Габи едва слушала — почти против воли она снова засмотрелась на него. Ее раздражало то, что она думает о его внешности каждый раз, когда видит его. Как будто при взгляде на Тревиса в ней срабатывала сигнализация, и Габи искренне не понимала почему. Он был высок и худощав, но она встречала десятки таких мужчин. Много улыбается, но что тут необычного? Зубы невероятно белые — видимо, Тревис пользуется отбеливателем, — но даже если так, очень эффектно. У Тревиса спортивный вид, однако накачанных парней хватает в любом спортзале — парней, которые фанатично занимаются спортом, не едят ничего, кроме цыплячьих грудок и овсянки, и пробегают по десять миль в день. Ни один из них не производил на Габи подобного впечатления.

Что в нем такого?

Возможно, было бы проще, будь Тревис не так хорош собой. Все, начиная с их ссоры и заканчивая ее нынешним смущением, было бы по-другому — просто потому, что Габи не испытывала бы такого беспокойства. Впрочем, все решено. Больше она не попадется на эту удочку. Ни за что. Поставит точку, в дальнейшем будет дружески махать соседу рукой и снова начнет жить, ни о чем не тревожась.

— С вами все в порядке? — Тревис пристально посмотрел на нее. — Вы как будто где-то витеаете...

— Просто устала, — солгала Габи и указала на Молли. — По-моему,

вы ей нравитесь.

— Ну да. — Тревис кивнул. — Мы отлично поладили. Думаю, причиной тому вяленое мясо, которым я угостил ее с утра. Вяленое мясо — путь к сердцу любой собаки. Так я обычно говорю всем кинологам, которые спрашивают, что делать, если собака их не любит.

— Я запомню, — пообещала Габи, поспешно отведя взгляд.

Когда один из щенков заскулил, Молли встала и вернулась в вольер. Присутствие Тревиса и Габи вдруг сделалось излишним. Он поднялся и вытер яблоко о штаны.

— Так как вы решите?

— Насчет чего?

— Насчет Молли.

— А в чем дело?

Тревис нахмурился и медленно повторил:

— Вы хотите забрать ее домой сегодня или нет?

— Ах это... — Габи покраснела, как школьница, которая разговаривает с выпускником колледжа. Мысленно выругала себя и откашлялась. — Да, я заберу Молли. Если вы уверены, что это ей не повредит.

— Все будет в порядке, — уверил Тревис. — Она молода и здорова. Конечно, малышке пришлось нелегко, но могло быть намного хуже. Нам повезло.

Габи скрестила руки на груди.

— Да уж.

Она впервые заметила, что на футболке Тревиса размещена реклама какого-то салуна. Тревис откусил яблоко.

— Честно говоря, я думал, вы обрадуетесь, когда узнаете, что с Молли все в порядке.

— Я очень рада.

— А по вам не скажешь.

— И что это значит?

— Не знаю... — ответил Тревис и снова откусил яблоко. — Если вспомнить ваше появление у моей двери... наверное, я ждал, что вы выкажете чуть больше чувства. Не только по поводу Молли, но и потому, что я оказался дома и пришел на помощь.

— Я уже сказала, что очень благодарна. Сколько раз нужно это повторить?

— А как вы считаете?

— Вам лучше знать.

Тревис чуть приподнял бровь:

— По-моему, наоборот.

«Да уж», — подумала Габи.

— Ладно, — сказала она. — Спасибо еще раз. За все, что вы сделали.

Она произносила каждое слово так отчетливо, как будто Тревис плохо слышал.

Он рассмеялся:

— Вы точно такая же и с вашими пациентами?

— Какая?

— Чересчур серьезная.

— Нет.

— А с друзьями?

— Нет... — Габи смущенно покачала головой. — Но при чем тут это?

Тревис не ответил и снова принялся за яблоко.

— Мне просто интересно, — наконец сказал он.

— Что интересно?

— Интересно, такой у вас характер или вы просто становитесь серьезны в моем присутствии. Если да, то я польщен.

Габи почувствовала, что снова краснеет.

— Не понимаю, о чем вы...

Он ухмыльнулся:

— Ладно.

Габи открыла рот, собираясь сказать что-нибудь остроумное и неожиданное, чтобы поставить красавчика на место, но, прежде чем нужные слова пришли ей в голову, Тревис бросил огрызок в мусорное ведро и принялся мыть руки.

— Послушайте, — сказал он через плечо, — я рад, что вы заехали, поскольку хотел кое-что предложить. Завтра у меня намечается небольшая вечеринка. Надеюсь, вы не откажетесь заглянуть?

Габи удивленно заморгала, решив, что ослышалась:

— К вам?

— Ну да.

— Это что, свидание?

— Нет, просто вечеринка. С друзьями. — Он закрыл кран и вытер руки. — Я собираюсь вытащить свой парасейл и открыть сезон. Будет весело.

— Это будут в основном парочки? Я имею в виду, ваши гости.

— Не считая моей сестры и меня, все они семейные люди.

Габи покачала головой:

— Сомневаюсь, что сумею вписаться. У меня есть парень...

- Отлично. Приводите его.
- Мы вместе уже почти четыре года.
- Я же сказал, что буду рад его видеть.

Габи снова решила, что ослышалась. Она уставилась на Тревиса, пытаюсь понять, серьезно ли он говорит.

- Правда?
- Конечно. Почему бы и нет?
- Ну... он все равно не сможет прийти. Он уехал на несколько дней.
- Тогда, если вам больше нечем заняться, приходите сами.
- Сомневаюсь, что это хорошая идея.
- Почему?
- Я его люблю.
- И?..
- Что «и»?

— Можете преспокойно любить его, находясь у меня в гостях. Я же говорю, будет весело. Обещали теплую погоду. Вы когда-нибудь катались на парасейле?

- Нет. Но дело не в этом.
- Вы думаете, он косо на это посмотрит?
- Вот именно.
- Значит, он из тех парней, которые в свое отсутствие предпочитают держать девушку в четырех стенах?

- Вовсе нет.
- Он не хочет, чтобы вы развлекались?
- Наоборот.
- Он не хочет, чтобы вы заводили новых друзей?
- Конечно, хочет.

— Значит, решено, — заключил Тревис и направился к двери, а потом остановился и добавил: — Гости начнут собираться часов в десять или одиннадцать. Прихватите купальник. Будет пиво, вино и содовая, но если у вас особенные пристрастия, можете прихватить выпивку из дома.

- Я не думаю, что...

Тревис вскинул руку:

— Вот что я вам скажу. Приходите, если хотите. Я не настаиваю. Договорились? — Он пожал плечами. — Просто мне кажется, что это шанс лучше узнать друг друга.

Габи понимала, что следует отказаться. Но она лишь сглотнула, надеясь избавиться от внезапной сухости в горле, и сказала:

- Я постараюсь.

Субботнее утро началось неплохо. Когда солнечные лучи пробились сквозь жалюзи, Габи надела пушистые розовые шлепанцы и, предвкушая целый день отдыха, отправилась на кухню, чтобы сварить кофе. Потом все пошло наперекосяк. Прежде чем Габи успела поднести чашку к губам, она вспомнила, что нужно взглянуть на Молли. Слава Богу, собака почти оправилась. Щенки тоже выглядели отлично, хотя, впрочем, Габи понятия не имела, чего следует опасаться. Они либо лежали, присосавшись к матери, как пушистые пиявки, либо ползали, скулили и пищали — природа снабдила их достаточным обаянием, чтобы у Молли не возникло желания съесть свое потомство. Трудно сказать, что Габи таяла от любви. Разумеется, щенки были далеко не безобразны, но и не настолько красивы, как Молли, и Габи по-прежнему беспокоилась, что не сумеет их пристроить. А этим, конечно, придется заняться. И чем скорее, тем лучше. Стоявшая в гараже вонь окончательно убедила ее.

Это был не просто запах. Едкий, он преследовал ее, как некая загадочная сила. Когда Габи замутило, она припомнила, что Тревис посоветовал построить нечто вроде загона, чтобы щенки не расползались. Господи, но кто же знал, что эти крошки столько гадят? Кучки были буквально всюду. Запах будто пропитал стены. Не помогало, даже если оставить открытой дверь. Габи провела следующие полчаса с зажатым носом, прибираясь в гараже.

Когда она закончила, то почти убедила себя, что щенки — орудие неведомой силы, призванной испортить ей выходной. Это было единственное объяснение того, почему они облюбовали длинную неровную трещину в полу и проявили такую сверхъестественную точность, что Габи пришлось прибегнуть к помощи зубной щетки. Вот гадость.

А Тревис... ему не уйти от ответственности! Он специалист и виноват не меньше, чем щенки. Разумеется, он упомянул между делом, что нужно построить загон, но не стал заострять на этом внимание. Ведь так? Он не объяснил, что случится, если Габи его не послушает. Ведь так?

Он отлично знал, что может случиться. Габи была уверена. Подлый тип.

Хорошенько задумавшись, она решила, что Тревис проявил свою подлость неоднократно. Он вынудил ее положительно ответить на вопрос «Стоит ли кататься на катере с соседом, который не прочь со мной

пофлиртовать?». Габи решила, что пойдет в гости хотя бы потому, что Тревис вырвал у нее согласие своими хитрыми манипуляциями. Все эти нелепые намеки на то, что Кевин держит ее под замком. Как будто она его собственность! Как будто у нее нет собственного мнения! А теперь она торчит в гараже и убирает тысячную кучку дерьма...

Славное начало выходных. В довершение всего кофе остыл, газету намочила проезжавшая мимо поливалка, а в ванной отключилась горячая вода, прежде чем Габи успела домыться.

Просто великолепно.

«Ну и где обещанное веселье?» — спрашивала она себя, одеваясь. Суббота, а Кевина нет. Впрочем, даже когда он был рядом, их выходные ничуть не походили на те, что они проводили прежде, во время каникул. Раньше казалось, что каждая встреча — сплошная радость, новый опыт, новые знакомства... А теперь Кевин проводит по крайней мере половину выходных в гольф-клубе.

Габи налила себе еще кофе. Кевин всегда был тихоней, и она знала, что ему нужно развеяться после рабочей недели. Но девушка не могла отрицать, что их отношения изменились, с тех пор как она переехала сюда. Не то чтобы это была полностью его вина. Габи ведь сама захотела переехать и, так сказать, осесть. Вот что произошло. Так в чем проблема?

«Проблема, — прозвучал внутренний голос, — в том, что ты ожидала чего-то большего». Габи не знала, что именно должен повлечь за собой переезд, но неотъемлемой частью происходящего, как ей казалось, могла бы стать некоторая... естественность.

Покачав головой, она решила, что делает из мухи слона. Просто их с Кевином отношения проходят болезненную стадию. Выйдя на веранду, она увидела, что стоит прекрасная погода. Тепло, легкий ветерок, ни облачка на небе. Вдалеке из высокой прибрежной травы вылетела цапля и заскользила над озаренной солнцем водой. Глядя ей вслед, Габи заметила Тревиса, который направлялся к пристани. На нем не было ничего, кроме просторных клетчатых шортов до колен. Со своей выгодной позиции Габи отлично видела, как перекачиваются мышцы у него на плечах и на спине. Она сделала шаг назад, к двери, надеясь, что Тревис ее не заметит. Но в следующее мгновение он крикнул:

— Доброе утро, Габи! — И помахал рукой, совсем как мальчишка в первый день летних каникул. — Замечательное утро, правда?

Он пустился к ней трусцой и протиснулся меж кустов живой изгороди. Габи вздохнула.

— Доброе утро, Тревис.

— Это мое любимое время года. — Он широко раскинул руки, как бы обнимая небо и деревья. — Не слишком жарко, не слишком холодно. Синева без конца и без края.

Габи улыбнулась, старательно отводя взгляд от его притягательно мускулистых бедер. Ей всегда казалось, что это самая сексуальная часть мужского тела.

— Как поживает Молли? — продолжал он. — Полагаю, ночь прошла спокойно?

Габи откашлялась.

— Да. Спасибо.

— А щенки?

— Тоже в порядке. Но от них такая грязь...

— Не сомневаюсь. Вот почему стоит держать их в огороженном месте.

Тревис блеснул ослепительно белыми зубами в дружеской улыбке — пожалуй, чересчур дружеской, хоть он и был человеком, который спас ее собаку.

Габи скрестила руки на груди и напомнила себе, как недостойно он держался накануне.

— Э... вчера я так и не удосужилась отгородить им угол.

— Почему?

«Потому что ты меня отвлек», — подумала она.

— Наверное, просто забыла.

— Должно быть, в гараже у вас чертовски воняет.

Габи молча пожала плечами, не желая доставлять Тревису удовольствие.

Он, кажется, не обратил внимания на ее уклончивый ответ.

— Послушайте, все не так сложно. В первые дни жизни щенки только и делают, что испражняются. Молоко в них как будто не задерживается. Но теперь-то вы построили загон?

Габи изо всех сил старалась сохранять невозмутимый вид. Безуспешно.

— Нет? — уточнил Тревис.

Она переступила с ноги на ногу.

— Нет, — призналась она.

— Почему?

«Потому что ты продолжаешь меня отвлекать», — подумала она.

— Сомневаюсь, что он вообще нужен.

Тревис почесал шею.

— Предпочитаете убирать за щенками?

— Это не так уж трудно, — пробормотала она.

— То есть вы позволите им ползать по всему гаражу?

— Почему бы и нет? — Габи решила, что сразу же после разговора построит самый крошечный загон на свете.

Тревис уставился на нее в замешательстве.

— Знаете, как ветеринар, я просто обязан сказать, что, по-моему, вы приняли неверное решение.

— Благодарю за мнение, — огрызнулась Габи.

Он продолжал в упор смотреть на нее.

— Ну ладно... Устраивайтесь как хотите. Заглянете ко мне часикам к десяти, хорошо?

— Вряд ли.

— Почему?

— Потому что это плохая идея.

— Почему?

— Потому что.

— Понимаю, — произнес Тревис.

Точь-в-точь как ее мать.

— Вот и ладно.

— Вас что-то беспокоит?

— Нет.

— Я каким-то образом вас обидел?

«Да, — произнес внутренний голос. — Ты и твои дурацкие мускулы».

— Нет.

— Но в чем проблема?

— Никаких проблем.

— Тогда почему вы так себя ведете?

— Я никак себя не веду.

Лучезарная улыбка угасла, как и сошло на нет недавнее дружелюбие.

— Нет, ведете. Я привез вам подарок, чтобы поздравить с новосельем. Я спас вашу собаку и всю ночь провел без сна, чтобы удостовериться, что она в порядке. Я пригласил вас покататься на катере... И это после того, как вы наорали на меня без всякой видимой причины, если помните. А теперь вы обращаетесь со мной как с чумным. С тех пор как вы переехали, я старался быть любезным, но каждый раз, когда мы видимся, вы злитесь. И я хочу знать почему.

— Почему? — повторила Габи.

— Да, — твердо сказал Тревис. — Почему?

— Потому что, — ответила Габи, понимая, что говорит как обиженная

пятиклашка. Просто она больше ничего не могла придумать.

Он пристально взглянул ей в лицо:

— Почему?

— Не ваше дело.

Он помолчал и наконец произнес:

— Ну ладно...

Тревис развернулся, покачал головой и спустился с крыльца. Он уже вышел на лужайку, когда Габи шагнула вперед.

— Подождите! — крикнула она.

Тревис остановился не сразу. Он обернулся к ней:

— Что?

— Простите, — сказала Габи.

— За что?

Она помедлила.

— Я не понимаю, чего вы хотите...

— В общем, я и не ожидал этого, — буркнул Тревис.

Габи почувствовала, что он собирается уйти — и это будет конец добрососедских отношений, — а потому двинулась вперед, почти против воли.

— Простите за все. — Она слышала, что ее голос звучит неестественно и резко. — За то, как я с вами обращалась. За то, что у вас сложилось впечатление, будто я неблагодарная.

— И?

Габи вновь почувствовала, что уменьшается. Такое случалось только в присутствии Тревиса.

— А еще, — сказала она мягче, — я была не права.

— В чем? — уточнил Тревис после паузы.

Господи, с чего же начать, откликнулся внутренний голос. Может быть, на самом деле она не ошиблась. Может быть, интуиция предостерегала ее насчет того, чего она не понимала, но не должна была сбрасывать со счетов...

— Насчет вас, — смело сказала Габи, не обращая внимания на внутренний голос. — Вы правы. Я обращалась с вами не так, как следовало, но, честно говоря, предпочла бы не объяснять причины. — Она натянуто улыбнулась. Улыбка осталась без ответа. — Может быть, начнем все сначала?

Тревис, кажется, размышлял.

— Не знаю...

— Что?..

— Меньше всего мне нужен злобный человек по соседству, — объяснил Тревис. — Не хотелось бы ранить ваши чувства, но я давно привык называть вещи своими именами.

— Это нечестно.

— Разве? — Тревис не стал скрывать скепсис. — А по-моему, я более чем честен. И вот что я скажу — если хотите начать сначала, то я не против. Но только если вы сами в этом твердо уверены.

— Я уверена.

— Тогда ладно. — Тревис вернулся на веранду. — Привет, — сказал он, протягивая руку. — Меня зовут Тревис Паркер, и я хочу поздравить вас с новосельем.

Габи уставилась на его руку, а потом пожала ее и ответила:

— Я Габи Холланд. Рада познакомиться.

— Чем вы занимаетесь?

— Я фельдшер, — ответила Габи, чувствуя небольшую неловкость. — А вы?

— Ветеринар. Откуда вы?

— Из Саванны, — ответила она. — А вы?

— Родился и вырос здесь.

— Вам тут нравится?

— Конечно. Прекрасный климат и никаких пробок. — Тревис помолчал. — И отличные соседи. В большинстве своем.

— Да, я об этом слышала, — улыбнулась Габи. — Говорят, местный ветеринар приходит на дом при первой необходимости. В большом городе такого не найдешь.

— Не сомневаюсь. — Тревис махнул рукой в сторону причала. — Кстати, сегодня мы с друзьями собираемся покататься на катере. Не хотите к нам присоединиться?

Габи прищурилась.

— Я бы рада, но мне надо построить загон для щенков. Молли, моя собака, ошенилась два дня назад. Не хочу, чтобы вам и вашим друзьям пришлось меня дожидаться.

— Может, нужна помощь? У меня в гараже есть несколько лишних досок и старых ящиков. Мы быстро управимся.

Габи помедлила, затем с улыбкой взглянула на Тревиса:

— В таком случае я с удовольствием покатаюсь с вами.

Тревис сдержал слово. Пришел, таща четыре доски (по-прежнему полуголый, к смятению Габи). Оставив доски, он рысью направился к себе в гараж и вернулся с ящиками, молотком и гвоздями.

Хотя Тревис делал вид, что не замечает запаха, Габи отметила, что загон он сколотил куда быстрее, чем представлялось возможным.

— Застелите этот угол газетами. Они у вас есть?

Габи кивнула.

— У меня еще кое-какие дела, так что увидимся позже, договорились?

Она снова кивнула, поймав себя на том, что волнуется. Проводив Тревиса взглядом до двери и выставив загон газетами, Габи поспешила в спальню и принялась оценивать свои купальники. А точнее, решать, надеть ли ей бикини или закрытый.

В каждом случае были свои «за» и «против». В обычной ситуации Габи предпочла бы бикини. В конце концов, ей двадцать шесть, и она не замужем. Пусть она и не супермодель, но, нужно признать, Габи нравилось, как она смотрится в бикини. И Кевину тоже — если она хотя бы намекала, что хочет надеть закрытый, он дулся до тех пор, пока Габи не передумывала. Но Кевина сейчас не было, а Габи собиралась на прогулку с соседом мужского пола. Учитывая размер бикини, с тем же успехом она могла появиться перед Тревисом в нижнем белье, что вряд ли удобно. Итак, голос в пользу закрытого.

С другой стороны, сплошной уже староват и слегка вылинял от солнца и хлорки. Мать купила его несколько лет назад для загородного клуба (упаси Господи, если Габи будет выставять свое тело напоказ, как проститутка!). Он был не особенно выигрышного покроя, как обычно бывает с закрытыми купальниками. Вместо вырезов на бедрах глубокие вырезы по бокам, отчего ноги казались короткими и неуклюжими.

Габи не хотелось, чтобы ее ноги казались короткими. Хотя разве это важно? «Нет, конечно, — подумала она — и тут же: — Разумеется, важно».

Итак, закрытый купальник. По крайней мере у друзей Тревиса сложится правильное мнение о ней. И потом на катере будут дети. Лучше показаться слегка консервативной, нежели чересчур... откровенной. Габи потянулась за купальником и немедленно услышала материнский голос, который советовал ей принять единственно верное решение.

Бросив закрытый купальник на кровать, она взяла бикини.

— Ты пригласил свою новую соседку? — спросила Стефани. — Напомни, как ее зовут?

— Габи, — ответил Тревис, подводя катер к причалу. Она появится с минуты на минуту.

Канат натянулся и ослаб, когда катер занял нужное место. Они только что спустили его на воду и собирались погрузить переносной холодильник.

— Она одна?

— Теоретически да. Но у нее есть парень.

— И что? — Стефани ухмыльнулась. — Разве это тебя когда-нибудь останавливало?

— Не делай из мухи слона. Парня нет в городе, и ей нечем заняться. Как и положено хорошему соседу, я пригласил ее в гости.

— Ну да. — Стефани кивнула. — Звучит так, как будто ты и впрямь совершил благородный поступок.

— А разве нет? — запротестовал Тревис.

— Никто не спорит.

Тревис закончил швартоваться.

— Судя по тону, ты имела в виду нечто другое.

— Разве? Вот чудеса.

— Да-да. Следи за языком.

Тревис взял холодильник и перебрался на катер.

— А... ты считаешь ее хорошенькой?

— Возможно.

— Возможно?

— А какого ответа ты от меня ждешь?

— Никакого.

Тревис взглянул на сестру:

— Почему у меня такое ощущение, будто нас ожидает долгий день?

— Понятия не имею.

— Окажи мне услугу, сестренка, и не дави на Габи.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты прекрасно меня понимаешь. Просто... пусть она сначала привыкнет к обстановке, прежде чем ты на нее насядешь.

Стефани хихикнула:

— Ты ведь понимаешь, с кем разговариваешь, да?

— Я лишь хотел предупредить, что Габи, возможно, не оценит твой юмор.

— Обещаю быть пай-девочкой.

— Ну что, ты готова купаться голышом? — поинтересовалась Стефани.

Габи заморгала, решив, что ослышалась:

— Что-что?

Минуту назад Стефани предстала перед ней в длинной футболке с двумя бутылками пива. Протянув одну из них Габи, красотка отрекомендовалась сестрой Тревиса и поднялась вместе с гостьей на веранду, пока тот заканчивал последние приготовления.

— Нет, не прямо сейчас, конечно, — уточнила Стефани. — Но после пары бутылочек все обычно начинают сверкать задом.

— Вы купаетесь голышом?

— Ну, ты ведь знала, что Тревис нудист? — Стефани кивком указала в сторону водяной горки: — Потом мы обычно катаемся вон с той штуки.

Чувствуя головокружение, Габи слабо кивнула. Все встало на свои места: вот почему Тревис обычно ходит полуголым и в разговоре с ней явно не стесняется своего обнаженного торса. Вот почему он так усердно занимается спортом...

Ее мысли прервал хохот Стефани.

— Я пошутила! — крикнула та. — Ты правда поверила, что я собиралась купаться голой в присутствии брата? Господи, какая гадость.

Габи почувствовала, как багровеет не только лицо, но и шея.

— Я поняла, что ты шутишь.

Стефани пристально взглянула на нее:

— Да ты поверила, что я всерьез! Ну и ну! Однако прости. Брат предупреждал, чтобы я на тебя не наседала. Он почему-то считает, что к моему чувству юмора нужно сначала привыкнуть.

«Интересно, с чего бы это?»

— Правда? — спросила Габи.

— Да, но если хочешь знать, мы с ним два сапога пара. Как ты думаешь, откуда я всему научилась? — Стефани откинулась на спинку кресла и поправила солнечные очки. — Тревис сказал, ты фельдшер?

— Да. Работаю в детской клинике.

— И как?

— Мне нравится, — ответила Габи, сочтя за лучшее не вдаваться в подробности. — А ты чем занимаешься?

— Учусь, — сообщила Стефани, отхлебнув пива. — И подумываю о

том, чтобы сделать это своей профессией.

Габи впервые засмеялась и начала расслабляться.

— Не знаешь, кто еще придет?

— Да те же, кто и всегда. У Тревиса здесь трое друзей, которых он знает с детства, и они, разумеется, привезут детей и жен. Тревис в последнее время не так уж часто вытаскивает свой парасейл. Обычно он катается на водных лыжах или на доске, с ними возни меньше. Залез в катер, опустил подъемник — и вперед. Кататься на лыжах или на доске можно где угодно. Но парасейл — это супер. Как ты думаешь, почему я здесь? Мне следовало бы сидеть за учебниками. Честно говоря, я забросила лабораторную работу, которую должна была сделать на выходных. Ты когда-нибудь каталась на парасейле?

— Нет.

— Тебе понравится. Тревис знает, что делает. Он именно этим и зарабатывал себе на карманные расходы, пока учился в колледже. По крайней мере он так утверждает. Честно говоря, я абсолютно уверена, что он потратил все заработанное на катер — эта штука специально для парасейлинга и жутко дорогая. И хотя Джо, Мэтт и Лэрд — его друзья — в студенческие годы настаивали на том, чтобы брать деньги за катание туристов, готова поклясться, Тревис не получил ни цента дохода.

— То есть бизнесмен из него никакой?

Стефани засмеялась:

— Да уж, таков мой братец. Настоящий Рокфеллер. Он не думает о деньгах. То есть, конечно, он неплохо зарабатывает и сам платит по счетам, но все остальное идет на покупку нового снаряжения и на путешествия. Он объездил весь свет. Европу, Центральную и Южную Америку, Австралию, Африку, Бали, Китай, Непал...

— Правда?

— А ты удивлена?

— Да.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, потому что...

— Потому что на первый взгляд Тревис кажется бездельником? Как и вся его компания?

— Нет!

— Уверена?

— Ну... — Габи не договорила, и Стефани снова рассмеялась.

— Он действительно любит повалять дурака. Тревис обожает жизнь. Но в душе он остается мальчиком из маленького городка, как и его друзья.

Иначе он не стал бы здесь жить. Согласна?

— Ты права, — кивнула Габи.

Она сомневалась, что Стефани ждала ответа.

— Так или иначе, тебе понравится. Ты ведь не боишься высоты?

— Нет. То есть я не в восторге от нее, но думаю, что справлюсь.

— Ничего страшного. Главное, помни, что у тебя есть парашют.

— Постараюсь не забыть.

Хлопнула дверца машины, и Стефани привстала.

— А вот и семейка Брэди, — заявила она. — Или Флинстоунов, если угодно. Крепись. Спокойное утро закончилось.

Габи обернулась и заметила, что к дому приближается целая толпа. Впереди взрослых, болтая и крича, бежали дети — малыши еще не совсем уверенно держались на ногах, отчего казалось, что они вот-вот упадут.

Стефани придвинулась ближе:

— Их не так уж трудно различить. Меган и Джо — светловолосые. Лэрд и Элисон — самые высокие. А Мэтт и Лиз — ну... не очень худые.

Габи улыбнулась:

— Не очень худые?

— Неохота называть их толстыми. Я попыталась упростить для тебя ситуацию. Наверное, очень неприятно познакомиться с целой компанией и через минуту позабыть все имена.

— Наверное?

— Я не забываю имен. Странно, но это так.

— А почему ты считаешь, что я забуду?

Стефани пожала плечами:

— Ты — не я.

Габи снова рассмеялась, поняв, что Стефани ей нравится.

— А как насчет детей?

— Тина, Джози и Бен. Бена ты ни с кем не спутаешь. А у Джози косички.

— А если в следующий раз их не будет?

Стефани ухмыльнулась:

— Думаешь, ты будешь ходить в гости регулярно? А что скажет твой парень?

Габи покачала головой:

— Нет, я имела в виду, что...

— Да шучу я! Боже, какая ты обидчивая.

— Сомневаюсь, что смогу запомнить детей.

— Ну ладно, тогда я научу тебя одному фокусу. Чтобы запомнить Тину,

думай о Тине Луис из «Острова Гиллигана». Она тоже рыжая.

Габи кивнула.

— Джози будет у тебя ассоциироваться с комиксом «Джози и ее киски». А Бен... он довольно крупный для своего возраста, так что вспоминай Биг-Бен.

— Хорошо...

— Я серьезно. Это помогает. Итак, Джо и Меган — блондины, вдобавок Джо — распространенное имя, поэтому представь себе типичного светловолосого американца, который сражается с мегалодоном. Это такая гигантская доисторическая акула. Просто вообрази себе картину.

Габи снова кивнула.

— Что касается Лэрда и Элисон, представь себе английского лорда с лисой... И наконец, Мэтт и Лиз... — Стефани помолчала. — О, придумала. Вообрази Элизабет Тэйлор, которая лежит на матрасе и ест свиные шварки. Видишь?

Стефани пришлось неоднократно повторить эти описания, но потом она принялась проверять Габи, и, что удивительно, имена не улетучились из ее памяти. Стефани была не в силах скрыть удивление.

— Здорово, да?

— Потрясающе, — признала Габи.

— Я изучаю такие штуки в университете.

— И пробуешь их на новых знакомых?

— Не обязательно. Точнее, не всегда осознанно. Для меня это стало естественным. Но ты по-настоящему впечатлишь гостей.

— Думаешь, это обязательно?

— Нет. Но во всяком случае, забавно. — Стефани пожала плечами. — Вспомни, как я только что поразила тебя. Можно задать еще один вопрос?

— Конечно.

— Как меня зовут?

— Я помню.

— Как?

— Тебя зовут... — Габи замялась.

— Стефани. Просто Стефани.

— И никаких трюков?

— Нет. Мое имя тебе придется запомнить. — Стефани встала. — Пойдем. Теперь ты в курсе, как их зовут, и я вас познакомлю. Сделай вид, что ты ничего о них не знаешь.

Габи представили гостям. Женщины наблюдали за тем, как дети гоняются друг за другом. Джо, Лэрд и Мэтт, нагруженные полотенцами и переносными холодильниками, зашагали на причал, чтобы поздороваться с Тревисом.

Стефани обняла всех по очереди, и разговор зашел о ее учебных успехах. Что удивительно, трюк с запоминанием сработал. Габи решила использовать его при общении с пациентами, а потом вспомнила, что может просто прочесть их имена в истории болезни.

Может быть, с коллегами Кевина...

— Эй, вы готовы? — крикнул Тревис. — Мы уже собрались.

Габи держалась в хвосте, поправляя надетую поверх бикини футболку. Она решила, что посмотрит на других женщин и тогда разденется — а может быть, останется как есть.

Мужчины уже сидели в катере, когда женщины поднялись на причал. Детей в спасательных жилетах по одному передали Джо; Лэрд протянул руки, чтобы помочь дамам спуститься. Габи ступила на борт, стараясь не потерять равновесие. Размеры лодки ее поразили. Она была примерно на пять футов длиннее той, на которой обычно катался Тревис, с сиденьями вдоль бортов (на них и устроились дети и взрослые). Стефани и Элисон (лисица) заняли места впереди. Как это называется... на носу? Или на корме? Габи задумалась, потом покачала головой. Какая разница? В задней части катера находилась огромная платформа с лебедкой. Тревис стоял у штурвала. Джо (типичный американец) отвязывал канат, который удерживал катер на месте, а Лэрд (лорд) сматывал его. Потом Джо занял место возле Тревиса, а Лэрд подошел к Джози («Джози и ее киски»).

Габи снова покачала головой. Потрясающе.

— Садись здесь. — Стефани указала рядом с собой.

Габи села и краешком глаза увидела, что Тревис вытащил из ящика бейсболку. Этот головной убор, который, по ее мнению, глупо смотрится на голове у взрослых, отчего-то шел беспечному Тревису.

— Все готовы? — крикнул капитан.

Ответа он не дожидался, и катер рванулся вперед, преодолевая небольшую зыбь. Они достигли устья реки и свернули на юг, в воды Бэк-Саунд. Впереди маячили травянистые дюны Шеклфорд-Бэнкс.

Габи склонилась к уху Стефани:

— Куда мы едем?

— Скорее всего на Смотровой мыс. Если там много народу, то, возможно, пойдем в залив, а потом к Онслоу-Бэй. Затем устроим пикник — или на катере, в виду Шеклфорд-Бэнкс, или на Смотровом мысе. Зависит от того, где мы в итоге окажемся и какое у всех будет настроение. Ну и от детей, конечно... — Она обернулась к брату: — Эй, Тревис! Можно мне за руль?

Он поднял голову:

— Когда?

— Сейчас. Чуть-чуть.

— Потом.

— А по-моему, ты должен уступить мне место.

— Почему?

Стефани покачала головой, будто удивляясь мужской глупости. Она встала и без тени смущения скинула футболку.

— Я сейчас вернусь. Хочу поговорить со своим идиотом братцем.

Стефани зашагала на корму, и Элисон кивнула ей вслед:

— Не бойся. Они с Тревисом всегда общаются в таком духе.

— Видимо, они очень близки.

— Лучшие друзья, хоть оба и отрицают это. Тревис непременно скажет, что его лучший друг — это Лэрд. Или Джо, или Мэтт. Кто угодно, кроме Стефани. Но мы-то знаем.

— Лэрд — твой муж, правильно? Вон тот, который держит Джози?

Элисон не стала скрывать удивление:

— Ты запомнила, кто есть кто? Всего за секунду?

— У меня хорошая память на имена.

— Вижу. Ты уже всех здесь знаешь?

— Да. — Габи назвала остальных пассажиров, ощущая несомненное удовлетворение.

— Ого. Ты прямо как Стефани. Неудивительно, что вы нашли общий язык.

— Стефани классная.

— Да, если узнать ее как следует. Но к ней нужно немного привыкнуть. — Элисон наблюдала за тем, как сестра отчитывает брата, жестикулируя одной рукой, а другой держась за борт, чтобы не потерять равновесие.

— А как вы с Тревисом познакомились? Стефани сказала, ты живешь где-то по соседству.

— В соседнем доме.

— И?..

— И... ну, это долгая история. Если коротко — у моей собаки Молли были проблемы, когда она щенилась, а Тревис пришел и вылечил ее. А потом пригласил меня в гости.

— Он обожает животных. И детей тоже.

— Ты давно его знаешь?

— Да. Мы с Лэрдом встретились в колледже, и он познакомил меня с Тревисом. Они с детства дружат. Тревис был шафером у нас на свадьбе. К слову сказать... вот и он сам.

— Похоже, сегодня повеселимся на славу, — сказал Тревис. Стефани стояла у штурвала и делала вид, что смотрит в другую сторону. — Надеюсь, сильного ветра не будет.

Элисон огляделась:

— С чего бы вдруг ему быть?

— А что такое? — вмешалась Габи. — Что случится, если поднимется ветер?

— Ничего хорошего, если речь идет о катании на парасейле. — Тревис пожал плечами. — Парашют может провиснуть, стропы перепутаются. Парашютисту это нужно меньше всего на свете.

Габи мгновенно представила себе, как, утратив контроль над парашютом, камнем летит в воду.

— Не волнуйся, — уверил ее Тревис. — Если я замечу хоть тень опасности, никто не поднимется в воздух.

— Надеюсь, — сказала Элисон. — Но если можно, пусть Лэрд будет первым.

— Почему?

— На этой неделе он должен был покрасить комнату Джози. Сто раз мне обещал. Угадайте, взялся ли он за кисть? Нет, конечно. Вот и пусть получит по заслугам.

— Лэрду придется встать в очередь. Меган уже попросила пустить первым Джо. Она жалуется, что после работы он проводит с семьей слишком мало времени.

Прислушиваясь к дружеской болтовне, Габи почувствовала себя лишней. Она пожалела, что Стефани нет рядом, и вдруг поняла, что, кажется, у нее впервые за все время жизни в Бофоре появилась подруга.

— Держитесь! — крикнула Стефани, крутя штурвал. Тревис инстинктивно схватился за борт — катер взмыл на волну, нос поднялся и опустился с глухим ударом. Элисон немедленно переключилась на детей и бросилась к Джози, которая упала и заплакала. Лэрд одной рукой поднял девочку на ноги.

— Ты должен был ее держать! — с упреком заметила Элисон, забирая дочь. — Иди сюда, детка, к мамочке...

— Я держал! — возразил Лэрд. — Если бы наш капитан Сорвиголова смотрел, куда идет...

— Только не надо обвинять меня, — возразила Стефани. — Я приказала держаться, никто не слушал. Не могу же я отвечать за все волны на нашем пути.

— Ты могла бы немного сбавить скорость!

Тревис покачал головой и сел рядом с Габи.

— Что, у вас всегда так? — спросила она.

— В общем, да. По крайней мере когда дети с нами. Не сомневайся, каждый малыш сегодня обязательно поплачет. Зато скучно не будет. — Он откинулся назад, широко расставив ноги. — Как тебе моя сестра?

Против света его черты было трудно различить.

— Мне нравится Стефани. Она... необычная.

— Кажется, ты ей тоже понравилась. Уж поверь, в противном случае она бы меня оповестила. Стефани хоть и умна, но не всегда может промолчать. По-моему, мои родители втайне ее удочерили.

— Вряд ли. Если отпустишь волосы чуть длиннее, вы с ней легко сойдете за сестер.

Тревис рассмеялся:

— Ты заговорила как Стефани!

— Видимо, она на меня влияет.

— Ты уже успела поболтать с кем-нибудь еще?

— Немножко поговорила с Элисон.

— Это самая славная компания на свете, — уверил Тревис. — Скорее семья, чем друзья.

Он снял бейсболку, и Габи вдруг сообразила, в чем дело.

— Тебя прислала ко мне Стефани, да?

— Да, — признал Тревис. — Она напомнила, что ты моя гостья и что я должен удостовериться, все ли в порядке.

— У меня все хорошо, — подтвердила Габи. — Если хочешь снова встать за штурвал, не стесняйся, ступай. Я наслаждаюсь видами и вполне счастлива.

— Ты когда-нибудь была на Смотровом мысе?

— Нет.

— Это национальный парк. Там есть бухта — идеально подходит для маленьких детей, потому что в ней нет волн. А со стороны Атлантики — пляж с нетронутым белым песком. Такого не найдешь нигде в мире.

Тревис договорил и взглянул в сторону Бофора. Город можно было отчетливо рассмотреть: сразу за причалом, где качались мачты парусников, похожие на уставленные в небо пальцы, виднелись рестораны на набережной. По заливу носились катера и скутеры, оставляя за собой белые завитки пены. Габи почувствовала, что Тревис осторожно прислонился к ней, пока катер рассекал воду.

— Красивый город, — наконец сказала она.

— Я его всегда любил, — согласился Тревис. — В детстве мне хотелось переехать в мегаполис, но, в конце концов, Бофор — мой дом.

Они свернули в залив. Бофор за их спинами удалялся; впереди воды Онслоу-Бэй вливались в Атлантический океан. Над ними плыло одинокое облачко, круглое и пушистое, будто вылепленное из снега. Синее небо расстилалось над водой, испещренной золотыми бликами. Лодок почти не было, спокойствие лишь время от времени нарушал попутный катер, летящий в сторону Шеклфорд-Бэнкс: Три парочки на носу были также очарованы видами, как и Габи. Даже дети успокоились. Они тихонько, расслабившись, сидели на коленях у старших. Ветер трепал волосы Габи. Тепло летнего солнца успокаивало.

— Тревис, может, остановимся здесь? — позвала Стефани.

Он огляделся.

— Давай чуть дальше. Нам нужно побольше места. На борту новичок.

Стефани кивнула, и лодка снова набрала скорость. Габи склонилась к Тревису и спросила:

— Кстати, как вообще катаются на парасейле?

— Все просто, — ответил Тревис. — Сначала я расправлю парашют и прикреплю ремни вон к той рейке. Потом вы с напарником наденете снаряжение, я пристегну ремни к длинной планке, и вы усядетесь на платформу. Я запущу лебедку, вы подниметесь. На то, чтобы достигнуть нужной высоты, уйдет пара минут, а потом... вы просто будете парить. Откроется потрясающий вид на Бофор и на маяк, а еще, поскольку погода ясная, вы увидите дельфинов, скатов, акул, даже черепах. Я несколько раз видел китов! Мы замедлим ход, чтобы ваши ноги коснулись воды, а потом снова ускоримся. Будет весело.

— Тут правда есть акулы?

— Конечно. Это же океан.

— И... они кусаются?

— Бывает. Акулы — довольно неприятные твари.

— Тогда, пожалуй, я лучше не буду окунать ноги в воду. Спасибо.

— Нечего бояться. Они не тронут.

— Легко тебе говорить.

— Я много лет занимаюсь парасейлингом и никогда не слышал, чтобы акула укусила парашютиста. Ты касаешься воды самое большее на две-три секунды. И потом, акулы обычно охотятся в сумерки.

— Не знаю...

— Хочешь, я полечу с тобой? Тогда ты рискнешь? Честное слово, не стоит упускать такой шанс.

Габи помедлила, потом быстро кивнула.

— Я подумаю, — сказала она. — Но не обещаю...

— Достаточно честно.

— Видимо, ты не сомневаешься, что я соглашусь?

Тревис подмигнул и улыбнулся:

— Разумеется.

Втайне Габи готова была подпрыгнуть от радости. Вместо этого она полезла в сумку, достала лосьон, выдавила немного на ладонь и начала мазать лицо, стараясь казаться невозмутимой.

— Стефани сказала, ты объехал весь мир.

— Попутешествовал немного.

— Она говорит, ты побывал буквально всюду.

Тревис покачал головой:

— Хотелось бы мне. Поверь, на свете есть уйма мест, где я не был.

— А какое место твое любимое?

Он ненадолго задумался, взгляд сделался грустным.

— Не знаю.

— Ну... куда бы ты посоветовал поехать мне?

— Дело не в этом, — ответил Тревис.

— Почему?

— Путешествовать — это не столько видеть, сколько переживать. — Он смотрел на воду и собирался с мыслями. — Сейчас объясню... Когда я закончил колледж, еще не знал, что буду делать дальше. И я решил потратить год на то, чтобы посмотреть мир. У меня были кое-какие сбережения — впрочем, не так уж много, — но я собрал рюкзак, взял велосипед и полетел в Европу. Первые три месяца я просто... делал все, что хотел, и обычно это было вовсе не то, чем занимаются все туристы. У меня не было заранее намеченного маршрута. Нет, конечно, я многое повидал. Но когда я думаю об этих месяцах, то в первую очередь вспоминаю людей, с которыми познакомился в пути. Мы здорово проводили время. Например, в Италии я видел римский Колизей и каналы в Венеции, но больше всего мне запомнился выходной с итальянскими

студентами, проведенный в Бари — это городок в южной части страны, о котором ты наверняка никогда не слышала. Они привели меня в маленькое кафе, где играли местные музыканты. И хотя большинство из них не знали ни слова по-английски, а мои познания в итальянском сводились к названиям блюд в меню, мы весь вечер болтали и хохотали. Потом они отвезли меня в Матеру и Лечче, и понемногу мы стали добрыми друзьями. То же самое было во Франции, в Норвегии, в Германии. Я жил в хостелах, если по-другому не получалось, но в большинстве случаев просто приезжал в город и сразу же встречал человека, который предлагал у него погостить. Я устраивался в самые неожиданные места, чтобы подзаработать, и уезжал, как только понимал, что готов к переменам. Поначалу я думал: это из-за того, что Европа и Америка очень похожи. Но то же самое продолжалось, когда я отправился в Сирию, Эфиопию, Южную Африку, Японию, Китай... Иногда казалось, что мне помогала сама судьба. Как будто люди, с которыми я встречался, просто ждали меня. Но...

Тревис помолчал и пристально посмотрел на Габи.

— Теперь я другой. Точно так же, как в конце своего путешествия я стал иным, нежели в начале. А завтра я буду иным, нежели сегодня. Это значит, что я никогда не смогу повторить ни одно путешествие. Даже если приеду в те же самые места и повстречаю тех же людей, все будет иначе. Мой опыт будет другим. По-моему, в этом и есть суть путешествий. Встречаться с людьми. Не только воспринимать чужую культуру, но и наслаждаться ею, как местные жители. Следовать зову души. Поэтому как я могу порекомендовать какой-нибудь маршрут, если сам не знаю, чего ожидать? Вот что: напиши названия разных мест на карточках, перетасуй их и вытащи любые пять. А потом... езжай, и будь что будет. Если настрой правильный, то не важно, где ты в итоге окажешься и сколько у тебя с собой денег. Это путешествие ты запомнишь на всю жизнь.

Габи молча размышляла над услышанным.

— Ничего себе... — наконец выдохнула она.

— Что?

— Это так... романтично.

Наступила тишина; катер начал замедлять ход, и Тревис выпрямился. Когда сестра взглянула на него, он кивнул и встал. Та заглушила мотор, позволяя катеру остановиться.

— Сейчас начнем, — сказал Тревис и отправился к шкафчику со снаряжением. Вытащив парашют, спросил Габи: — Готова к новым ощущениям?

Она сглотнула.

— Жду не дожусь.

Когда парашют расправили и пристегнули ремни, первыми в воздух поднялись Джо и Меган, затем Элисон и Лэрд и, наконец, Мэтт и Лиз. Одна за другой парочки садились на платформу и взмывали в воздух; канат разматывался, пока они не оказывались в ста футах над водой. Люди, парящие в небесах, казались Габи очень маленькими. Тревис, который занял место за штурвалом, вел катер с равномерной скоростью, описывая широкие круги, а затем постепенно замедлял ход, позволяя парашютистам спуститься к самой поверхности океана. Как только их ноги касались воды, он нажимал на газ, и парашют взмывал вверх, словно воздушный змей, который тянет за бечевку мальчишка.

Возвращаясь на платформу, гости оживленно делились впечатлениями. Габи тем не менее нервничала все сильнее по мере того, как приближалась ее очередь. Стефани в бикини загорала на носу, с пивом в руках. Она ободряющим жестом подняла бутылку:

— Покажись во всей красе, парень.

Тревис снял бейсболку.

— Иди сюда, — обратился он к Габи. — Я помогу пристегнуться.

Сойдя с платформы, Лиз протянула ей спасательный жилет.

— Это классно, — сказала она. — Тебе понравится.

Тревис подвел Габи к платформе. Забравшись наверх, он протянул ей руку и помог вскарабкаться. Рука была теплая. Все ремни лежали кучей; Тревис указал на две петли:

— Ступи в них и подтяни. Я закреплю.

Габи старалась держать равновесие и не качаться от рывков.

— Готово?

— Почти. Когда сядешь, следи, чтобы вот тот широкий ремень был у тебя под бедрами. Не нужно, чтобы он сместился на... пятую точку, потому что тогда он перестанет должным образом поддерживать твой вес. И лучше снять футболку, иначе она промокнет.

Габи стянула футболку, стараясь не нервничать.

Если Тревис и заметил ее смущение, то не подал виду. Он прикрепил ремни к перекладине, затем занялся своим снаряжением и наконец велел ей сесть.

— Ремень под бедрами, понятно? — напомнил он. Габи кивнула, и Тревис улыбнулся. — А теперь расслабься и получай удовольствие.

В следующее мгновение Джо включил мотор, парашют раскрылся, и они взмыли над палубой. Габи видела, что все наблюдают за тем, как они по диагонали поднимаются в небо. Она так крепко схватилась за стропы, что костяшки пальцев побелели. Катер становился все меньше. Габи как загипнотизированная уставилась на буксирный трос. Ей показалось, что ее подняли выше, чем остальных. Габи уже собиралась протестовать, когда Тревис тронул ее за плечо:

— Посмотри вон туда. Скат! Видишь?

Она увидела ската, черного и блестящего, который двигался под поверхностью воды, словно огромная бабочка.

— А вон стайка дельфинов. Вон там! Возле берега!

Габи отвлеклась и перестала волноваться. Она начала разглядывать все то, что оказалось внизу, — город, людей на пляже, катера, воду. Расслабившись, Габи поймала себя на мысли, что могла бы провести в воздухе целый час и не почувствовать усталости. Было очень странно плыть на такой высоте без всяких усилий, повинаясь воздушным потокам. Как птица. Невзирая на жару, ее обдувал ветерок. Габи заболтала ногами и почувствовала, что раскачивается.

— Готова окунуться? — спросил Тревис. — Клянусь, это весело.

— Давай, — согласилась Габи. Ее голос звучал до странности уверенно.

Тревис обменялся с Джо несколькими сигналами, и жужжание мотора вдруг стихло. Парашют начал снижаться. Глядя на стремительно приближающуюся воду, Габи попыталась рассмотреть, не таится ли там какая-нибудь тварь.

Парашют опускался все ниже и ниже, и, хотя Габи подняла ноги, холодная вода забрызгала ее до пояса. Когда она уже решила, что, видимо, придется шагать по волнам, катер набрал скорость, и они снова поднялись. Габи ощутила прилив адреналина и даже не стала скрывать широкую улыбку.

Тревис легонько подтолкнул ее:

— Видишь? Все не так плохо.

— А можно еще разок? — попросила Габи.

Тревис и Габи катались еще четверть часа и несколько раз окунались; потом они вернулись на катер, и каждая пара прокатилась вторично. К тому времени солнце поднялось высоко, дети устали и закапризничали. Тревис направил катер в бухту Смотрового мыса. Он остановился на отмели, Джо бросил якорь за борт, потом снял рубашку и прыгнул вслед за ним. Глубина была по пояс; Мэтт отработанным движением протянул ему переносной

холодильник, тоже снял рубашку и прыгнул в воду. Джо, в свою очередь, передал ему другой холодильник и последовал за приятелями, а Тревис занял его место. Ему досталось нести небольшой гриль и мешок с углем. Женщины спустились в воду одновременно и взяли на руки детей. Через минуту на катере остались только Стефани и Габи. Габи стояла на корме и размышляла, не предложить ли свою помощь, а Стефани, абсолютно равнодушная к всеобщей суете, по-прежнему лежала во весь рост на носу и загорала.

— Я на каникулах и не испытываю особой нужды предлагать свои услуги, — пояснила она, не трогаясь с места. — И потом, у них так все хорошо получается, что я совершенно не чувствую себя лодырем.

— Ты не лодырь.

— Разумеется, лодырь. Время от времени человеку нужно побездельничать. Как сказал Конфуций, «тот, кто ничего не делает, ничего и не должен делать» ^[4].

Габи задумалась, потом сдвинула брови:

— Конфуций действительно так сказал?

Стефани чуть заметно пожала плечами:

— Нет, но какая разница? Суть в том, что они сами управились. И наверняка испытывают глубокое удовлетворение от собственного трудолюбия. Кто я такая, чтобы лишать их веселья?

Габи скрестила руки на груди.

— А может быть, тебе просто хочется побездельничать.

Стефани ухмыльнулась:

— Как сказал Иисус, «блаженны ленивые и лежащие на солнце, ибо будет им загар».

— Иисус ничего подобного не говорил.

— Да, — согласилась Стефани и села. Она сняла солнечные очки, взглянула на стекла и протерла их полотенцем. — Но опять-таки какая разница?

И, прищурившись, посмотрела на Габи.

— Тебе действительно хочется тащить отсюда на пляж холодильник или тент? Поверь, это не такое уж большое удовольствие.

Стефани поправила купальник и встала.

— Ну что ж, на горизонте чисто, пора и нам.

Она повесила пляжную сумку через плечо.

— Иногда и впрямь лучше всего побездельничать. Главное — не ошибиться ситуацией. Это настоящее искусство, которое приносит окружающим одну лишь пользу.

Габи помолчала.

— Не знаю почему, но мне нравится образ твоих мыслей.

Стефани рассмеялась:

— Еще бы. Лень — свойство человеческой природы. Приятно сознавать, что я не единственная, кто постиг эту истину.

Габи запротестовала, но Стефани тут же прыгнула за борт, подняв тучу брызг.

— Ну же, — сказала она, не позволив Габи возразить. — Я просто пошутила. И кстати, не зацкливайся на том, что ты сделала и чего не сделала. Я уже сказала, мои друзья не придают большого значения подобным мелочам. Одни чувствуют себя сильными мужчинами, другие заботливыми матерями, именно так все и должно быть. А мы, незамужние, должны по мере сил получать удовольствие.

Разбивка лагеря — как и выгрузка — была своего рода ритуалом: каждый, судя по всему, знал, что делать. Тент был установлен, покрывала расстелены, уголь зажжен. Стефани — она себя отлично чувствовала в роли бездельницы — взяла пиво и полотенце, выбрала местечко поудобнее и снова принялась загорать. Габи, не зная, чем заняться, последовала ее примеру. Эффект она ощутила почти немедленно и лежала, стараясь не обращать внимания на то, что все, кроме них, заняты делом.

— Тебе нужен лосьон, — заметила Стефани. Не поднимая головы, указала в сторону сумки: — Возьми вон там. Он на цинковой основе. У тебя бледная кожа, сгоришь через полчаса, если не намажешься.

Габи потянулась за сумкой, намазалась лосьоном. Солнце действительно наказало бы ее нешуточно, если бы она не последовала совету. В отличие от матери и сестер Габи унаследовала тип кожи от отца-ирландца. Это было проклятие всей ее жизни.

Намазавшись, она легла на полотенце, все еще испытывая угрызения совести от того, что не помогает ставить тент или готовить ленч.

— Как у тебя дела с Тревисом?

— Отлично, — сказала Габи.

— Позволь тебе напомнить, что он мой брат.

Габи вопросительно взглянула на Стефани.

— Эй, я всего лишь хочу сказать, что хорошо его знаю.

— И что?

— По-моему, ты ему нравишься.

— А по-моему, ты считаешь нас детьми.

— Хочешь сказать, ты равнодушна к Тревису?

— Да.

— Потому что у тебя есть парень?

— В том числе.

Стефани засмеялась:

— Неплохо. Если бы я тебя не знала, то, возможно, даже поверила бы.

— Ты меня не знаешь!

— Знаю. Хочешь — верь, хочешь — нет, но я прекрасно понимаю, что ты за человек.

— Неужели? Тебе известно, откуда я родом?

— Нет.

— Можешь рассказать о моей семье?

— Нет.

— Следовательно, ты меня не знаешь.

Стефани повернулась к ней лицом.

— А вот и знаю. — Она не скрывала вызова. — Ты приличная девушка и всегда ею была, но в глубине души считаешь, что жизнь — это не только следование правилам. Иногда ты мечтаешь о неведомом. И Тревис — часть этого неведомого. Не лги себе. Ты избирательна, когда речь идет о сексе, но стоит тебе к кому-нибудь привязаться — и правила, которым ты обычно следуешь, идут ко всем чертям. Ты уверена, что выйдешь замуж за своего парня, но то и дело удивляешься, отчего на твоём пальце до сих пор нет обручального кольца. Ты любишь свою семью, но хочешь сама решать, кем быть, поэтому и поселилась здесь. Однако ты до сих пор беспокоишься, что семья не одобрит твой выбор. Я права?

Во время этой речи Габи бледнела. Стефани поняла, что попала в точку, и приподнялась, опираясь на локоть.

— Мне продолжить?

— Нет, — сказала Габи.

— Я права?

Габи выдохнула:

— Не во всем.

— Серьезно?

— Да.

— В чем я ошиблась?

Вместо ответа Габи покачала головой и вновь легла на полотенце.

— Не хочу об этом говорить.

Она ожидала, что Стефани примется настаивать, но та просто пожала плечами и перекатилась на спину, как будто никакого разговора и не было.

Габи слышала возгласы детей, играющих в воде, и далекие голоса старших. Голова у нее кружилась от слов Стефани. Новая подруга как будто

знала ее всю жизнь и имела доступ к самым сокровенным тайнам.

— Кстати, не пугайся, но, наверное, следовало предупредить тебя — я экстрасенс, — заметила Стефани. — Полагаю, дар перешел ко мне от бабушки. Она умела предсказывать погоду.

Габи села, ощутив странное облегчение, пусть даже сама идея была нелепой.

— Да?

Стефани снова рассмеялась:

— Нет, конечно! Моя бабушка много лет подряд смотрела телевикторину и ни разу не сумела ответить на вопрос. Но давай будем откровенны. Я ведь права, не так ли?

Мысли Габи снова понеслись, так что у нее опять закружилась голова.

— Но как?..

— Легко, — ответила Стефани. — Достаточно просто примерить твой «потрясающий личный опыт» к любой другой женщине. Ну, за исключением того, что касается Тревиса. Насчет этого я просто догадалась. Но вышло неплохо, да? Кстати, я этим занимаюсь в университете. Посетила много семинаров и каждый раз удивлялась, насколько все люди похожи друг на друга, если копнуть поглубже. Особенно в подростковом возрасте и в молодости. По большей части они переживают сходные ощущения и думают примерно одинаково, но почему-то каждый уверен, что его жизненный опыт уникален.

Габи поудобнее устроилась на полотенце, решив, что лучше какое-то время просто не обращать на Стефани внимания. Эта девушка ей нравилась, но чересчур часто вызывала у нее головокружение.

— На тот случай, если тебе интересно — Тревис ни с кем не встречается, — добавила Стефани. — Он не только одинок, но и вполне подходящая партия.

— Мне все равно.

— Потому что у тебя есть парень?

— Да. Но даже если бы не было, Тревис меня не заинтересовал бы.

Стефани засмеялась:

— Ну да, конечно. И как это я могла так ошибиться? Наверное, меня сбilo с толку то, что ты не сводишь с него глаз.

— Я вовсе на него не смотрю.

— Ну, не обижайся. В конце концов, он тоже только на тебя и смотрит.

До Габи доносился запах раскаленного угля, хот-догов, гамбургеров и цыплят на гриле. Несмотря на прохладный ветер и лосьон, она чувствовала, что начинает поджариваться. Настоящая ирония судьбы — ее шотландско-ирландские предки отвергли северные края, где почти всегда облачно, и перебрались туда, где продолжительное пребывание на солнце гарантирует практически любому человеку рак кожи. Ну или по крайней мере появление морщин — именно поэтому ее мать надевала шляпу, даже если предстояло дойти всего лишь от дома до машины. Габи старалась не думать о том, что подвергает себя опасности, поскольку, по правде говоря, ей нравилось загорать. Красивый загар — то, что надо. И потом, всего через пару минут она снова оденется и перейдет в тень.

Стефани после своей последней реплики замолчала. Будь рядом другой человек, девушка сочла бы паузу признаком неловкости или застенчивости, но в случае со Стефани это было своего рода доверие, которого Габи так недоставало. Стефани была настолько уверена в себе, что в присутствии подруги Габи тоже чувствовала себя смелее, чего в последнее время ей нередко не хватало. В течение долгого времени дома и на работе Габи была не в своей тарелке, а главное, понятия не имела, чем все закончится у них с Кевином.

Что касается Тревиса, он определенно выбил у нее почву из-под ног. Особенно когда появлялся без рубашки. Украдкой взглянув на него, Габи заметила, что Тревис, сидя на песке у кромки воды, строит замок вместе с детьми. Когда их интерес начал ослабевать, он поднялся и принялся играть с ними в догонялки на отмени. В воздухе звенели радостные возгласы. Тревис, судя по всему, развлекался не меньше малышей, и Габи с трудом сдержала улыбку. Вдруг он заметит и поймет ее неправильно?

Аромат еды наконец заставил Габи подняться. Казалось, они на экзотическом острове, а не в нескольких минутах езды от Бофора. Волны мерно накатывали на берег, несколько пустых пляжных домиков выглядели так, как будто упали с неба. Тропинка между дюн вела к черно-белому маяку, потрепанному тысячей бурь.

В бухте больше никого не было, отчего она казалась еще прекраснее. Краем глаза Габи видела Лэрда, который стоял над грилем с лопаткой для мяса. Меган выкладывала на маленький складной столик чипсы, булочки и прочую снедь, а Лиз — одноразовые тарелки и столовые приборы. Джо и

Мэтт гоняли футбольный мяч. Габи не помнила, чтобы в пору ее детства несколько семейств собирались вместе и наслаждались обществом друг друга просто потому, что... суббота. Интересно, живут ли так большинство людей? Или только обитатели маленьких городов? Или это всего лишь давняя привычка? Как бы то ни было, Габи поняла, что вполне может приспособиться.

— Еда готова! — крикнул Лэрд.

Габи натянула футболку и пошла к столу, удивляясь тому, какая она голодная, а потом вспомнила, что даже не успела позавтракать. Обернувшись через плечо, она заметила, что Тревис старается собрать ребятшек и бегают вокруг них, как пастушья собака. Все трое рванулись к грилю, но там на страже стояла Меган.

— Садитесь в ряд на покрывало, — велела она, и малыши — видимо, в силу привычки — тут же подчинились.

— Меган обладает поистине волшебной властью над детьми, — заметил Тревис. Он тяжело дышал. — Хотел бы я, чтобы они слушались меня так же. Мне приходится гоняться за ними, пока я окончательно не сойду с ног.

— А по-моему, тебе это нравится.

— Я люблю с ними играть, а не воспитывать. — Тревис заговорщицки склонился к Габи: — Между нами, вот что я понял: чем больше ты играешь с детьми, тем сильнее тебя любят родители. Когда они видят человека, который обожает их малышей и искренне ими восторгается, то он сразу становится самым желанным гостем.

Габи не сумела скрыть улыбку.

— Наверное, ты прав — насчет игр с детьми. Моей любимой родственницей была тетя, которая лазила вместе со мной по деревьям, тогда как другие взрослые сидели в гостиной и разговаривали.

— Но тем не менее, — продолжал он, указывая на Стефани, — ты валялась на полотенце с моей сестрой, вместо того чтобы продемонстрировать остальным свою любовь к детям.

— Я...

— Шутка. — Тревис подмигнул. — Честно говоря, я сам хотел провести с малышами немного времени. Скоро они начнут капризничать. И тогда я наконец устроюсь в шезлонге, вытру пот со лба и предоставлю родителям заниматься своими прямыми обязанностями.

— Иными словами, крутой парень сваливает, когда приходится круто?

— Если понадобится, я предложу им твою помощь.

— Спасибо.

— Никаких проблем. Хочешь есть?

— Умираю от голода.

Когда Габи и Тревис приблизились к столу, дети уже получили свою порцию хот-догов, картофельного салата и фруктов. Меган, Лиз и Элисон устроились неподалеку, чтобы наблюдать за ними, но в то же время достаточно близко к остальной компании, чтобы поддерживать разговор. Все трое, как заметила Габи, ели цыплят. Джо, Мэтт и Лэрд сидели на переносных холодильниках с тарелками на коленях, воткнув бутылки пива в песок.

— Гамбургер или цыпленок? — спросила Габи.

— Предпочитаю цыплят. Но гамбургеры выглядят просто замечательно. Дело в том, что за всю свою жизнь я так и не сумел полюбить мясо...

— А я думала, все мужчины едят гамбургеры.

— В таком случае я, должно быть, не мужчина, — заметил Тревис. — Полагаю, это изрядно удивит и разочарует моих родителей. Они ведь дали мне мужское имя, ну и так далее...

Габи засмеялась и кивнула в сторону гриля:

— Ну... по-моему, специально для тебя оставили последний кусочек цыпленка.

— Лишь потому, что мы опередили Стефани. Она бы непременно его взяла, пусть даже в обычное время сестрица предпочитает гамбургеры. Она не упустит возможности оставить меня голодным.

— Наверное, именно поэтому Стефани так мне нравится.

Они потянулись за тарелками, изучая все разнообразие аппетитных закусок на столе — бобы, запеканки, картофель, огурцы, фруктовый салат. Все потрясающе пахло. Габи взяла булочку, кетчупа, горчицы, солений. Тревис положил себе на тарелку цыпленка, потом подцепил с гриля гамбургер и протянул Габи. Еще он взял фруктового салата, а она добавила себе понемногу отовсюду. Закончив, Габи с виноватым выражением лица сравнила их тарелки. Слава Богу, Тревис ничего не заметил.

— Хочешь пива? — спросил он.

— Не откажусь.

Тревис полез в холодильник и выудил «Курс лайт», прихватив для себя бутылку воды.

— Мне вести катер, — объяснил он и указал тарелкой в сторону дюн: — Может, поднимемся туда?

— Ты не хочешь поесть в компании друзей?

— Они не будут против.

— Тогда показывай дорогу.

Они пошли к невысокой дюне, на которой росло хилое, пропитанное солью деревце, согнутое океанским ветром. Все его ветки указывали в одну сторону. Габи чувствовала, как скользит песок под ее ногами. Тревис сел, одним движеньем приняв позу индейского вождя. Габи с куда меньшим изяществом устроилась рядом, постаравшись сохранить достаточное расстояние между собой и Тревисом, чтобы случайно не коснуться его. Вода и песок сверкали так ярко, что, даже сидя в тени, она вынуждена была щуриться.

Тревис принялся резать свою порцию цыпленка; пластмассовый нож сгибался под нажимом.

— Когда я бываю здесь, то вспоминаю школьные годы, — сказал он. — Бог знает сколько выходных мы тут провели. С разными девушками и без детей, разумеется.

— Наверное, было весело.

— Конечно, — ответил Тревис. — Помню один вечер... мы с Джо, Мэттом и Лэрдом приехали сюда с девчонками, на которых пытались произвести впечатление. Сидели у костра, пили пиво, шутили, смеялись... и мне казалось, что лучше ничего не может быть.

— Похоже на рекламный слоган. Не считая того факта, что вы были несовершеннолетними и развлекались противозаконным образом.

— Ты ведь никогда не делала ничего подобного?

— Если честно — нет, — призналась Габи.

— Правда? Никогда?

— А почему это так тебя удивляет?

— Не знаю... Наверное, ты не производишь впечатления человека, который всю жизнь только и делал, что играл по правилам. — Увидев выражение ее лица, Тревис немедленно поправился: — Я не имел в виду ничего дурного. Просто хотел сказать, что ты независимая и всегда готова к приключениям.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

Габи произнесла это, тут же вспомнила разговор со Стефани и постаралась не думать о том, что произойдет дальше. Тревис рассеянно возил вилкой кусочек фрукта.

— Я знаю, ты живешь далеко от родных, купила дом и сама зарабатываешь на жизнь. По-моему, это и есть независимость. А что касается любви к приключениям... ты приехала сюда в компании незнакомых людей, не так ли? Каталась на парасейле и даже преодолела страх перед акулами, чтобы окунуться. Для тебя это были новые

ощущения. По-моему, превосходно.

Она покраснела. Слова Тревиса ей понравились куда больше, чем ответ Стефани.

— Может быть... — согласилась Габи. — Но это вовсе не то, что путешествовать по свету без руля и без ветрил.

— Не обманывайся. Думаешь, я не волновался, когда уезжал? Да я с ума сходил от страха. То есть одно дело — рассказывать друзьям о своих планах, и совсем другое — действительно сесть на самолет и полететь туда, где почти никто не говорит по-английски. Ты когда-нибудь путешествовала?

— Немного. Если не считать весенних каникул, проведенных на Багамах, я не выезжала из Америки. А поскольку я была в компании, Багамы для меня ничем не отличались от Флориды. — Габи помолчала. — А куда собираешься? Какое следующее большое приключение?

— Ничего особенно выдающегося. Хотел в Гранд-Тетон ^[5] ... Покататься на каноэ, погулять, пожить в палатке. Говорят, потрясающее место. Я там еще не был.

— Один едешь?

— Нет. С отцом. Жду не дождусь.

Габи поморщилась:

— А я не представляю себе путешествия с кем-либо из моих родителей.

— Почему?

— С родителями? Нужно их знать, чтобы понять меня...

Тревис помолчал.

Габи отставила тарелку и отряхнула руки.

— Ну ладно, — со вздохом сказала она. — Во-первых, моя мама свято верит, что жить не в пятизвездочном отеле — это унижение. А папа... наверное, он вполне мог бы заняться чем-то увлекательным... правда, он никогда не проявлял интереса ни к чему, кроме рыбалки. И потом, папа никуда не поедет без мамы, а поскольку у нее свои стандарты, это значит, что проводить время на свежем воздухе он будет лишь во время ужинов в патио. С изысканными винами и официантами в смокингах, разумеется.

— Похоже, твои родители действительно любят друг друга.

— Ты делаешь такой вывод из того, что услышал?!

— Да. А еще я узнал, что твоя мама не фанатка пеших прогулок.

Габи засмеялась.

— Наверное, они тобой гордятся, — добавил Тревис.

— С чего ты взял?

— А почему бы и нет?

«Действительно, — подумала Габи. — Давайте-ка посчитаем поводы».

— Скажем так: я уверена, что мама больше предпочитает моих сестер.

И поверь, они ничуть не похожи на Стефани.

— То есть всегда говорят приемлемые вещи?

— Нет. Просто они похожи на маму.

— И это, по-твоему, значит, что она не может гордиться тобой?

Габи откусила гамбургер и подумала, прежде чем ответить.

— Все очень сложно, — наконец сказала она.

— А именно? — настаивал Тревис.

— Во-первых, я рыжая. А сестры блондинки, как мама.

— И что?

— Мне двадцать шесть, и я до сих пор не замужем.

— И что?

— Я хочу сделать карьеру.

— И что?

— Все это в маминых глазах не сочетается с образом идеальной дочери. У нее свое представление о том, какое место у женщины в обществе. Особенно женщины из определенного социального круга.

— Я так понимаю, вы с матерью не особенно ладите.

— Да?

Габи мельком заметила, как Элисон и Лэрд, держась за руки, бредут по тропинке к маяку.

— Может быть, она завидует, — задумчиво проговорил Тревис. — Ты живешь собственной жизнью, у тебя свои цели и идеалы, слабо связанные с тем миром, в котором ты выросла. Миром, в котором тебе надлежало обитать, по мнению матери, просто потому, что в нем обитала она сама. Чтобы пойти иным путем, требуется смелость. Может быть, она разочарована не в тебе, а в себе?

Он ждал ответа. Габи смутилась. Об этом она никогда не думала.

— Нет, — наконец выдавила она.

— А ты когда-нибудь спрашивала?

— Не разочаровалась ли она в себе? Нет. Только не говори, что своим родителям ты стал бы задавать такие вопросы. Потому что...

— Не стал бы, — ответил Тревис, качая головой. — Никогда в жизни. Но мне кажется, что родители очень гордятся тобой, пусть даже и не знают, как это выразить.

Его слова были неожиданными и до странности трогательными. Габи слегка подалась вперед.

— Не знаю, прав ли ты, но все равно спасибо. Я не хочу, чтобы у тебя сложилось неверное впечатление. Мы с мамой каждую неделю разговариваем по телефону и, поверь, держимся в рамках приличия. Просто иногда мне хочется, чтобы все было по-другому. Чтобы мы с удовольствием проводили время вместе.

Тревис промолчал, и Габи испытала облегчение при мысли о том, что он не попытался предложить ей совет. Будь на его месте Кевин, она начала бы заигрывать, чтоб сменить тему. Габи подтянула колени к груди и обхватил их руками.

— Скажи... что самое приятное в работе ветеринара?

— Животные, — сказал Тревис. — И люди. Ты ведь примерно такого ответа и ожидала?

Габи вспомнила Еву Бронсон.

— Животные — это неудивительно...

Он поднял ладонь:

— Пойми меня правильно. Не сомневаюсь, некоторые люди, с которыми я имею дело, чертовски похожи на тех, с которыми имеешь дело ты.

— То есть нахальные? Нервные? Чокнутые?

— Конечно. Люди есть люди, и большинство из них считают животных членами семьи. Разумеется, они требуют полного обследования, как только заподозрят, что с их любимцем что-то не так. То есть привозят его по крайней мере раз в неделю, иногда чаще. Почти всегда поводов для беспокойства нет, но мы с отцом выработали целую систему.

— Какую?

— Мы приклеиваем желтый листочек на обложку карточки изнутри. Если очередная дама приводит своего Снежка или Пушка и мы видим желтый листок, то проводим быстрый осмотр и говорим, что в данный момент не видим ничего необычного, но хотели бы взглянуть еще разок через неделю, чтобы удостовериться. Это помогает нам быстро принимать и спроваживать подобных пациентов, поскольку их хозяева в любом случае собираются «заехать через недельку». Все счастливы. Мы — внимательные ветеринары, хозяева уверены, что с их питомцами все в порядке и что причины для беспокойства действительно были, раз уж мы хотим посмотреть животное еще раз.

— Интересно, как отреагируют врачи в нашей клинике, если я начну клеить желтые листочки.

— Все так сложно?

— Ну... Каждый раз, когда выходит свежий «Ридерз дайджест» или по

телевизору идет речь о редком заболевании со специфическими симптомами, в приемной появляется толпа детей, которые, разумеется, страдают именно от этого недуга.

— Наверное, я бы вел себя так же, будь у меня ребенок.

Габи покачала головой:

— Сомневаюсь. Ты мне, скорее, кажешься человеком, способным ко многому относиться просто. Вряд ли ты сильно изменишься, когда станешь родителем.

— Возможно, ты права, — согласился Тревис.

— Конечно, я права.

— Потому что ты меня знаешь?

— Эй, не начинай сначала.

Они еще полчаса сидели рядом и болтали — очень свободно. Габи рассказала о родителях, об их противоположных характерах, о своих сестрах и о том, каково было расти, приспособливаясь ко всем ним. Она рассказала о колледже и о фельдшерской школе, о вечерах, проведенных в Бофоре до переезда. Габи лишь мимоходом упоминала Кевина, и это удивляло девушку, пока она не осознала, что пусть он теперь и является неотъемлемой частью ее жизни, так было не всегда. Каким-то образом беседа с Тревисом напомнила ей, что она сформировалась как личность задолго до встречи с Кевином.

В конце концов Габи призналась, что порой разочаровывается в работе. Она проговорила даже о том, о чем намеревалась молчать. Хотя Габи не упомянула доктора Мелтона, но пожаловалась на некоторых родителей, с которыми ей доводилось сталкиваться. Габи не называла имен, но Тревис то и дело улыбался — видимо, он прекрасно понимал, о ком речь.

Тем временем Меган и Лиз убрали остатки еды, а Лэрд и Элисон вернулись обратно. Мэтт лежал, наполовину закопанный в песок, причем ребятишки то и дело попадали ему лопаткой в ухо или в нос. Потом у ног Габи приземлился диск, и она увидела Джо.

— Кажется, пора выволить Мэтта! — крикнул он. — Не хочешь этим заняться?

— То есть отвлечь детей?

Джо ухмыльнулся:

— Сомневаюсь, что у нас получится.

Тревис взглянул на нее:

— Ты не против?

— Нет. Иди.

— Предупреждаю, будет шумно. — Он встал и крикнул детям: — Эй, малыши, хотите посмотреть, как играет в «тарелочку» настоящий мировой чемпион?

Те дружным хором отозвались: «Да!!!» — побросали лопатки и ринулись к воде.

— Надо идти, — сказал Тревис. — Публика ждет.

Когда он зашлепал по воде, Габи поймала себя на том, что внимательно следит за его действиями и испытывает нечто вроде привязанности.

Времяпрепровождение с Тревисом оказалось вовсе не таким, как она себе рисовала. Никаких претензий, никаких попыток понравиться; судя по всему, он интуитивно чувствовал, когда лучше промолчать, а когда — ответить. Габи догадалась, что это — ощущение глубинной связи, которое некогда привело ее к Кевину. Она жаждала не только физического возбуждения, которое охватывало ее в те вечера, когда они были вместе; еще сильнее девушке хотелось уюта, который она испытывала в те минуты, когда они разговаривали или когда Кевин тихонько брал ее за руку, когда они шли к машине. В такие мгновения Габи думала: «Вот единственный мужчина, с которым я хочу провести свою жизнь». Минуты, которые в последнее время становились все реже.

Габи задумалась, рассеянно наблюдая за тем, как Тревис ловит диск. Он промахивался, так что «тарелочка» ударяла его в грудь, и с драматическим всплеском обрушивался в воду. Малыши визжали от восторга, как будто в жизни не видели ничего смешнее. Когда они кричали: «Еще, дядя Тревис!» — он немедленно вскакивал. Он делал длинную, нарочито медленную пробежку, прежде чем метнуть диск Джо, а потом, состроив соответствующую гримасу, комически изображал бейсболиста в ожидании подачи. Подмигнув детям, обещал: «Ну, в следующий раз я не промахнусь!» — и тут же падал как подкошенный, поднимая тучу брызг, отчего дети хохотали еще громче. Тревису, судя по всему, искренне нравилось веселить малышню, и от этого Габи испытывала к нему все большую теплоту. Она по-прежнему пыталась понять, как относится к Тревису, когда он наконец вышел из воды и, отряхиваясь, зашагал к ней. Он плюхнулся на песок, их плечи соприкоснулись, и Габи мгновенно представила себе картину: они сидят рядом, точь-в-точь как сейчас, и это уже их сотый выходной...

Они провели еще час на пляже, затем принялись за погрузку; по пути домой каждая парочка снова прокатилась на парасейле, хотя на сей раз Габи летала вместе со Стефани. К вечеру катер вернулся в бухту, и Тревис остановился, чтобы купить креветок у местного рыбака, которого, видимо, хорошо знал. Когда они наконец причалили, дети уже крепко спали. Взрослые были довольны прогулкой, их лица потемнели после нескольких часов, проведенных на солнце.

Как только катер разгрузили, все понемногу разъехались; остались только Габи и Стефани с братом. Тревис возился на причале — он растянул парашют для сушки и теперь мыл катер при помощи садового шланга. Моби крутился рядом.

Стефани закинула руки за голову.

— Думаю, мне тоже пора. Сегодня ужинаю с родителями. Они обидятся, если я у них не побываю. Сама знаешь, что это такое. Пойду попрощаюсь с братом.

Габи кивнула, сонно наблюдая за тем, как Стефани перегибается через перила веранды.

— Эй, Тревис! — крикнула та. — Мне пора! Спасибо за прогулку!

— Рад, что ты заглянула, — ответил тот, помахав рукой.

— Может, поджаришь что-нибудь на гриле?

Габи говорит, что умирает с голоду.

Сонливость точно рукой сняло; но прежде чем Габи успела запротестовать, Тревис поднял большой палец.

— Через минуту что-нибудь приготовлю, — отозвался он. — Вот только закончу с катером.

Стефани не спеша вернулась к Габи, явно довольная своими талантами.

— И зачем ты это сказала? — прошипела та.

— Потому что я еду к родителям и не хочу, чтобы мой бедный братец провел вечер в одиночестве. Он любит компанию.

— А если я предпочту пойти домой?

— Когда он закончит, скажешь, что передумала. Тревис не станет переживать. У тебя есть пара минут, чтобы подумать. Он, во всяком случае, спросил бы, хочешь ли ты есть, а услышав «нет», спросил бы во второй раз. — Стефани взяла сумочку. — Эй, было чертовски приятно познакомиться.

Я рада, что мы встретились. Ты бываешь в Роли?

— Иногда, — ответила Габи, все еще смущенная тем, что произошло. Она не знала, сердиться или радоваться.

— Отлично. Значит, как-нибудь сможем вместе перекусить. Хоть завтра. Но сейчас мне действительно пора. — Стефани сняла солнечные очки и протерла их полрой рубашки. — Так увидимся?

— Конечно, — ответила Габи.

Стефани миновала внутренний дворик и исчезла в доме; было слышно, как она шагает к выходу. Тревис уже спешил через лужайку, а Моби трусил рядом с ним. Впервые за весь день он надел рубашку, хотя и оставил ее расстегнутой.

— Подожди минутку, и я разожгу гриль, ладно? Как насчет кебаба из креветок?

Габи на мгновение задумалась, а потом поняла: либо кебаб из креветок, либо разогретый в микроволновке ужин и какое-нибудь ужасное ток-шоу по телевизору. Она невольно вспомнила то ощущение, которое охватило ее при виде Тревиса, играющего с детьми.

— Я только схожу переодеться.

Пока Тревис возился с грилем, Габи взглянула, как дела у Молли. Та мирно спала, окруженная щенками.

Девушка быстро приняла душ и надела легкую юбку и блузку. Высушив волосы, она задумалась, стоит ли накладывать макияж, и решила обойтись тушью. Солнце придало ее лицу свежести; отступив на шаг от зеркала, Габи сообразила, что впервые за несколько лет собирается ужинать не с Кевином, а с другим мужчиной.

Она могла бы оправдаться тем, что это всего лишь продолжение праздника или что ее вовлекла в эту авантюру Стефани. Но Габи знала — на самом деле все иначе. Нужно ли стыдиться того, что она решила поужинать с Тревисом? Скрывать это от Кевина? Первой мыслью было: нет никаких причин не говорить Кевину. В течение дня ничего особенного не произошло — и вообще она провела больше времени со Стефани, чем с Тревисом. В чем проблема?

«Разумеется, в том, что вы ужинаете наедине», — ответил внутренний голос.

И что в этом особенного? Стефани не ошиблась: Габи проголодалась, а у соседа есть еда. Человеческая потребность номер один. Она ведь вовсе не собиралась с ним спать — или даже целоваться. Они подружились, только и всего. Если бы Кевин был здесь, она бы настояла, чтобы Тревис и его пригласил на прогулку.

«Но Кевина здесь нет. Ты расскажешь ему об этом ужине?»

«Конечно, расскажу», — отвечала Габи, пытаясь заглушить голос совести. Иногда она его буквально ненавидела. Он звучал точь-в-точь как голос ее матери.

Решившись, она в последний раз взглянула на себя в зеркало и, довольная увиденным, выскользнула во двор.

Габи пробралась через живую изгородь и возникла на краю лужайки. Тревис краем глаза заметил ее появление и беззастенчиво уставился на гостью. Как только она ступила на веранду, в атмосфере будто что-то изменилось. Тревис был захвачен врасплох.

— Еще долго ждать ужина? — запросто поинтересовалась соседка.

— Пару минут, — ответил он. — Ты как раз вовремя.

Она взглянула на креветок, насаженных на вертел вместе с разноцветным перцем и луковицами. В животе немедленно заурчало.

— Ого, — восхитилась Габи. — Выглядит аппетитно.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — Тревис указал на противоположный конец веранды. — Кажется, осталось немного пива и содовой.

Пока Габи шла к холодильнику, Тревис пытался не обращать внимания на то, как грациозно покачиваются ее бедра. Он удивлялся, что это на него нашло. Тревис проследил, как девушка открыла холодильник, порылась в его содержимом и извлекла две бутылки пива. Когда она протянула ему пиво, их пальцы слегка соприкоснулись. Тревис открыл бутылку и сделал долгий глоток, глядя на Габи. Та молча смотрела на воду. Солнце, висевшее над верхушками деревьев, еще светило ярко, но жара спала, и через лужайку протянулись тени.

— Вот почему я купила здесь дом, — наконец сказала она. — Ради вот таких видов.

— Да, тут очень красиво. — Тревис поймал себя на том, что не может отвести от нее глаз, и попытался отогнать все подсознательное. Он кашлянул. — Как поживает Молли?

— Все в порядке. Когда я заходила, она спала. — Габи огляделась: — А где Моби?

— Наверное, рыщет по лужайке. Стряпня его не интересует, раз уж он понял, что я не намерен делиться с ним креветками.

— Он ест креветки?

— Он ест все.

— Да уж, тонкий вкус, — шутливо заметила Габи. — Я могу чем-нибудь помочь?

- В общем, нет. Разве что принести тарелки с кухни.
- Конечно. — Она кивнула. — Где они лежат?
- В шкафу, слева от раковины. И захвати ананас. Он на столе. И нож.
- Сейчас.

Когда Габи направилась к двери, Тревис снова пристально взглянул ей вслед. Что-то в ней явно его привлекало. Не только то, что Габи была хорошенькая; симпатичных женщин хватает. Прямота и естественное чувство юмора намекали на врожденное чувство осознания добра и зла. Красота и здравый смысл — редкое сочетание, и Тревис сомневался, что Габи знает о своем даре.

Когда она вернулась, кебаб уже был готов. Тревис выложил на каждую тарелку по два шампура, добавил несколько ломтиков ананаса. Оба сели за стол. Река, словно зеркало, отражала небо; тишину лишь однажды нарушила стайка скворцов.

- Как вкусно, — с чувством сказала Габи.
- Спасибо.

Она отпила пива и указала в сторону катера:

- Завтра снова куда-нибудь на нем собираешься?
- Вряд ли. Наверное, вытащу мотоцикл.
- Мотоцикл?

— Когда учился в колледже, купил старенькую «хонду» 1983 года выпуска, которую нужно было чинить и чинить. Я намеревался починить ее и подзаработать. Времени ушло много... Сомневаюсь, что я вообще получил хотя бы цент. Но по крайней мере всю работу сделал сам.

- Во всяком случае, это было полезно.

— Скорее бессмысленно. И не очень практично — мотоцикл то и дело ломается, а запчасти почти невозможно найти. Такова цена обладания антиквариатом.

Габи отхлебнула еще пива.

- Наверное. Я даже не могу самостоятельно сменить масло.
- Ты когда-нибудь каталась на мотоцикле?
- Нет. Это слишком опасно.

— Опасность зависит скорее от водителя и от внешних условий, нежели от мотоцикла.

- Но твой то и дело ломается.
- Да. Мне нравится ходить по краю.
- Я уже заметила.
- По-твоему, это хорошо или плохо?

- Ни то ни другое. Во всяком случае, непредсказуемо. Особенно когда

я вспоминаю о том, что ты ветеринар. В этой профессии есть нечто... постоянное. Когда я думаю о ветеринарах, то непременно представляю себе солидного мужчину, с женой в переднике и детьми, которых нужно водить к дантисту.

— Это скучно. Самым увлекательным занятием в жизни ветеринара, по-твоему, должен быть гольф?

Габи подумала о Кевине.

— Бывает кое-что и поскучнее...

— Между прочим, у меня есть родственники. — Тревис пожал плечами. — А что касается всего остального...

— Это своего рода предпосылка, тебе не кажется?

— Я думаю, что быть семьянином — это скорее иметь должный взгляд на мир, нежели жену и детей.

— Неплохо сказано. — Габи прищурилась и ощутила эффект от выпитого пива. — Я даже не в силах представить тебя женатым. Ты больше похож на тех, кто предпочитает ходить на свидания с десятками женщин. Вечный холостяк.

— Не ты первая мне это говоришь. Если бы я тебя не знал, то предположил бы, что сегодня ты слишком усердно прислушивалась к болтовне моих друзей.

— Они тебе льстили.

— Именно поэтому я и беру их с собой.

— А Стефани?

— Она загадка. И потом, Стефани — моя сестра. Выбора нет. Я очень привязан к своей родне.

— Почему мне кажется, что ты пытаешься произвести на меня впечатление?

— Возможно, так и есть. Расскажи о своем парне. Он тоже семьянин?

— Не твое дело.

— Ладно, не рассказывай. Как-нибудь в другой раз. Тогда поговорим о твоей жизни в Саванне.

— Я уже рассказала тебе о своей семье. Что еще ты хочешь услышать?

— Что угодно.

Габи помедлила.

— Летом там было жарко. Очень жарко. И влажно.

— Ты всегда такая скрытная?

— Небольшая таинственность придает интерес.

— Твой парень тоже так считает?

— Мой парень меня знает.

— Он высокий?

— Какая разница?

— Никакой. Я просто поддерживаю разговор.

— Тогда давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Ладно. Ты когда-нибудь занималась серфингом?

— Нет.

— Подводным плаванием?

— Нет.

— Жаль.

— Почему? Потому что я не знаю, чего лишилась?

— Нет, — сказал Тревис. — Потому что теперь, когда мои друзья женаты и с детьми, мне нужен человек, которого можно было бы регулярно вытаскивать из дому.

— Иными словами, тебе нужен партнер для развлечений. Ты катаешься на доске или на роликах, стоит тебе вернуться с работы.

— Ну, в жизни есть не только это. Например, парасейлинг.

Габи засмеялась, Тревис тоже. Габи вдруг поняла, что ей нравится звук его смеха.

— У меня один вопрос насчет ветеринарного колледжа, — сказала она ни с того ни с сего, более не заботясь о том, какое направление примет разговор. Было так приятно просто расслабиться и наслаждаться обществом Тревиса. Габи чувствовала себя непринужденно.

— Понимаю, что это глупо, но меня всегда интересовало, какой объем анатомии вам приходится зубрить. Вы изучаете все виды домашних животных?

— Только основные, — ответил Тревис. — Корова, лошадь, свинья, собака, кошка и курица.

— И о каждом из них нужно знать все?

— По части анатомии — да.

Габи задумалась.

— Ничего себе. А я думала, это нам, врачам, тяжело.

— Да, но учти, большинство хозяев не подадут на меня в суд, если у них умрет курица. А на тебе лежит большая ответственность, ведь ты работаешь с детьми. — Тревис помолчал. — Готов поспорить, ты прекрасно с ними ладишь.

— Почему ты так считаешь?

— У тебя аура доброты и терпения.

— Ты не перегрелся на солнце?

— Возможно. — Тревис кивком указал в сторону пустой бутылки: —

Хочешь еще пива?

Габи только теперь заметила, что допила свою порцию.

— Нет, пожалуй.

— Я никому не скажу.

— Дело не в этом. Не хочу, чтобы у тебя сложилось неверное впечатление.

— Ну, вряд ли такое возможно.

— Сомневаюсь, что моему парню это понравится.

— В таком случае хорошо, что его здесь нет. И потом, мы ведь только начинаем знакомство. Что тут плохого?

— Ну ладно. — Габи вздохнула. — Еще одну бутылочку, и все.

Тревис принес пива. Габи отхлебнула, ощутив приятное тепло в желудке, и немедленно услышала внутренний голос: «Тебе не надо было этого делать».

— Кевин тебе понравится, — сказала она, пытаясь восстановить дистанцию. — Он классный парень.

— Не сомневаюсь.

— И да, он высокий.

— А я думал, ты не хочешь его обсуждать.

— Не хочу. Просто даю понять, что люблю его.

— Любовь — это прекрасно. Ради нее стоит жить. Обожаю быть влюбленным.

— Слова многоопытного мужчины. Учти, настоящая любовь длится вечно.

— А поэты утверждают, что настоящая любовь всегда заканчивается трагедией.

— Ты поэт?

— Нет. Просто пересказываю тебе их слова. Это не значит, что я с ними согласен. Я, как и ты, предпочитаю романы с благополучным концом. Мои родители много лет живут в браке, и я надеюсь однажды повторить их судьбу.

Габи подумала, как приятно болтать с Тревисом о пустяках — и тут же напомнила себе, что у этого красавца, разумеется, большой опыт по части ухаживаний. И все же она была вынуждена признать, что его внимание ей льстит. Кевин, разумеется, этого не одобрит.

— А ты знаешь, что я чуть не купил твой дом? — поинтересовался Тревис.

Габи удивленно покачала головой.

— Его выставили на продажу одновременно с моим. Мне понравилась

планировка, зато тут есть веранда, лодочный сарай и подъемник. Нелегкий выбор, надо сказать.

— А теперь у тебя даже есть джакузи.

— Нравится? — Тревис изогнул бровь. — Можем в нее забраться, когда сядет солнце.

Габи выразительно округлила глаза, стараясь не обращать внимания на пробежавшую по телу дрожь.

— Вряд ли.

Тревис потянулся, весьма довольный собой.

— Может быть, помочим хотя бы ноги?

— Против этого я, пожалуй, не стану возражать.

— Это всего лишь начало.

— И конец.

— Разумеется.

Заходящее солнце окрасило небо в золотистые цвета до самого горизонта. Тревис потянул к себе еще один стул и положил на него ноги. Габи смотрела на воду, ощущая полузабытое чувство удовлетворения.

— Расскажи про Африку, — потребовала она. — Она действительно настолько прекрасна, как говорят?

— Для меня — да, — мечтательно сказал Тревис. — Мне все время хочется туда вернуться. Там почти ничего не напоминает о нашем мире...

— Ты видел львов и слонов?

— Сколько угодно.

— Они красивые?

— Настолько, что невозможно забыть.

Габи помолчала.

— Я тебе завидую.

— Ну так поезжай в Африку. Если соберешься, непременно побывай на водопаде Виктория. Это самое прекрасное место на свете. Радуга, туман, оглушительный рев — как будто стоишь на краю земли.

Она мечтательно улыбнулась.

— И долго ты там был?

— Когда именно?

— Сколько раз ты ездил в Африку?

— Трижды.

Габи безуспешно пыталась представить себе столь свободную жизнь.

— Расскажи мне все, — попросила она.

Они долго беседовали вполголоса. Сумерки сменились темнотой. Тревис описывал людей и места так живо и ярко, что Габи как будто видела

их. Она то и дело ловила себя на мысли, что пытается понять, сколько раз он делился этими историями с другими женщинами... В середине рассказа Тревис встал из-за стола и принес две бутылки воды, поскольку Габи отказалась от пива; она оценила его поступок, и чувство приязни стало еще сильнее. Габи понимала, что это неправильно, но была не в силах остановиться.

Когда они поднялись, чтобы отнести посуду в дом, на небе уже сияли звезды. Пока Тревис мыл тарелки, Габи прошлась по гостиной и решила, что это место куда меньше похоже на приют холостяка, нежели она воображала. Мебель была удобная и стильная, в комнате порядок, пусть и не идеальный. Журналы лежали стопкой на телевизоре, на магнитофоне виднелся тонкий слой пыли — отчего-то казалось, что так и должно быть. Вместо картин и фотографий на стенах висели киноафиши, вполне отражавшие эклектичный вкус хозяина, — «Касабланка», а рядом «Крепкий орешек» и «Один дома». Габи услышала, как на кухне выключили воду; несколько секунд спустя Тревис вошел в гостиную.

Она улыбнулась.

— Готова помочить ножки?

— Только при условии, что ты не станешь раздеваться.

Они вернулись на веранду, к ванне. Тревис снял крышку, Габи сбросила сандалии. Вскоре они уже сидели рядом, болтая ногами в воде. Габи смотрела вверх и искала созвездия.

— О чем ты думаешь? — спросил Тревис.

— О звездах. Я купила справочник по астрономии и теперь пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь.

— И как?

— Ну, помню главные созвездия. Те, которые хорошо видно. — Она показала пальцем. — Если отмерить приблизительно две ладони от каминной трубы, увидишь созвездие Ориона. Слева будет звезда Бетельгейзе, а внизу — Ригель. Вот там — Гончие Псы. Яркая звезда наверху — Сириус, она входит в созвездие Большого Пса, а Процион — в созвездие Малого.

Тревис рассмотрел Орион, но, как ни старался, не мог различить остальные созвездия, на которые указывала Габи.

— К сожалению, последних двух я не вижу...

— Я тоже. Просто знаю, что они там.

Он тоже указал вверх:

— А я вижу ковш. Вон там. Кроме него, я ничего не знаю.

— Большая Медведица. А ты знаешь, что это созвездие

ассоциировалось с фигурой медведя со времен ледникового периода?

— Нет.

— Мне нравятся названия, пусть даже я еще не запомнила все. Волосы Вероники, Плеяды, Гончие Псы, Кассиопея... звучит как музыка.

— Видимо, это твое новое хобби?

— Скорее, благое намерение, погребенное в мусоре повседневной рутины. Но пару дней я действительно была увлечена.

Тревис рассмеялся:

— По крайней мере ты честно призналась.

— Мои рамки мне известны. Я бы очень хотела знать больше. В седьмом классе у нас был учитель, который обожал астрономию. Он так рассказывал о звездах, что я запомнила некоторые вещи на всю жизнь.

— И что он говорил?

— Что смотреть на звезды — это как будто смотреть в прошлое, ведь некоторые так далеки, что их свет достигает нас через миллионы лет. Мы видим звезды не такими, какие они теперь, а какими они были в те времена, когда по земле бродили динозавры. В целом эта мысль меня просто... потрясла.

— Похоже, у вас действительно был отличный учитель.

— Да. Мы многое узнали, хотя я и позабыла почти все, как ты можешь судить. Но ощущение чуда никуда не делось. Когда я смотрю на небо, то знаю, что кто-то делал то же самое тысячи лет назад.

Тревис взглянул на Габи, зачарованный звуками ее голоса в темноте.

— И вот что странно, — продолжала она, — мы раскрыли столько секретов Вселенной, но обычные люди знают о небе куда меньше, чем наши предки. Не имея телескопов, не зная математики или хотя бы того факта, что Земля круглая, они пользовались звездами, чтобы прокладывать путь кораблям. Смотрели на определенные созвездия, чтобы понять, когда именно нужно собирать урожай. Возводили здания, ориентируясь на звезды, и учились предсказывать затмения... Порой мне даже интересно, на что это похоже — жить, полностью доверяя звездам.

Погрузившись в размышления, Габи долго молчала.

— Прости. Наверное, я тебе наскучила.

— Вовсе нет. Отныне я всегда буду вспоминать твои слова, глядя на звезды.

— Дразнишься.

— Нет, — серьезно ответил Тревис.

Он пристально взглянул ей в глаза. Габи внезапно показалось, что Тревис хочет ее поцеловать, и она поспешно отвернулась. В эту минуту она

с необыкновенной отчетливостью слышала кваканье лягушек в прибрежных зарослях и пение сверчков. Луна стояла высоко, и от нее исходил мерцающий свет. Габи торопливо вытащила ноги из воды и стала прощаться.

— Ну вот, теперь они все в морщинках, — сказала она.

— Принести тебе полотенце?

— Ничего страшного. Но мне и в самом деле пора. Уже поздно.

Тревис встал и подал ей руку. Габи пожала ее, ощутив тепло и силу.

— Я тебя провожу.

— Не беспокойся, найду дорогу.

— Хотя бы до изгороди.

Она надела сандалии. Моби побежал вперед. Радостно свесив язык, он вернулся к ним, когда они ступили на лужайку, описал круг и ринулся к воде, словно намереваясь убедиться, что там никто не прячется. Потом внезапно остановился и бросился в противоположную сторону.

— Да уж, любопытства и энергии этому псу не занимать, — сказал Тревис.

— Похож на своего хозяина.

— Вроде того. Хотя я и не люблю валяться в рыбьих кишках.

Габи улыбнулась. Они быстро дошли до изгороди.

— Сегодня у меня был прекрасный день, — призналась она. — И вечер тоже.

— И у меня. Спасибо за лекцию по астрономии.

— В следующий раз я как следует подготовлюсь и поражу тебя своими космическими познаниями.

Тревис засмеялся:

— Неплохо сказано. Только что придумала?

— Нет, я цитирую нашего учителя. Он так говорил каждый раз, когда заканчивал урок.

Тревис переступил с ноги на ногу, потом снова взглянул на Габи.

— Что ты делаешь завтра?

— Ничего особенного. Поеду за покупками. А что?

— Хочешь покататься со мной?

— На мотоцикле?

— Я кое-что тебе покажу. Обещаю, будет весело. Заодно перекусим.

Габи замаялась. Вопрос был не из сложных, и она прекрасно знала, как нужно ответить, чтобы не осложнять себе жизнь. Нужно лишь сказать: «По-моему, это не очень хорошая идея», — и все закончится.

Габи подумала о Кевине, об угрызаниях совести, которые испытывала

всего несколько минут назад, о выборе, который сделала, переехав в Бофор. Но несмотря на все это — а может быть, именно благодаря этому, — она вдруг улыбнулась:

— Конечно. Во сколько?

Если Тревис и удивился, то не подал виду.

— Часов в одиннадцать. Я позволю тебе выспаться.

Габи поправила волосы.

— Спасибо еще раз...

— И тебе тоже. Увидимся завтра.

На мгновение ей показалось, что сейчас она просто развернется и уйдет. Но их взгляды снова встретились. Прежде чем Габи успела понять, что он делает, Тревис положил руку ей на бедро и притянул Габи к себе. Он поцеловал ее — не слишком холодно, но и не слишком страстно. Лишь спустя секунду Габи осознала, что произошло. Оттолкнула Тревиса и выдохнула:

— Что ты делаешь?

— Не удержался. — Тревис пожал плечами. Непохоже было, что он сожалеет. — Просто я подумал, что это будет правильно...

— Ты же знаешь, у меня есть парень, — напомнила Габи. В глубине души она сознавала, что поцелуй ей понравился, и ненавидела себя за это.

— Прости, если я тебя смутил.

— Все в порядке. — Габи вскинула руки, удерживая его на расстоянии. — Просто забудь. Больше этого не повторится, договорились?

— Да.

— Вот и хорошо.

Габи вдруг очень захотелось домой. Не следовало ставить себя в двусмысленное положение. Она знала, что это должно произойти, даже предостерегала себя — и, разумеется, оказалась права.

Она развернулась и полезла через кусты, тяжело дыша. Тревис ее поцеловал! Она все еще не могла в это поверить. Хотя Габи намеревалась идти прямо к дому не останавливаясь (пусть Тревис поймет — она непреклонна в своих намерениях), она все-таки обернулась и увидела, что он стоит на прежнем месте. Тревис помахал рукой.

— До завтра, — сказал он.

Габи не стала отвечать — это ведь было не обязательно. Мысль о том, что может случиться завтра, повергала ее в ужас. Зачем все портить? Разве они просто не могут остаться соседями и друзьями? Почему все должно закончиться именно так?

Габи закрыла дверь и направилась в спальню, изо всех сил стараясь

почувствовать себя рассерженной. Но у нее дрожали ноги и колотилось сердце. И Габи с восторгом думала о том, что Тревис счел ее достаточно привлекательной для того, чтобы поцеловать.

Когда Габи ушла, Тревис опустошил холодильник. Решив уделить немного времени Моби, он взял теннисный мячик, но как только завязалась привычная игра, его мысли тут же вернулись к девушке. Моби носился по двору, а Тревис вспоминал, как Габи забавно щурится, когда смеется. А с каким благоговением в голосе она называла созвездия!.. Он задумался об их отношениях с Кевином. Странно, но девушка мало о нем говорила — отчего-то Тревису показалось, что это прекрасный способ заставить его теряться в догадках.

Спору нет, он определенно ею заинтересовался. Странно. Честно говоря, Габи была не в его вкусе. Она не походила на тепличный цветок, утонченный и ранимый — а Тревиса обычно привлекали женщины именно такого типа. Когда он ее поддразнивал, она отвечала тем же; когда он нарушал границы, Габи немедленно ставила его на место. Ему нравились ее одухотворенная натура, самообладание и уверенность, а главное — то, что Габи даже не подозревала о наличии у себя этих качеств. Минувший день был своего рода соблазнительным танцем, в котором они оба вели попеременно — он наступал, она отступала, и наоборот. Тревис задумался, может ли этот танец продолжаться вечно...

Вот почему терпели крах его прошлые романы. Даже на ранних стадиях они всегда были односторонними. Обычно Тревис сам решал, чем заняться, куда пойти, какое кино посмотреть. Это его не особенно беспокоило, но со временем начинало надоедать. Ему казалось, что он встречается с подчиненным, а не с равным. Если честно, становилось скучно.

Странно, но Тревис редко думал о своих предыдущих романах в таком ключе. Обычно он вообще почти не вспоминал о них. Вечер с Габи заставил Тревиса задуматься о том, чего ему недостает. Он мысленно перебирал в памяти их разговоры и понимал, что хочет еще бесед, еще Габи. Не следовало ее целовать, подумал Тревис с непривычной тревогой. Он зашел слишком далеко. Оставалось лишь ждать и надеяться, что Габи не передумает и все-таки поедет с ним завтра. Что он мог сделать? Ничего. Ничего.

— Как дела? — спросила Стефани.

Тревис с трудом открыл глаза.

— Который час?

- Не знаю. Рано.
- Зачем ты звонишь?
- Хочу узнать, как прошел ужин с Габи.
- Солнце уже встало?
- Не увиливай. Отвечай.
- Ты чертовски любопытна.
- Да, я такая. Впрочем, можешь не утруждать себя, я уже знаю ответ.
- Я ничего не сказал.
- Вот именно. Судя по всему, вы встречаетесь сегодня?

Тревис отодвинул трубку от уха и уставился на нее, гадая, каким образом сестра все узнала.

- Стефа...
- Передай ей привет. Ладно, мне пора. Спасибо, что держишь в курсе. Она повесила трубку прежде, чем Тревис успел ответить.

Первой мыслью Габи на следующее утро было то, что до сих пор она считала себя хорошим человеком. Она с детства старалась следовать правилам — поддерживала порядок в своей комнате, готовилась к экзаменам, соблюдала хорошие манеры.

Вовсе не вчерашний поцелуй нарушил первозданную чистоту. Она здесь вообще была ни при чем, это Тревис. Сам по себе день прошел достаточно невинно, и она, разумеется, расскажет об этом Кевину. Нет, совесть мучила Габи исключительно из-за того, что она охотно согласилась поужинать с Тревисом. Если бы она была честна перед собой, то раскусила бы его планы и с честью вышла из неловкой ситуации. Особенно под конец. И о чем только она думала?

А что касается Кевина... разговор с ним не помог изгладить неприятные воспоминания.

Габи позвонила ему вчера вечером, вернувшись домой. В ожидании ответа она молилась, чтобы ее тон не насторожил Кевина. Впрочем, она быстро поняла, что разоблачения не будет: они едва слышали друг друга, поскольку Кевин говорил по мобильнику из ночного клуба.

- Привет, милый, — начала Габи. — Я вот решила позвонить...
- Привет, Габи, — перебил он. — Здесь очень шумно, говори громче! Он так кричал, что ей пришлось отодвинуть трубку от уха.
- Да уж.
- Что?
- Я говорю, там действительно шумно! — крикнула она. — Ты где?
- Я тебя почти не слышу! Что ты сказала?

Было слышно — какая-то женщина поинтересовалась, не хочет ли

Кевин еще тоника с водкой. Ответ затерялся в шуме.

— Где ты?

— Не помню, как называется... Какой-то клуб.

— Какой?

— Просто клуб! Заглянул сюда с компанией. Ничего особенного.

— Я рада, что тебе весело.

— Говори громче!

Габи сдавила пальцами переносицу.

— Я просто хотела поговорить. Скучаю.

— Да, я тоже. Через пару дней увидимся. Слушай...

— Знаю, знаю, тебе нужно идти.

— Я перезвоню завтра, хорошо?

— Конечно.

— Я тебя люблю.

— И я тебя тоже.

Габи с досадой отложила трубку. Она всего лишь хотела поговорить с Кевином. Наверное, следовало бы догадаться. На всякого рода встречах мужчины превращаются в подростков — она сама была тому свидетелем на медицинской конференции в Бирмингеме несколько месяцев назад. Днем за столами сидели серьезные, сдержанные врачи, а вечером из окна отеля Габи наблюдала затем, как они слоняются компаниями, подвыпившие, и выставляют себя на посмешище. Впрочем, ничего страшного. Кевин вряд ли способен вляпаться в неприятности и сделать то, о чем потом пожалеет.

Например, с кем-нибудь поцеловаться.

Она отбросила одеяло и постаралась думать о чем-нибудь другом. Не хотелось вспоминать, как Тревис положил ей руку на бедро, как притянул ее к себе. Не хотелось вспоминать, как их губы соприкоснулись. Как она ощутила нечто вроде электрического разряда. Габи пошла в ванную. Что-то продолжало ее мучить, и она никак не могла определить, что именно. Включив воду, она поняла: пытается вспомнить, не поцеловала ли Тревиса в ответ в то краткое мгновение.

Тревис, не в состоянии заснуть после звонка Стефани, отправился на пробежку. Потом погрузил доску для серфинга в машину и поехал через мост, на Боуг-Бэнкс. Оставив фургон на парковке у отеля «Шератон», Тревис пошел к воде. Он был не одинок — та же мысль посетила еще десятка полтора серфингистов, и с некоторыми он был знаком. Как и Тревис, большинство приехали ненадолго: хорошие волны были лишь во время утреннего прилива. Отличный способ начать новый день.

Вода была холодная, хотя в другое время года Тревис счел бы ее почти

идеальной. Он шлепал среди волн, пытаясь попасть в ритм. Он катался не очень хорошо (на Бали Тревис смотрел на гигантские волны и качал головой, понимая, что скорее всего погибнет, если попытается оседлать одну из них), но достаточно ловко для того, чтобы получать удовольствие.

Он привык быть один. Лэрд тоже занимался серфингом, но он уже несколько лет не выбирался с Тревисом. Эшли и Мелинда, две бывшие подружки, в прошлом несколько раз ходили с ним — но ни одна из них не могла присоединиться к нему, повинувшись сиюминутной прихоти. Обычно, когда они приезжали, он уже собирался уходить, отчего утро теряло свою прелесть. И как всегда, предложения исходили именно от Тревиса.

Он слегка разочаровался в самом себе потому, что раз за разом выбирал женщин одного типа. Неудивительно, что Элисон и Меган не дают ему спуска. Должно быть, это все равно что смотреть одну и ту же пьесу — пусть в ролях разные актеры, но финал все тот же. Лежа на доске и наблюдая за приближением волны, Тревис понял, что та черта характера, которая сначала притягивает к нему женщин — а именно способность позаботиться о партнере, — в конце концов приводит отношения к краху. Как там гласит старая поговорка? Если ты однажды развелся, то, возможно, действительно была виновата твоя бывшая жена. Но если ты развелся трижды, то скорее всего причина в тебе. Тревис еще ни разу не разводился, но понял намек.

Удивительно, что вся эта рефлексия была вызвана днем, проведенным с Габи. С женщиной, которая сначала незаслуженно обругала его, потом попыталась избегать, затем открыто бросила вызов, а в итоге принялась твердить, что любит другого. Вот и пойми ее.

Волна казалась вполне многообещающей, и Тревис принялся усиленно грести, пытаясь занять наилучшую позицию. День был прекрасен, океан сиял, но ни то ни другое не могло отвлечь Тревиса от одной мысли: больше всего на свете он хотел бы проводить как можно больше времени с Габи — и чтобы это длилось бесконечно.

— Доброе утро, — сказал в трубку Кевин, когда Габи уже собралась уходить. Она поднесла телефон к другому уху.

— А, привет. Как поживаешь?

— Прекрасно. Прости, что не перезвонил вчера. Вечером я хотел позвонить из отеля и извиниться, но было уже довольно поздно.

— Ничего страшного. Похоже, ты действительно неплохо развлекся.

— Ничего особенного. Музыка так грохотала, уши до сих пор болят. Сам не знаю, отчего я решил пойти с парнями. Следовало бы догадаться, когда они за ужином начали пропускать стакан за стаканом. Но ведь кому-

то нужно было за ними присмотреть.

— А ты, разумеется, был образцом трезвости.

— Конечно, ответил Кевин — Ты же знаешь, я мало пью. И следовательно, сегодня наголову разобью их в гольф! У них такое похмелье, что они даже по мячу не попадут.

— А что за парни?

— Брокеры из Шарлотты и Колумбии. Вчера так отрывались, как будто уже много лет не были в клубе.

— Может, и не были.

— Ну да... — До Габи донесся какой-то шорох; видимо, Кевин одевался. — А как у тебя дела? Чем занималась?

Она замялась.

— В общем, ничем.

— Жалко, что тебя тут нет. Было бы гораздо веселее.

— Ты же знаешь, я не могу бросить работу.

— Да. Но все равно. Я позвоню попозже, хорошо?

— Конечно.

— Кстати, как поживает Молли?

— Все в порядке.

— Я бы охотно взял одного щенка. Они такие милые.

— Ты просто подлизываешься.

— А что еще мне остается делать? Слушай, я тут кое о чем подумал. Может, махнем осенью в Майами на несколько дней? Я тут поболтал с одним парнем, который только что вернулся с Саут-Бич. Он говорит, там потрясающие поля для гольфа.

Габи помолчала.

— Тебе никогда не хотелось поехать в Африку?

— В Африку?

— Да. Просто исчезнуть на какое-то время, отправиться на сафари, увидеть водопад Виктория? Ну или не обязательно в Африку. Например, в Европу. Скажем, в Грецию?

— В общем, нет. А даже если и захотелось бы, сомневаюсь, что мне дадут отгул. С чего вдруг это пришло тебе в голову?

— Просто так, — сказала Габи.

Пока Габи разговаривала по телефону, Тревис поднялся на крыльцо и постучал. Секундой позже она появилась на пороге с трубкой в руках и жестом попросила его войти. Он прошел в гостиную, ожидая, что Габи извинится и закончит разговор, но вместо этого она указала гостю на кушетку, а сама скрылась на кухне, притворив за собой дверь.

Тревис сидел и ждал. Ждал. Ждал. Он чувствовал себя неловко. Она обращалась с ним как с ребенком. Он слышал приглушенный голос Габи и понятия не имел, с кем она разговаривает. Хотелось встать и уйти. Но Тревис остался сидеть, гадая, отчего эта девушки приобрела такую власть над ним.

Наконец она открыла дверь и вернулась в гостиную.

— Извини. Знаю, что немного запоздала, но телефон все утро звонил.

Тревис встал. Он думал, что за ночь Габи сделалась еще красивее, если такое возможно.

— Ничего страшного, — ответил он.

Разговор с Кевином вновь заставил Габи задуматься о том, что она творит. Усилием воли она прогнала эти мысли.

— Я только возьму сумку, и: поедем. — Габи шагнула к двери. — Да, и еще нужно взглянуть на Молли. Утром все было в порядке, но я хочу посмотреть, достаточно ли у нее воды.

Оба отправились в гараж и до краев наполнили водой собачью миску.

— Кстати, куда мы едем? — спросила Габи по пути на улицу. — Надеюсь, не в какой-нибудь байкерский бар?

— А ты против байкерских баров?

— Я не впишусь в обстановку. У меня нет татуировок.

— По-моему, ты любишь делать обобщения.

— Возможно. Но ты не ответил на мой вопрос.

— Просто прокатимся, — сказал Тревис. — Через мост, мимо Боуг-Бэнкс, к Эмеральд-Айл, потом обратно через мост и, наконец, в одно место, которое я хочу тебе показать.

— Какое место?

— Сюрприз.

— Что-то необычное?

— Вряд ли.

— Мы сможем там перекусить?

Тревис задумался.

— Ну да.

— Это далеко отсюда?

— Это сюрприз, — повторил он. — Не хочу портить тебе удовольствие.

— Я заинтригована.

— Не очень-то вдохновляйся. Всего лишь место, где я сам люблю бывать. Ничего особо зрелищного.

Они свернули в проулок, и Тревис указал на мотоцикл:

— Вот и он.

Мотоцикл сиял так, что Габи зажмурилась, а потом надела солнечные очки.

— Твоя гордость?

— Скорее, мое разочарование.

— Только, пожалуйста, не начинай снова жаловаться на то, как трудно достать запчасти, ладно?

Тревис хихикнул:

— Постараюсь держать язык за зубами.

Габи указала в сторону корзины для пикника, прикрепленной к багажнику при помощи троса:

— Припасы для ленча?

— Как обычно.

— Филе миньон, жаркое из ягненка, дуврская камбала, торт безе?

— Не совсем.

— Печенье из ближайшего магазина?

Тревис пропустил эту шпильку.

— Если ты готова, можем ехать. Думаю, шлем будет тебе впору. В крайнем случае в гараже есть и другие.

Габи скептически подняла брови:

— Скольких женщин ты возил в это свое секретное место?

— Ты первая, — признался он.

Она ожидала продолжения, но Тревис, кажется, был абсолютно серьезен. Габи чуть заметно кивнула и направилась к мотоциклу. Она надела шлем, застегнула его и устроилась на сиденье.

— Куда поставить ноги? Тревис выдвинул две подпорки.

— Вот сюда. И постарайся не дотрагиваться до выхлопной трубы. Она сильно нагревается, можно здорово обжечься.

— Спасибо, что предупредил. А куда девать руки?

— Держаться ими за меня, конечно.

— Да ты же скользкий как угорь, за тебя и не ухватишься.

Тревис надел шлем, сел одним быстрым движением и завел мотор. Звук был тише, чем у других мотоциклов, но Габи чувствовала, как сиденье легонько вибрирует под ней. Она ощутила отчетливый трепет предвкушения, словно собиралась кататься на «американских горках», только без ремня безопасности.

Тревис выехал из проулка на улицу. Габи обхватила его и вспомнила, какие у Тревиса впечатляющие мышцы; внутри как будто что-то оборвалось. Она почувствовала, что не готова. Когда мотоцикл набрал

скорость, Габи приказала себе не цепляться руками за Тревиса, оставаться неподвижной, как статуя.

— В чем дело? — спросил он, оглядываясь.

— Что?

— Ты что-то сказала про руки и про статую?

Габи понятия не имела, что рассуждает вслух; она цепко обхватила Тревиса, убедив себя, что делает это лишь из соображений безопасности.

— Я сказала, держи руль крепче. Не хочу разбиться.

— Мы не разобьемся.

— Ты уже когда-нибудь разбивался?

Тревис кивнул, продолжая смотреть назад.

Габи заволновалась.

— Пару раз. Однажды даже провел двое суток в больнице.

— А тебе не кажется, что нужно было мне об этом сказать, перед тем как приглашать?

— Не хотел тебя пугать.

— Просто смотри на дорогу, ладно? И без фокусов.

— Ты хочешь, чтобы я выкинул какой-нибудь трюк?

— Нет!!!

— Отлично. Я буду просто наслаждаться ездой. — Тревис снова оглянулся. Несмотря на шлем, Габи готова была поклясться, что он подмигнул. — Самое главное — это довезти тебя живой и невредимой, держись крепче, хорошо?

Испугавшись собственных мыслей вслух, Габи снова почувствовала, что уменьшается, совсем как в тот раз, в клинике. Несмотря на ветер в лицо и рев мотора, Тревис расслышал ее слова. Бывали минуты, когда Габи начинала подозревать, что весь мир ополчился против нее.

Она слегка расслабилась, потому что в течение нескольких следующих минут Тревис молчал. Мотоцикл несся вперед. Габи наклонялась, когда наклонялся Тревис; еще несколько поворотов — и они уже мчались по маленькому мосту, отделяющему Бофор от Морхед-Сити. Шоссе сделалось двухполосным; как обычно в воскресенье, дорога была забита транспортом. Габи старалась подавить в себе чувство незащитности, пока они катили бок о бок с огромным мусоровозом.

Они достигли моста, пересекающего канал. Автомобили здесь ползли как улитки. Когда началось скоростное шоссе, которое делило Боуг-Бэнкс пополам, большая часть машин свернула на пляж, и Тревис принялся постепенно набирать скорость. Зажатая между двумя мини-вэнами, Габи слегка расслабилась. Они миновали коттеджи в лесистой местности, и она

почувствовала, как начинает припекать солнце.

Габи держалась за Тревиса и все время чувствовала его мускулы сквозь тонкую ткань рубашки. Невзирая на свои благие намерения, она начала осознавать всю силу влечения, которое испытывала к этому мужчине. Он сильно отличался от нее, но в присутствии Тревиса Габи осознавала возможность иной жизни. Жизни, которой она никогда не представляла для себя. Жизни без жестких рамок, которые всегда устанавливали для нее другие.

В сонной тишине они миновали один за другим маленькие городки — Атлантик-Бич, Пайн-Ноул-Шорс, Солтер-Пат. Слева, по большей части скрытые от глаз дубами, расстилались самые престижные участки земли в штате. Через несколько минут проехали Пароходный пирс. Потрепанный сотней штормов, теперь он стал излюбленным местом рыбаков.

Эмеральд-Айл, самой западной точке острова, Тревис нажал на тормоз, чтобы пропустить машину на повороте, и Габи буквально вцепилась в него. Ее руки случайно соскользнули с боков ему на живот. Девушка задумалась, замечает ли он, что их тела тесно прижаты друг к другу. Ей хотелось бы отстраниться, но она не смогла.

Происходило нечто, чего она не понимала. Габи думала, что любит Кевина и хочет выйти за него замуж, за последние два дня ее чувства ничуть не изменились. Но все-таки... она не могла отрицать, что проводить время с Тревисом очень приятно. Естественно и просто, именно так, как и должно быть. Невероятное противоречие. Пока они пересекали мост, направляясь в дальний конец острова, Габи пыталась размышлять об этом, а потом сдалась.

К ее удивлению, Тревис сбросил скорость и свернул на едва заметную узкоколейку, перпендикулярно отходящую от шоссе, которое скрывалось в лесу. Когда он остановился, Габи озадаченно осмотрелась.

— Почему мы остановились? — спросила она. — Это и есть место, которое ты хотел мне показать?

Тревис слез с мотоцикла, снял шлем и покачал головой:

— Нет, оно в Бофоре. Я подумал — может, ты захочешь немножко поездить сама.

— Я никогда не водила мотоцикл. — Габи скрестила руки на груди, не слезая, впрочем, с седла.

— Знаю. Именно поэтому я и спросил.

— По-моему, не стоит... — начала она.

— Да брось, это весело. Я сяду позади и ни за что не позволю тебе разбиться. Мои руки будут рядом с твоими, переключать скорости я буду

сам. Тебе нужно всего лишь рулить.

— Но это противозаконно.

— Формальность. И кстати, мы на частной дороге. Она ведет к дому моего дяди. Дальше начинается грунтовка. В той стороне живет только он один. Именно здесь я сам учился ездить.

Габи медлила, обуреваемая радостным волнением и страхом. Ее изумляло то, что она вообще думает о таком. Тревис вскинул руку:

— Честное слово, здесь не ездят машины. Нам никто не помешает. И я буду рядом.

— Это трудно?

— Нет. Просто нужно привыкнуть.

— Все равно что ездить на велосипеде?

— Что касается равновесия — да. Не волнуйся. Я здесь, поэтому все будет нормально. — Тревис улыбнулся. — Ты готова?

— Не очень. Но...

— Отлично. Давай по порядку. Начинай катиться вперед. На правой рукоятке — газ и передний тормоз. На левой — сцепление. Чем сильнее жмешь на газ, тем выше скорость. Ясно?

Габи кивнула.

— Правая нога находится над задним тормозом. Левой ногой переключаешь передачи.

— Как все просто.

— Правда?

— Нет. Просто я не хочу, чтобы ты чувствовал себя никудышным наставником.

Тревис подумал, что она заговорила как Стефани.

— Основной принцип тот же, что в автомобиле. Включаешь движок, выжимаешь сцепление, переключаешь передачу и снова движок. Я покажу. Только давай сядем потеснее. У меня не такие длинные ноги и руки, чтобы можно было дотянуться ими с багажника.

— Какой великолепный предлог.

— Это истинная правда. Готова?

— Боюсь до чертиков.

— То есть «да»? Ну-ка подвинься немного.

Габи подалась вперед, и Тревис сел. Надев шлем, он прижался к ней, чтобы дотянуться до руля. Невзирая на все его объяснения, Габи почувствовала, как в ней что-то дрогнуло. Легкий импульс в животе распространился по всему телу...

— Теперь положи свои руки на мои, — приказал Тревис. — И поставь

ноги поверх моих. Я хочу, чтобы ты чувствовала, что происходит. Нужно поймать ритм. Как только поймешь, то уже никогда не забудешь.

— Тебя тоже так учили?

— Нет. Мой приятель стоял на обочине и кричал, что нужно делать. В итоге я перепутал сцепление с тормозом и врезался в дерево. В частности, поэтому я хочу быть рядом с тобой во время первой попытки. — Он выжал сцепление и включил мотор; как только мотоцикл завелся. Габи ощутила тот же трепет, что и в первые мгновения полета на парасейле. Она положила свои руки поверх рук Тревиса и испытала подлинное облегчение.

— Готова?

— Считаю, что да.

— Не стискивай руль, ладно?

Он включил газ и медленно отпустил сцепление. Как только мотоцикл начал двигаться, Тревис оторвал ногу от земли. Габи легонько поставила ступню сверху.

Поначалу ехали медленно, Тревис постепенно набирал скорость, то притормаживал, то ускорялся, а затем переключил передачу и остановился. Они начали сначала. Тревис подробно объяснял, что именно он делает, и напоминал, что нельзя в панике жать на тормоза, иначе перелетишь через руль. Понемногу Габи начала вникать в суть. Выверенные движения его рук и ног имели нечто общее с игрой на фортепиано, и через несколько минут она даже стала предугадывать следующее действие Тревиса. И все равно он наставлял Габи до тех пор, пока эти движения не вошли в ее плоть и кровь.

Потом они поменялись местами. Теперь вела Габи. Тревис положил руки сверху, и весь процесс повторили с самого начала. Было не так просто, как казалось. Порой мотоцикл дергался или же она слишком сильно жала на тормоз, но Тревис оставался терпелив и ласков. Он ни разу не повысил голос, и Габи вдруг вспомнила, как он накануне обращался с малышами на пляже. Она вынуждена была признать, что это еще один плюс, не замеченный ею раньше.

Через пятнадцать минут тренировки Тревис перестал крепко держать руль, а потом и вовсе отпустил. Хотя Габи все еще чувствовала себя неловко, она начала увереннее набирать скорость и спокойнее жать на тормоз. Впервые, сидя на мотоцикле, она ощутила силу и свободу.

— Ты потрясающе справляешься, — восхитился Тревис.

— Здорово! — крикнула она, чувствуя легкое головокружение.

— Хочешь попробовать сама?

— Шутишь?!

— Нет.

Габи колебалась лишь мгновение.

— Да, — с восторгом подтвердила она. — Хочу.

Она остановила мотоцикл, и Тревис прыгнул. Когда он шагнул в сторону, Габи сделала глубокий вздох, стараясь не обращать внимания на бешеное сердцебиение, и нажала на газ. Через секунду она уже ехала по дороге. Она останавливалась и снова трогалась вперед — сама. К удивлению Тревиса, Габи развернулась, описав широкую дугу, и быстро поехала к нему. Сначала он подумал, что она потеряла контроль над мотоциклом, но Габи изящно остановилась в двух шагах. Не в силах скрыть широкую улыбку, она буквально лучилась энергией.

— Поверить не могу, что я это сделала!

— Ты молодчина.

— Видел, как я развернулась? Конечно, получилось очень медленно, но я справилась!

— Да, видел.

— Это потрясающе! Я понимаю, почему ты так любишь мотоциклы. Просто чудо.

— Рад, что тебе понравилось.

— Можно еще разок попробовать?

Тревис указал на дорогу:

— Пожалуйста.

Она долго ездила туда-сюда, и Тревис видел, что с каждым разом в Габи крепнет уверенность. Она выполняла повороты все легче и даже начала описывать круги. Когда Габи наконец остановилась перед ним, лицо у нее покраснелось. Она сняла шлем, и Тревис понял, что в жизни не видел ничего прекраснее.

— Я закончила, — заявила она. — Можешь садиться за руль.

— Уверена?

— Лучше раньше, чем позже. Не хотелось бы врезаться во что-нибудь и испортить впечатление.

Габи отодвинулась, Тревис занял свое место и почувствовал, как она обвивает его руками. Возвращаясь на шоссе, он с особой остротой ощущал прикосновение ее тела. Они выехали на трассу, сделали поворот, миновали Морхед-Сити и мост и, описав круг, вернулись в Бофор.

Через несколько минут проехали через исторический центр, минуя рестораны и причал, по пути к главной улице. Тревис наконец сбавил скорость и остановился на поросшей травой лужайке в конце квартала. С одной стороны стоял потрепанный дом в георгианском стиле — ему было

лет сто как минимум, — а с другой — его ровесник-«викторианец». Тревис выключил мотор и снял шлем.

— Приехали, — сказал он, ссаживая Габи с мотоцикла. — Вот что я хотел тебе показать.

Что-то в его тоне подсказало ей отнестись серьезно к этому месту, которое на первый взгляд было просто лужайкой. Несколько секунд Габи наблюдала за Тревисом. Тот молча шагнул вперед. Сунув руки в карманы, он смотрел по ту сторону дороги, в направлении Шеклфорд-Бэнкс. Сняв шлем и пригладив растрепанные волосы, Габи подошла к нему. Встав рядом, она поняла, что Тревис расскажет ей все, когда сам будет готов.

— По-моему, с этого места открывается самый удивительный вид на всем побережье, — наконец начал он. — Это не похоже на океанские виды, где вокруг только волны, вода до горизонта. Красиво, но потом начинаешь скучать, потому что картина все время одна и та же. А здесь всегда есть на что посмотреть. Парусники и яхты, которые заходят в гавань... а если приехать вечером, то можно увидеть толпы людей на набережной и послушать музыку. Я видел, как по каналу плывут морские черепахи и скаты, а особенно мне нравятся мустанги вон на том острове. Я видел их много раз, но все равно прихожу в восторг.

— Ты часто здесь бываешь?

— Дважды в неделю, наверное. Приезжаю сюда подумать.

— Уверена, соседи просто в восторге.

— Они ничего не могут поделать. Эта земля принадлежит мне.

— Правда?

— А почему ты так удивлена?

— Не знаю... Это звучит так... по-домашнему.

— Не поверишь, но у меня действительно есть дом.

— И по слухам, ужасная соседка.

— Ну да.

— Я просто хотела сказать, что если человек покупает землю, то, видимо, у него далекоидущие планы.

— А ты не считаешь меня таким человеком?

— Ну...

— Если хотела польстить, тебе не удалось...

Габи рассмеялась:

— Ты не перестаешь меня удивлять.

— В хорошем смысле?

— По-всякому.

— Как в тот раз, когда ты привезла Молли в клинику и узнала, что я

ветеринар?

— Я бы предпочла об этом не вспоминать.

Тревис усмехнулся.

— Тогда давай поедим.

Габи вернулась вслед за ним к мотоциклу. Взяв корзину и покрывало, Тревис отправился на небольшой склон в дальнем конце участка, расставил принадлежности для пикника и жестом пригласил Габи сесть. Когда оба устроились поудобнее, он принялся открывать пакеты. Достав две бутылки холодного чая с клубникой, Тревис протянул одну из них Габи.

— Что у нас в меню? — спросила она.

Тревис начал указывать на разные свертки:

— Три сорта сыра, печенье, оливки и виноград. Скорее легкая закуска, нежели ленч.

— По-моему, прекрасно. — Габи потянулась за печеньем и отрезала кусочек сыра. — Здесь ведь когда-то жили люди? — Увидев удивление на лице Тревиса, она указала на соседние дома. — Вряд ли это место пустовало сто пятьдесят лет.

— Ты права, — ответил он. — Дом сгорел, когда я был мальчишкой. Конечно, Бофор и сейчас маленький город но в пору моего детства он был не более чем пятнышком на карте. Большинство старинных домов пришли в аварийное состояние, а тот, что был здесь, и вообще простоял заброшенным много лет. Большое ветхое здание с огромными дырами в крыше, и, по слухам, в нем водились привидения. Разумеется, в детстве этот дом нас невероятно привлекал. Мы любили лазить сюда по вечерам. Это была вроде как крепость, и мы часами играли по комнатам в прятки. Здесь были сотни прекрасных потайных местечек. — Тревис рассеянно выдернул несколько травинок, собираясь с мыслями. — Однажды зимой какие-то бродяги развели в доме огонь, чтобы согреться. Дом вспыхнул за считанные минуты, и на следующий день мы обнаружили только тлеющие бревна. Но главное, никто понятия не имел, как связаться с владельцем. Прежний хозяин умер и оставил дом сыну. Сын тоже умер и оставил дом кому-то третьему, и так далее. В общем, груда мусора лежала около года, пока городские власти не пригнали сюда бульдозер. Потом о доме все позабыли, пока я наконец не разыскал его владельца в Нью-Мексико и не сделал ему чрезвычайно выгодное предложение. Он немедленно согласился. Сомневаюсь, что он вообще когда-либо бывал здесь. Полагаю, этот тип просто не знал, от чего отказывается.

— И ты собираешься построить здесь дом?

— Во всяком случае, таковы мои далеко идущие планы, учитывая, что

я сущий домосед и все такое. — Тревис взял оливку и сунул в рот. — Не хочешь рассказать мне о своем парне?

Габи немедленно вспомнила свой недавний разговор с Кевином.

— А почему вдруг он тебя заинтересовал?

— Я всего лишь поддерживаю беседу.

Она тоже потянулась за оливками.

— Тогда давай лучше поговорим о какой-нибудь из твоих предыдущих девушек.

— О которой?

— О любой.

— Ну ладно. Одна из них подарила мне несколько киноафиш.

— Она была красивая?

Тревис задумался.

— Многие сказали бы, что да.

— А что бы сказал ты?

— Что... ты права. Наверное, не стоит об этом говорить.

Габи засмеялась.

— Между прочим, отличные оливки. Все, что ты привез, очень вкусно.

Тревис положил на печенье кусочек сыра.

— Когда приезжает твой парень?

— Мы снова об этом заговорили?

— Всего лишь беспокоюсь о тебе. Не хочу создавать тебе проблему.

— Спасибо за заботу, но я уже взрослая. Не то чтобы это имело какое-то значение, но Кевин приезжает в среду. А что?

— Ну, в последние два дня я наслаждался твоим обществом.

— А я твоим.

— Ты расстроена, что веселье подходит к концу?

— Ему вовсе не обязательно подходить к концу. Мы ведь остаемся соседями.

— И разумеется, твой парень не будет возражать, если я снова позову тебя покататься на мотоцикле, или приглашу на пикник, или предложу залезть в ванну?

Ответ был очевиден, и Габи посерьезнела.

— Думаю, он не особенно обрадуется...

— Значит, веселью конец.

— Мы по-прежнему можем быть друзьями.

Тревис взглянул на нее, а потом вдруг схватился за грудь, точно подстреленный.

— Да уж, ты знаешь, как ранить мужчину.

— О чем ты?

Он покачал головой:

— Для мужчин и женщин нашего возраста такой вещи, как дружба, не существует. Дружить просто не получается, если только речь не о человеке, которого ты знаешь с детства. И уж точно это не срабатывает с посторонними.

Габи открыла рот, чтобы ответить, но возразить, в общем, было нечего.

— И потом, — продолжал Тревис, — я не уверен, что хочу дружеских отношений.

— Почему?

— Потому что скорее всего пожелаю большего.

Габи снова промолчала.

Тревис смотрел на нее, не в силах разгадать выражение ее лица. Наконец он пожал плечами:

— Я сомневаюсь, что и ты захочешь со мной «дружить». Это плохо отразится на твоих отношениях с Кевином, поскольку, несомненно, в конце концов ты влюбишься в меня и сделаешь то, о чем потом пожалеешь. А тогда ты начнешь меня винить и, возможно, уедешь из Бофора, потому что будешь чувствовать себя неловко.

— Все так мрачно?

— Обаяние — мое проклятие.

— Похоже, ты уже все просчитал.

— Да.

— Кроме того факта, что я вовсе не обязана в тебя влюбляться.

— А ты не представляешь такого варианта?

— У меня есть парень.

— И ты собираешься за него замуж?

— Как только он предложит. Именно поэтому я сюда переехала.

— А почему он не предложил до сих пор?

— Не твое дело. Почему ты такой любопытный?

— Потому что на его месте, — ответил Тревис, не сводя с нее глаз, — если бы ты переехала, чтобы быть рядом со мной, я бы немедленно сделал тебе предложение.

Что-то в его голосе свидетельствовало о том, что он говорит серьезно, Габи отвернулась. Потом негромко сказала:

— Давай ничего не будем портить, хорошо?

— Портить что?

— Этот день. Сегодня. Вчера. И так далее. Давай не будем этого портить.

— Не понимаю, о чем ты.

Габи глубоко вздохнула.

— Эти два дня многое для меня значат. Я наконец почувствовала, что нашла друга. Даже двух. До сих пор я не понимала, как сильно мне недостает друзей. Но ты и твоя сестра напомнили мне, чего я лишилась, когда переехала сюда. То есть я знала, что делаю, и я не жалею о своем решении. Хочешь — верь, хочешь — нет, но я действительно люблю Кевина. — Габи помолчала, собираясь с мыслями. — Иногда это трудно. Такие дни, как сегодня, скорее всего больше никогда не повторятся, и отчасти я уже смирилась. Из-за Кевина. Но с другой стороны, мне не хочется верить, что такое бывает только раз, пусть даже мы оба это знаем. Когда ты говоришь что-нибудь, а я знаю, что это не всерьез, пережитое как будто обесценивается...

Тревис внимательно слушал. В голосе Габи звучала энергия, которой она не выказывала раньше. И хотя Тревис знал, что нужно просто кивнуть и извиниться, он не удержался от ответа.

— Почему ты уверена, что я не всерьез? — возразил он. — Я готов ответить за каждое слово. Но понимаю, что тебе неприятно это слышать. Поэтому скажем так: я надеюсь, твой парень понимает, как ему повезло. Если нет, то он дурак. Прости, если смутил тебя. Больше не буду. — Тревис улыбнулся. — Но один раз я должен был высказаться.

Габи отвела взгляд. Ей было приятно, что Тревис возразил. Тот отвернулся к воде, позволяя Габи помолчать. В отличие от Кевина он как будто всегда знал, что сказать.

— Наверное, пора возвращаться, — предложил Тревис. — Думаю, нужно посмотреть, как там Молли.

— Да, — согласилась Габи. — Ты прав.

Они упаковали остатки еды и вернулись к мотоциклу. Глядя, как люди толпами шагают в кафе на ленч, Габи позавидовала простоте их выбора.

Тревис пристегнул корзинку и покрывало, надел шлем, Габи последовала его примеру, и уже через несколько мгновений они тронулись в путь. Она крепко держалась за него, тщетно пытаясь убедить себя, что Тревис говорил точно такие же слова десяткам женщин в прошлом.

Они вкатили в проулок, и мотоцикл остановился. Габи слезла и сняла шлем; стоя перед Тревисом, она ощутила неловкость, которую не испытывала со времен школы, и это казалось просто нелепым. Показалось, что он снова собирается ее поцеловать.

— Спасибо за прогулку, — улыбнулась Габи, стараясь соблюдать дистанцию. — И за урок вождения.

— Не стоит благодарности. Ты прирожденный байкер. Возможно, тебе действительно стоило бы купить мотоцикл.

— Может быть.

Габи слышала, как в тишине потрескивает мотор. Она протянула Тревису шлем. Он положил его на сиденье.

— Увидимся.

— Разумеется, мы ведь соседи и все такое.

— Хочешь, чтобы я проведаль Молли?

— Не стоит. Уверена, все в порядке.

Тревис кивнул.

— Слушай, мне действительно стыдно насчет того, что я сказал. Не следует совать нос в чужие дела. Прости, если я смутил тебя.

— Никаких проблем. Все в порядке.

— Ну да, конечно.

Габи пожала плечами.

— Если ты лгал, то почему бы и мне не сделать то же самое?

Невзирая на напряжение, Тревис рассмеялся.

— Позвони, если твой парень не придет.

— Хорошо.

— На этой высокой ноте я, наверное, откланяюсь. — Тревис принялся, пятясь, разворачивать мотоцикл, чтобы выехать из проулка. Он уже собирался запустить мотор, а потом снова взглянул на Габи. — Не поужинаешь со мной завтра вечером?

Та скрестила руки на груди.

— Поверить не могу, что ты мне это предлагаешь.

— Мужчина должен ловить момент. Таков мой девиз.

— Я уже поняла.

— Так да или нет?

Габи отступила назад и вдруг поймала себя на том, что рада его настойчивости.

— Может быть, лучше я угощу тебя ужином? У меня дома. В семь.

— Прекрасно, — просиял Тревис.

Секунду спустя она уже стояла на лужайке одна и размышляла, не сошла ли, случайно, с ума...

Солнце пекло немилосердно, а вода из шланга была ледяной, и Тревис с большим трудом удерживал Моби на месте. Короткий поводок не особенно помогал: пес ненавидел мыться. Тревиса это удивляло, потому что его любимец обожал приносить мячик, брошенный в море. Моби прорывался сквозь волны, шлепал по воде и без малейшего колебания нырял, чтобы поудобнее ухватить ускользающую игрушку. Но стоило ему заметить, что Тревис достает поводок, как Моби при первой же возможности удирал и часами рыскал по округе, возвращаясь лишь затемно.

Тревис привык к таким выходкам — именно поэтому он прятал поводок до последней секунды, а потом пристегивал его к ошейнику, прежде чем Моби успевал опомниться. Тот смотрел на него укоризненно — «почему-ты-так-жесток-со-мной», но Тревис лишь качал головой и вел грязнулю на задний двор.

— И не ворчи. Никто не заставлял тебя кататься в тухлой рыбе, ведь так?

Моби обожал валяться на рыбьих потрохах — чем зловоннее, тем лучше. Когда Тревис загонял мотоцикл в гараж, Моби, крайне довольный собой, весело зарысил к хозяину, свесив язык. Тревис улыбнулся, но лишь на мгновение. Потом его носа достигла жуткая вонь, и он заметил остатки рыбьих кишок, прилипшие к бокам боксера. Осторожно потрепав пса по загривку, зашел в дом, чтобы переодеться в шорты и сунуть в задний карман поводок.

На заднем дворе Моби, привязанный к перилам крыльца, принялся метаться из стороны в сторону, тщетно пытаясь избежать мытья.

— Это всего лишь вода, дурачок, — упрекнул его Тревис. Он прилежно поливал Моби из шланга в течение пяти минут, не решаясь прибегнуть к шампуню прежде, чем будут смыты все... останки. Ну и гадость эти рыбьи кишки.

Моби скулил и продолжал приплясывать, натягивая поводок. Наконец Тревис отложил шланг и вылил на спину пса треть флакона. Он несколько минут тер его, потом понюхал и сморщился. Процесс пришлось повторить дважды, и в итоге Моби пришел в полнейшее отчаяние. Он в упор смотрел на хозяина, и скорбное выражение на его морде гласило: «Разве ты не понимаешь, что я вывалялся в рыбьих кишках из любви к тебе?»

Удовлетворившись результатом, Тревис отвел Моби на веранду и снова привязал. Он знал, что если отпустить пса сразу после купания, тот немедленно вернется на место преступления. Оставалось лишь держать его на поводке до тех пор, пока Моби не позабудет о рыбе. Боксер отряхнулся, убедился, что привязан, и с ворчанием улегся.

Потом Тревис подстриг газон. В отличие от большинства соседей, использовавших машинки для стрижки газона, Тревис по старинке пользовался косилкой, которую нужно было толкать перед собой. Это занимало чуть больше времени, зато было отличным упражнением. Вдобавок Тревис считал, что мерная ходьба туда-сюда по-настоящему расслабляет. За работой он то и дело посматривал в сторону дома Габи.

Несколько минут назад он видел, как она вышла из гаража и села в машину. Если Габи заметила Тревиса, то не подала виду. Она поехала в сторону города.

Он еще не встречал никого похожего на нее. И вот Габи пригласила его на ужин. Тревис не знал, как это понимать, и ломал голову с тех самых пор, как подвез девушку домой. Скорее всего он просто пробил брешь в ее обороне. Господь свидетель, он готовил почву с первой же минуты знакомства, но теперь Тревис сожалел о том, что ему не достало тонкости. Он спокойнее отнесся бы к приглашению на ужин, если бы знал, что сам не вынудил на это Габи.

Подобные мысли были для него внове. Но опять-таки Тревис не помнил, когда в последний раз так наслаждался жизнью в обществе женщины. В присутствии Габи он смеялся куда чаще, чем с Моникой, Джолин, Сарой или любой из прежних подружек. «Ищи женщину с чувством юмора» — таков был совет, который дал Тревису отец, когда тот начал всерьез ходить на свидания. Тревис наконец понял его. Если разговоры были словами песни, то смех — ее мелодией; время, проведенное вдвоем, превращалось в музыку, которую можно было проигрывать вновь и вновь, не утрачивая интереса.

Закончив стричь газон, он потащил косилку в сарай, отметив по пути, что Габи еще не вернулась. Она оставила дверь гаража приоткрытой. Молли вышла во двор, затем развернулась и затрусила обратно.

Вернувшись на кухню, Тревис одним глотком выпил стакан ледяного чая. Хоть и не следовало этого делать, он позволил себе задуматься о Кевине. Интересно, не знаком ли он, случайно, с этим парнем? Странно, что Габи так мало рассказывает о нем. Она даже не сразу назвала его по имени. Было бы легко списать все на чувство вины, если бы не то, что Габи пресекала разговоры на эту тему с самого начала. Интересно, что за

человек Кевин и каким образом он внушил Габи любовь? Перед мысленным взором Тревиса поплыли стереотипы: атлет? «ботаник»? нечто среднее? Он понимал, что вряд ли...

Тревис решил, что нужно отогнать катер в гавань, а потом принять душ и собраться. Он взял ключи и отвязал Моби. Тот помчался к воде. Остановившись на краю причала, Тревис сказал:

— Можно. Залезай.

Моби запрыгнул в катер, бешено виляя хвостом. Тревис последовал за ним. Через минуту они уже плыли вниз по реке, оставляя за кормой длинный след. Минувя дом Габи, Тревис взглянул на ее окна и снова подумал о предстоящем ужине и о том, что может случиться. Он впервые, невзирая на весь свой опыт общения с женщинами, боялся сделать что-нибудь не так.

Габи заехала на переполненную парковку у магазина. В воскресенье здесь всегда было полно машин, так что в итоге пришлось встать в дальнем конце. Габи задумалась, отчего она вообще не прогулялась до магазина пешком.

Прихватив сумочку, вылезла из машины, взяла тележку и вошла.

Габи видела, как Тревис стриг газон, но не стала показывать, что обратила на него внимание. Ей хотелось держать ситуацию под контролем. Маленький упорядоченный мирок, который она создала, разлетелся в мгновение ока, и Габи нужно было время, чтобы вновь обрести спокойствие.

Она направилась в овощной отдел, взяла бобы и все необходимое для салата, потом прихватила упаковку спагетти и гренки. Вспомнив, что Тревис предпочитает птицу, бросила в тележку упаковку цыплячьих грудок и решила, что бутылка «Шардонне» придется к ним в самый раз. Габи не была уверена, любит ли Тревис вино — отчего-то она в этом сомневалась, — но ей показалось, что идея неплохая. Она изучила скудный ассортимент в поисках спиртного, которое было бы ей знакомо.

Очередь была длинная и двигалась медленно, но наконец Габи вернулась к машине. Заглянув в зеркальце заднего вида, мельком увидела свое отражение и на секунду задержалась, рассматривая себя как бы со стороны.

Сколько времени прошло с тех пор, как ее целовал кто-то, кроме Кевина? Как бы Габи ни старалась забыть этот маленький инцидент, мысленно она снова и снова возвращалась к своей тайне.

Ее влекло к Тревису, Габи не могла обманывать себя. Не только потому, что он был красив. И даже не потому, что он заставил ее

почувствовать себя желанной. Дело было, скорее, в природной широте его души и в том, что Тревис позволил ей вкусить свободы. В том, что он вел удивительный образ жизни. Габи никогда не встречала никого похожего на Тревиса. Большинство ее приятелей — и уж точно все ученики фельдшерской школы — жили, как бы поднимаясь по ступеням. Прилежно учись, найди работу, заведи семью, купи дом, роди детей — и лишь вчера Габи осознала, что ничем от них не отличается. В сравнении с жизненными устремлениями Тревиса и местами, где он побывал, ее существование казалось таким... банальным.

Но стала бы она что-то менять, даже если бы могла? Габи сомневалась. Воспитание сделало ее такой, и Кевина тоже. Она ни о чем не жалела. И все-таки, включая зажигание, Габи понимала, что ее волнует другой вопрос. Она стояла перед выбором: что дальше?

Никогда не поздно все изменить. Эта мысль пугала ее и приводила в приятное волнение. Через несколько минут Габи ехала в Морхед-Сити, чувствуя себя так, как будто ей предоставили шанс начать все сначала.

* * *

Солнце уже клонилось к закату, когда Габи вернулась домой. Она заметила, что Молли лежит в высокой траве, наострив уши и виляя хвостом. Собака затрусилась к хозяйке, едва та открыла заднюю дверь, и лизнула ей руку.

— Кажется, ты совсем оправилась, — улыбнулась Габи. — Как поживают малыши?

Словно уловив намек, Молли направилась в гараж.

Габи вытащила покупки, отнесла их в дом и разложила на столе. Поездка затянулась, но у нее еще было достаточно времени, чтобы все приготовить. Габи поставила на плиту кастрюлю с водой, порезала помидоры, латук и огурцы для салата, потом смешала все ингредиенты, добавив немного сыра и оливок (точно таких же, какими Тревис угощал ее накануне).

Она выложила в кастрюлю пасту, распаковала цыплячьи грудки и принялась жарить их в оливковом масле, одновременно сожалея, что не в силах приготовить ничего более изысканного. Габи добавила перца и прочих специй, но в конце процесса блюдо выглядело таким же скучным, как и в начале. Ну и ладно. Она включила духовку, подлила немного бульона к грудкам и поставила все внутрь, надеясь, что жидкость не

позволит мясу пересушиться.

Поднявшись в спальню, Габи достала вещи из шкафа и отправилась в душ. Стоять под горячей водой было настоящим наслаждением. Она побрила ноги, приказывая себе не спешить, чтобы не порезаться, вымыла голову и наконец вышла из ванной.

На кровати лежали новые джинсы и вышитая бисером блузка с глубоким вырезом. Габи тщательно подбирала наряд на сегодняшний вечер, не желая показаться ни чересчур чопорной, ни небрежной. И решила, что джинсы — идеальный вариант. Она оделась, застегнула новые сандалии и надела длинные серьги. Встав перед большим зеркалом, Габи повертелась. Собственный облик ей нравился.

Поскольку времени оставалось немного, она расставила в гостиной несколько подсвечников и уже наносила последние штрихи, когда в дверь постучали. Габи выпрямилась и попыталась успокоиться, а потом пошла открывать.

Как только щелкнул замок, Молли подошла к Тревису, и тот почесал ей за ухом. Он чувствовал, что не в силах развернуться и уйти. И заговорить — тоже. Он молча уставился на Габи, стараясь совладать с бурей эмоций, поднявшейся в душе.

Габи улыбнулась очевидному замешательству соседа.

— Заходи, — пригласила она. — Я уже почти все приготовила.

Тревис последовал за ней в гостиную, стараясь не пялиться на Габи во все глаза.

— Как раз собиралась открыть вино. Хочешь?

— Конечно.

Габи пошла на кухню за открывалкой; Тревис шагнул к ней:

— Позволь...

— Конечно. Я обычно только крошу пробку. Терпеть не могу, когда кусочки плавают в бокале.

Габи достала из буфета два бокала и поставила их на стол. Тревис изучал ярлычок, изображая повышенный интерес и пытаясь успокоиться.

— Никогда прежде его не пробовал. Хорошее вино?

— Понятия не имею.

— Значит, оба попробуем. — Он протянул ей наполненный бокал, пытаясь разгадать выражение ее лица.

— Я не знала, что именно ты захочешь на ужин, — сказала Габи, — а потом вспомнила, что ты любишь птицу. Впрочем, должна тебя предупредить, до шеф-повара мне далеко.

— Уверен, все, что ты приготовишь, будет вкусно. Я не настолько

придирчив.

— Без особых изысков, да?

— Да.

— Ты голоден? — Она улыбнулась. — Тогда подожди две минутки, я разогрею...

Тревис подумал, а потом облокотился на стол.

— Может быть, немного подождем? Я бы сначала хотел насладиться вином.

Габи кивнула.

— Давай посидим на веранде.

— С удовольствием.

Они устроились в креслах-качалках, которые Габи поставила около двери. Она отхлебнула вина, радуясь тому, что оно успокаивает ей нервы.

— Отсюда хороший вид, — произнес Тревис, энергично раскачиваясь взад-вперед. — Почти такой же, как у меня.

Габи засмеялась и ощутила небольшое облегчение.

— К сожалению, я еще не научилась наслаждаться им также, как ты.

— Такое под силу немногим. В наши дни это что-то вроде забытого искусства, даже на Юге. Наблюдать за тем как течет река, — все равно что нюхать розы.

— Должно быть, это возможно только в провинции, — предположила Габи.

Тревис с интересом взглянул на нее.

— Скажи честно, тебе нравится жить в Бофоре? — спросил он.

— Есть свои плюсы.

— Говорят, у тебя ужасные соседи.

— Я пока знакома только с одним.

— И?..

— У него привычка задавать некорректные вопросы. Тревис ухмыльнулся. Ему нравилось, что Габи подыгрывает.

— Да, мне нравится тут жить, — продолжала она. — Приятно, что практически куда угодно можно добраться за несколько минут. Здесь красиво. И наверное, я начинаю получать удовольствие от размеренной жизни.

— Ты говоришь так, как будто Саванна — мегаполис вроде Нью-Йорка или Парижа.

— Нет. — Габи посмотрела на Тревиса. — Но она, во всяком случае, ближе к Нью-Йорку, чем Бофор. Ты когда-нибудь был в Нью-Йорке?

— Один день, и мне хватило.

— Ха-ха. Если хочешь пошутить, придумай что-нибудь пооригинальнее.

— Неохота стараться.

— Ну конечно, ты ведь не любишь напрягаться.

— И ты уже успела в этом убедиться, да? — Тревис откинулся на спинку кресла. Олицетворение покоя. — Скажи откровенно, ты не собираешься отсюда уезжать?

Габи отхлебнула вина, прежде чем ответить.

— Вряд ли, — сказала она. — Но есть... По-моему, Саванна — прекрасное место. Один из самых красивых городов на Юге. Там прекрасные скверы, буквально в каждом квартале, а старые дома просто потрясающие. Когда я была маленькая, то воображала, что живу в одном из них. Я долго мечтала об этом...

Тревис молчал, ожидая продолжения. Габи пожала плечами.

— Но с возрастом я начала понимать, что это скорее мамина мечта, чем моя. Она всегда хотела жить в старинном доме и буквально изводила папу, как только нечто подобное выставляли на продажу. Папа хорошо зарабатывал, конечно, но его всегда раздражало то, что он не может позволить себе по-настоящему роскошный дом. Со временем мне это наскучило. — Она помолчала. — Во всяком случае, мне хотелось чего-то другого. В итоге я поступила в колледж, потом в фельдшерскую школу, затем встретила Кевина. И вот я здесь.

Было слышно, как Моби яростно лает вдалеке и скребет когтями по стволу дерева. Взглянув на огромный дуб неподалеку от изгороди, Тревис заметил белку. Моби, хоть его и не было видно, наверняка описывал круги под деревом. Должно быть, белка каким-то чудом вывернулась из пасти. Увидев, что Габи повернулась на звук, Тревис указал бокалом в сторону пса:

— Обожают охотиться на белок. По-моему, это цель его жизни.

— Да, многие собаки любят охотиться.

— А Молли?

— Нет. Хозяйка с ней строга. Эту проблему мы решили, прежде чем она успела выйти из-под контроля.

— Вижу, — с шутливой серьезностью отозвался Тревис.

Закат разворачивался над водой во всей своей красе. Через час река должна была окраситься золотом, а сейчас вода сделалась темной, таинственной. Тревис видел, как над растущими вдоль берега кипарисами парит скопа. Мимо медленно проплыла моторка, нагруженная рыбачьими снастями. Лодку вел старик — судя по всему, годившийся Тревису в

дедушки. Он помахал рукой, и Тревис ответил тем же, а потом снова отхлебнул вина.

— После всего, что я услышал, мне интересно, собираешься ли ты и дальше жить в Бофоре.

Габи задумалась над ответом, ощутив, что это не просто любопытство.

— Зависит от разных вещей, — наконец уклончиво сказала она. — Здесь не так уж интересно, но, с другой стороны, Бофор — неплохое место, чтобы вырастить детей.

— Это так важно?

Она с вызовом обернулась к нему:

— Разве может быть что-нибудь важнее?

— Нет, — охотно согласился Тревис. — И я — живое тому подтверждение. Бофор — это место, где бейсбольные матчи Малой лиги вызывают больше оживления, чем суперкубок. Мне приятно думать, что я буду растить детей там, где их познания будут ограничены маленьким мирком, в котором они живут. В детстве я думал, что Бофор — самое скучное место на свете, но теперь понимаю, что как следствие всякое увлекательное событие казалось приятнее вдвойне. Я не знал пресыщения в отличие от детей из больших городов. Помню, как мы с отцом каждую субботу по утрам ходили на рыбалку, и хотя папа был, наверное, худшим рыбаком на свете, я невероятно радовался. Теперь понимаю, что папа старался проводить со мной побольше времени. Просто выразить не могу, как я ему благодарен. И хочется верить, что однажды мои дети переживут нечто подобное.

— Приятно слышать, как ты это говоришь, — сказала Габи. — Большинство людей думают совсем иначе.

— Просто мне нравится Бофор.

— Я имею в виду другое, — улыбаясь, ответила она. — То, как ты собираешься воспитывать детей. Похоже, ты много об этом думал.

— Да, — признался Тревис.

— Ты постоянно меня удивляешь.

— Правда?

— Да. Чем больше я тебя узнаю, тем сильнее ты поражаешь меня своей невероятной уравновешенностью.

— Я мог бы сказать то же самое о тебе, — заметил Тревис. — Может, поэтому мы так хорошо ладим.

Габи взглянула на него, ощутив некоторую неловкость.

— Пойдем ужинать?

Он сглотнул, надеясь, что сумел скрыть свои чувства, и с трудом

проговорил:

— Конечно.

Забрав бокалы, они вернулись на кухню. Габи усадила Тревиса за стол, а сама принялась накрывать. Наблюдая за тем, как она двигается, он чувствовал невероятное умиротворение. Он был счастлив.

За ужином он съел две порции цыпленка с зелеными бобами и пастой и рассыпался в благодарностях до тех пор, пока Габи не захихикала и не попросила его прекратить. Тревис продолжал расспрашивать ее о детстве, проведенном в Саванне, и Габи, наконец сдавшись, рассказала ему несколько историй, которые рассмешили обоих. Тем временем небо сначала посерело, затем почернело. Свечи почти догорели; Тревис и Габи разлили по бокалам остатки вина. Каждый сознавал, что сидит за столом с человеком, который способен изменить течение его жизни навсегда, если не поостеречься.

После ужина Тревис помог Габи прибраться, и они уселись на кушетку, попивая вино и делясь воспоминаниями. Габи пыталась вообразить Тревиса подростком и гадала, что бы она думала о нем, если бы они познакомились в старшей школе или в колледже.

Потом Тревис понемногу придвинулся ближе и как бы случайно дружески обнял Габи. Та прислонилась к нему; ей было уютно, она с удовольствием наблюдала за игрой серебристого лунного света, который пробивался меж облаков.

— О чем ты думаешь? — спросил Тревис, прерывая довольно длительное, но приятное молчание.

— О том, как замечательно прошли выходные. — Габи взглянула на него. — Как будто мы знаем друг друга всю жизнь.

— Значит, некоторые мои истории скучные?

— Ты себя недооцениваешь, — поддразнила Габи. — Чуть ли не все твои истории скучные.

Он засмеялся и притянул ее ближе:

— Чем лучше мы узнаем друг друга, тем сильнее ты меня удивляешь. Мне нравится.

— А для чего еще нужны соседи?

— Я по-прежнему для тебя всего лишь сосед?

Габи отвела взгляд.

Тревис продолжал:

— Знаю, тебе неловко, но я не могу уйти, не сказав, что оставаться «просто соседом» для меня мало.

— Тревис...

— Позволь мне закончить, ладно? Сегодня, когда мы разговаривали, ты сказала, как тебе не хватает друзей. Я думал об этом все время, пусть даже и не совсем в том ключе, как ты, наверное, представляешь. Я понял, что, пусть даже у меня есть друзья, мне недостает того, что есть у них у всех. Лэрд и Элисон, Джо и Меган, Мэтт и Лиз... у каждого кто-то рядом. В моей жизни такого нет. Пока ты не появилась, я даже не был уверен, что хочу этого. Но теперь...

Габи теребила бусины на блузке, разум подсказывал ей, что не надо слушать — и все же ей было приятно.

— Я не хочу тебя терять, Габи. Не могу себе представить, что утром ты сядешь в машину и сделаешь вид, будто между нами ничего нет. Не могу представить, что мы больше не будем сидеть здесь, на кушетке, как сейчас. — Тревис сглотнул. — Не могу представить, что я однажды полюблю другую.

Габи не поверила своим ушам, но, увидев, как Тревис смотрит на нее, поняла — он не шутит. И тогда последнее кольцо обороны пало; Габи поняла, что влюблена.

Начали бить часы. На стенах отражался отблеск свечей, по комнате метались тени. Тревис чувствовал, как грудь Габи легонько поднимается и опускается в такт дыханию. Они продолжали смотреть друг на друга, и ни один не в силах был прервать молчание. Зазвонил телефон. Тревис отвернулся. Габи взяла мобильный и ответила бесстрастным голосом:

— Привет. Как поживаешь? Не очень... Ну да... У меня были кое-какие дела... А что там у вас?

Она прислушивалась к голосу Кевина и страдала от чувства вины. Но машинально Габи потянулась и положила руку Тревису на бедро. Он не шелохнулся, не издал ни звука; она почувствовала, как напряглись его мышцы под тканью джинсов.

— Потрясающе. Поздравляю. Я рада, что ты выиграл... наверное, было весело... Кто? Я? Да ничего особенного...

Габи разрывалась, слушая Кевина и сидя так близко от Тревиса. Она пыталась сосредоточиться и не могла. Ситуация казалась нереальной.

— Сочувствую... да, я тоже обгорела... ну да... ну да... я думала о поездке в Майами, но до конца года у меня не будет отпуска. Может быть... не знаю.

Она убрала руку с бедра Тревиса и откинулась на спинку кушетки, пытаюсь говорить ровно. Зачем она взяла трубку? Зачем Кевин позвонил? Габи смущалась все сильнее.

— Посмотрим, ладно? Обо всем поговорим, когда вернешься... Нет,

ничего не случилось. Наверное, просто устала. Ни о чем не беспокойся. У меня был нелегкий день.

Это была не ложь, но и не правда. Габи почувствовала себя еще хуже. Тревис уставился в пол — делал вид, что не слушает.

— Да... Хорошо... Ну да... я буду дома... хорошо... я тоже. Удачи тебе завтра. Пока.

Габи на мгновение как будто погрузилась в свои мысли, а потом наклонилась и положила телефон на стол. Тревис молчал.

— Это был Кевин, — наконец okazала она.

— Я понял.

— Сегодня он выиграл турнир по гольфу.

— Прекрасно.

Снова повисло молчание.

— Я хочу на свежий воздух, — произнесла Габи и поднялась с кушетки. Подошла к стеклянной двери и шагнула на веранду.

Тревис наблюдал за ней и раздумывал, выйти или оставить ее в одиночестве. Ему был виден смутный силуэт Габи, та стояла, облокотясь о перила. Тревис решил присоединиться к ней, пусть даже она намекнет, что ему следует уйти. Хотя эта мысль его пугала.

Он вышел и встал рядом. В лунном свете кожа Габи отливала жемчугом, глаза сияли.

— Прости, — сказал Тревис.

— Тебе не за что извиняться. — Габи натянуто улыбнулась. — Это моя вина, а не твоя. Я знала, во что ввязываюсь.

Она чувствовала, что Тревис жаждет к ней прикоснуться, но не могла понять, хочет ли этого сама. Габи понимала, что нужно сделать выбор, нужно уйти, — и не в силах была избавиться от чар, которые наложило на нее признание Тревиса. Как нелепо. Чтобы влюбиться, нужно время. Два дня — это даже не смешно. И все-таки, невзирая на ее чувства к Кевину, это случилось. Габи чувствовала, как нервничает Тревис. Он подкрепил свои силы последним глотком вина.

— Ты действительно серьезно сказал... то, что сказал? — очень тихо спросила Габи. — Насчет семьи?

— Да.

— Я рада, — ответила она. — Думаю, из тебя получится прекрасный отец. Вчера я подумала именно об этом, когда увидела тебя с детьми. Ты держался так естественно...

— Натренировался на щенках.

Габи невольно рассмеялась и подошла чуть ближе; когда Тревис

обернулся, она обвила руками его шею. Внутренний голос предостерегал ее, твердил, что еще не поздно отказаться... Но она ничего не могла изменить.

— Может, и так, но мне показалось, что это было очень сексуально, — шепнула Габи.

Тревис притянул девушку к себе, заметив, как уютно прильнуло к нему ее тело. Он чувствовал аромат жасмина — аромат ее духов. Когда они стояли, держа друг друга в объятиях, к нему как будто вернулся рассудок. Тревис чувствовал себя так, будто проделал долгое путешествие и лишь в самом конце осознал, что Габи — его цель. Он прошептал ей на ухо:

— Я люблю тебя, Габи Холланд. — Никогда в жизни Тревис не был так уверен в собственных словах.

— Я тоже тебя люблю, Тревис Паркер, — шепнула она. Обнимая Тревиса, Габи знала, что не хочет ничего иного, кроме того, что происходит сейчас. Все сожаления и запреты исчезли.

Он поцеловал ее, потом снова и снова, неторопливо исследуя шею и ключицы, и наконец они встретились губами. Она провела руками по его груди и плечам, ощутив, какие они сильные. Когда Тревис запустил пальцы в ее волосы, Габи задрожала. Она поняла, что всю жизнь ждала именно этого вечера.

Они долго целовались на веранде. Наконец она отступила, взяла Тревиса за руку и повела в дом, минуя гостиную, — в спальню. Габи жестом указала на постель, а когда Тревис лег, зажгла свечи. Комната, поначалу темная, озарилась мерцающим сиянием. Габи буквально купалась в золотом свете. Тени подчеркивали каждое ее движение.

Тревис наблюдал за тем, как она сняла блузку. Грудь Габи натягивала атласную ткань бюстгалтера. Она медленно опустила руки и принялась расстегивать джинсы, а в следующее мгновение скомканная одежда упала к ее ногам.

Тревис точно зачарованный следил, как Габи движется к нему. Она игриво опрокинула его на спину и начала расстегивать рубашку. Когда Тревис высвободил руки из рукавов, взялась за «молнию» джинсов. Он ощущал жар, исходящий от ее живота, который прикасался к его собственному.

Их губы снова встретились — сдержанно. Габи подумала, какое это правильное ощущение, когда тела соприкасаются, как будто наконец сложились вместе недостающие фрагменты головоломки.

Потом Тревис лег рядом с ней и произнес те слова, которые весь вечер звучали в его голове:

— Я люблю тебя, Габи. Ты счастье всей моей жизни.

Она притронулась к нему.

— Я тоже тебя люблю, Тревис, — эхом откликнулась Габи.

Услышав ее, он понял, что одинокое путешествие длиной в десятки лет наконец подошло к концу.

Луна стояла высоко, и спальню заливал серебристый свет. Тревис перекатился на спину и немедленно понял, что Габи нет рядом. Было почти четыре утра; не обнаружив ее в ванной, Тревис поднялся и натянул джинсы. Он спустился в коридор, заглянул в комнату для гостей, а потом на кухню. Свет повсюду был выключен, и он минуту стоял в растерянности, а потом заметил, что входная дверь приоткрыта.

Он вышел на веранду и увидел ее неясный силуэт. Тревис нерешительно шагнул: возможно, Габи хотела побыть в одиночестве.

— Эй... — позвала она из темноты.

Тревис заметил, что на ней купальный халат, с вечера висевший в ванной.

— Ты как? — тихо спросил он.

— Я проснулась, долго ворочалась, а потом решила тебя не будить.

Встав вплотную, Тревис тоже оперся о перила. Оба молчали. Просто смотрели на небо. Ничто не нарушало тишины, даже сверчки и лягушки.

— Как хорошо, — произнесла Габи.

— Да.

— Мне нравятся такие ночи.

Она больше ничего не сказала; он придвинулся ближе и взял ее за руку.

— Ты расстроена тем, что случилось?

— Нет, — ответила Габи твердо. — Я ни о чем не жалею.

Тревис улыбнулся:

— О чем ты думаешь?

— О папе, — сказала она, прижимаясь к Тревису. — Он во многом похож на тебя. Он бы тебе понравился.

— Не сомневаюсь, — ответил Тревис, пытаясь угадать, к чему она клонит.

— Я думала о том, что он чувствовал, когда впервые встретил маму. Какие мысли у него были, когда он ее увидел. Что он сказал, когда подошел к ней.

Тревис уставился на нее:

— И что?

— Понятия не имею.

Он рассмеялся, и Габи взяла его под руку.

— Вода в твоей ванне еще теплая? — поинтересовалась она.

— Наверное. Я не проверял, но надеюсь, что да.

— Не хочешь окунуться?

— Мне придется сходить за плавками. Но идея прекрасная.

Габи прижалась к нему еще крепче и потянулась к уху.

— А кто сказал, что нужны плавки?

Тревис молчал, пока они шли через двор. Габи приблизилась к ванне и сбросила с плеч купальный халат. Тревис видел ее обнаженное тело и понимал, как сильно он влюбился. Он знал, что минувшие выходные навсегда изменят его жизнь.

Хотя в понедельник оба отправились на работу, в течение следующих двух дней Тревис и Габи проводили вместе каждую свободную минутку. Они занимались любовью утром в понедельник, до работы, вместе перекусили в маленьком кафе в Морхед-Сити, а вечером, поскольку Молли чувствовала себя значительно лучше, отправились с собаками на пляж неподалеку от Форт-Мейкона. Они гуляли, держась за руки, а Моби и Молли бежали впереди, точно старые приятели, смилившиеся с чудачествами друг друга. Моби гонялся за крачками и атаковал стаи чаек, а Молли упрямо продолжала свой путь, делая вид, что не хочет участвовать в авантюрах. Моби, заметив, что остался в одиночестве, возвращался к Молли — оба весело трусили бок о бок, пока пес не находил себе очередное развлечение.

— Совсем как мы, да? — заметила Габи, сжимая руку Тревиса. — Один всегда ищет развлечений, а другой держится избранного пути.

— И кто из них — я?

Она засмеялась и прильнула к Тревису, опустив голову ему на плечо. Он остановился и обнял ее, удивленный и испуганный силой собственных чувств. Но когда Габи потянулась к нему, чтобы поцеловать, Тревис ощутил, как его страхи исчезают и сменяются невероятным удовлетворением. Интересно, не так ли чувствуют себя все влюбленные?

Потом они заглянули в магазин. Оба не были особенно голодны, поэтому Тревис взял лишь все для куриного салата. На кухне он пожарил мясо и принялся наблюдать за тем, как Габи моет в раковине листья латука. Свернувшись на кушетке после ужина, она снова принялась рассказывать о своей семье. Тревис сочувствовал Габи и сердился на ее мать, которая не понимала, какую замечательную дочь вырастила. А потом они пролежали обнявшись до глубокой ночи.

* * *

Во вторник утром Тревис смотрел, как она просыпается. Габи приоткрыла один глаз.

— Пора вставать?

— Кажется, да, — пробормотал он.

Они неподвижно лежали, глядя друг на друга, а потом Тревис сказал:
— Знаешь, что нам сейчас нужно? Горячий кофе и булочки с корицей.
— М-м-м. Жаль, времени мало. Я должна быть на работе в восемь.
Почему ты так долго не давал мне заснуть?

— Просто закрой глаза и как следует пожелай. Может быть, исполнится.

Габи, слишком сонная, чтобы спорить, сделала так, как сказал Тревис. Она была не прочь провести еще несколько минут в постели.

— Вот! — воскликнул он.

— Что?

— Твой кофе. И булочки с корицей.

— Не дразни меня.

— Открой глаза...

Она с трудом села и увидела на ночном столике две дымящиеся чашки кофе и соблазнительные булочки.

— Когда ты... То есть...

— Пару минут назад. — Тревис ухмыльнулся. — Я все равно рано проснулся, вот и сбегал в магазин.

Габи потянулась за кофе и булочкой, вторую протянула ему и улыбнулась.

— Я бы поцеловала тебя прямо сейчас, но булочка слишком вкусно пахнет, а я проголодалась. Поцелую потом.

— Может быть, в душе?

— Вечно ты придумаешь повод.

— Не вредничай. Я только что принес тебе завтрак в постель.

— Да. — Габи подмигнула ему и взяла булочку. — И я собираюсь им насладиться.

Во вторник вечером они отправились на катере любоваться заходом солнца из гавани. Габи вернулась с работы хмурая, поэтому Тревис и предложил прогуляться: он пытался оттянуть неизбежный разговор.

Через час, сидя на веранде вместе с Молли и Моби, Тревис наконец решился.

— И что теперь будет? — спросил он.

Габи повертела в руках бокал с водой.

— Не знаю...

— Может, я поговорю с Кевином?

— Все не так просто. — Габи покачала головой. — Я весь день думала об этом и до сих пор понятия не имею, что делать и как ему сказать.

— Ты собираешься рассказать Кевину все?

— Не знаю, — ответила она. — Честное слово, не знаю.

Габи повернулась к Тревису, в ее глазах стояли слезы.

— Не сердись на меня. Пожалуйста, не надо. Поверь, я прекрасно понимаю, как ты себя чувствуешь, потому что сама чувствую то же самое. До сих пор я ощущала себя... Живой. Ты дал понять, что я красива, умна и желанна. И как бы я ни старалась, я никогда не смогу выразить, как это для меня важно. Но пусть наши чувства сильны и ты мне небезразличен, мы с тобой разные люди и сталкиваемся с разными проблемами. Для тебя все просто — мы любим друг друга, а значит, должны быть вместе. Но Кевин тоже для меня много значит.

— Но как же то, что ты сказала? — спросил Тревис, стараясь не выказывать испуга.

— Он не идеален, я знаю. Да, сейчас мы переживаем нелегкое время. Но я не могу избавиться от мысли, что это отчасти моя вина. Разве ты не понимаешь? С ним я могу надеяться, а с тобой... Если перевернуть ситуацию, разве случилось бы хоть что-нибудь из того, что мы пережили? Если бы я ожидала предложения руки и сердца от тебя, а с Кевином просто наслаждалась жизнью? Ты вряд ли стал бы меня развлекать, и скорее всего я бы этого и не ждала.

— Не говори так.

— Но это правда, не так ли? — Габи страдальчески улыбнулась. — Вот о чем я думала сегодня, пусть даже мне и больно об этом говорить. Я люблю тебя, Тревис, по-настоящему люблю. Если бы я считала это коротким флиртом, то постаралась бы обо всем забыть и снова рисовала себе будущее с Кевином. Но все не так просто. Мне предстоит сделать выбор между вами. Я знаю, чего ждать от Кевина. По крайней мере мне казалось, что знаю — пока не появился ты. Но теперь...

Она помолчала. Тревис смотрел, как ветерок треплет ее волосы. Габи крепче обхватила себя руками.

— Мы знакомы лишь несколько дней. Когда мы катались на катере, я задумалась, скольких еще женщин ты приглашал на прогулку. Не потому что я ревнива. Просто я то и дело спрашивала себя, отчего твои предыдущие романы заканчивались крахом. А потом начала гадать, надолго ли это, или наш роман закончится, как и все остальные. Мы ведь не знаем друг друга, что бы ты ни говорил. По крайней мере я тебя не знаю. Знаю лишь, что влюбилась. И это пугает меня больше всего на свете.

Она замолчала. Тревис подумал, прежде чем ответить.

— Ты права, — признал он. — Тебе приходится делать иной выбор, нежели мне. Но ты ошибаешься, если считаешь, что для меня это просто

флирт. Может быть, вначале я сам так думал, но... — Он взял ее за руку. — Но закончилось все иначе. Я понял, чего мне не доставало в жизни. Чем больше времени мы с тобой проводим вместе, тем отчетливее я представляю себе наше будущее. Прежде со мной ничего такого не было. И я сомневаюсь, что это повторится. Я никого не любил, пока не появилась ты, — то есть не любил по-настоящему. И я был бы идиотом, если бы позволил тебе уйти просто так.

Тревис коснулся ее волос.

— Не знаю, что еще сказать. Я готов провести с тобой всю жизнь. Конечно, это звучит нелепо. Мы едва успели познакомиться. И пусть ты, наверное, думаешь, что я чокнутый, но я уверен в своих чувствах как никогда. Если ты дашь мне шанс — если ты дашь шанс нам обоим, — то до конца дней не усомнишься в том, что приняла верное решение. Я люблю тебя, Габи. Не только за то, что ты такая. Еще и за то, что ты доказала: мы можем быть вместе.

Оба долго молчали. Габи слышала, как в листве трещат сверчки. Ей хотелось и убежать, и остаться, и эти противоположные стремления прекрасно отражали ту невероятную ситуацию, в которой она оказалась.

— Ты мне нравишься, Тревис, — искренне сказала она, а потом, осознав, как это звучит, поправилась: — Я тоже тебя люблю, и ты, надеюсь, уже это понял. Я имела в виду, мне нравится, как ты со мной разговариваешь. Когда ты что-нибудь говоришь, я понимаю, что ты искренен. Всегда можно определить, когда ты шутишь и когда — нет. Это одно из самых твоих подкупающих качеств. — Габи похлопала его по колену. — Сделаешь кое-что для меня?

— Конечно.

— И не важно, о чем я попрошу?

Тревис помедлил.

— Да.

— Давай займемся любовью. Не думая о том, что это, возможно, наша последняя ночь.

— Эй, ты просишь уже о двух вещах.

Габи не удостоила его ответом. Просто протянула руку. Они пошли в спальню, и Габи слабо улыбнулась. Наконец она поняла, что делать.

ЧАСТЬ 2

Февраль 2007 года

Тревис попытался освободиться от этих переживаний десятилетней давности. Он удивился, что помнит все до последней мелочи. Может, потому, что теперь он мог осознать, как странно было влюбиться столь внезапно? Или просто потому, что ему не хватало прежней близости? Он не знал.

В последнее время он вообще как-то потерял уверенность в себе. Некоторые люди заявляли, что им известно все — или по крайней мере ответы на главные жизненные вопросы, — но Тревис никогда не верил подобным утверждениям. В том, что эти люди говорили и писали, крылись попытки самооправдания. Но если бы действительно существовал человек, который мог ответить на любой вопрос, Тревис спросил бы: на что можно пойти во имя настоящей любви?

Он мог бы задать этот вопрос сотне людей и получить разные ответы. Некоторые из них были очевидны: любящий должен жертвовать собой, прощать, принимать все как есть, бороться, если нужно, и так далее. Но пусть даже Тревис знал, что все это правильно, толку от таких ответов было не много. Некоторые вещи оставались за гранью его понимания. Тревис вспоминал эпизоды, которые ему хотелось бы переиграть, слезы, которые он предпочел бы не проливать, время, которое можно было бы потратить разумнее, разочарования, на которых не стоило заикливаться... Жизнь, как ему казалось, превратилась в сплошное сожаление. Он мечтал перевести часы назад и пережить некоторые моменты снова. Наверняка Тревис знал одно: он мог бы лучше исполнять свой долг. Раздумывая над тем, на что человек способен во имя любви, Тревис знал ответ. Иногда любящему следует солгать.

И скоро ему придется сделать выбор.

Флуоресцентные лампы и белый кафель подчеркивали стерильность. Тревис медленно шел по больничному коридору; он заметил Габи, но был уверен, что она не видит его. Он помедлил, заставив себя подойти и заговорить с ней. В конце концов, именно за этим он и явился, но поток ярких воспоминаний лишил его решимости. Тревис остановился, поняв, что несколько минут погоды не сделают, зато позволят ему собраться с мыслями.

Он вошел в маленькую приемную и сел. Наблюдая за ритмичным движением людей по коридору, Тревис понял, что, несмотря на постоянные экстренные вызовы, персонал работает в обычном режиме и выполняет свои обязанности — точно так же, как и он дома. Необходимо создать ощущение обыденности там, где все странно. Это помогает пережить день, сделать предсказуемой жизнь, которая непредсказуема по сути своей. Его утра проходили по отработанной схеме и не отличались одно от другого. В четверть седьмого — будильник; минута на то, чтобы встать, девять минут на душ, еще четыре — на бритье и чистку зубов. Семь минут — на одевание. Наблюдая за перемещениями Тревиса через окно, можно было сверять часы. Потом он торопливо спускался, готовил завтрак, проверял содержимое школьных рюкзаков и делал сэндвичи с арахисовым маслом на ленч, пока сонные дочери ели хлопья с молоком. Ровно в четверть восьмого все выходили, и он ждал вместе с ними школьный автобус в конце переулка. У водителя был шотландский акцент, из-за этого он походил на Шрека. Когда девочки поднимались в салон, Тревис улыбался и махал рукой, как и полагается. Элайзе было шесть, Кристине восемь — маловаты для того, чтобы учиться в первом и в третьем классе, и каждый раз, наблюдая за тем, как дети начинают новый день, Тревис маялся от тревоги. Возможно, это норма, потому что «быть отцом» и «волноваться» — синонимы, но в последнее время его страхи обрели отчетливую форму. Он задумывался о вещах, прежде не приходивших ему в голову. О мелочах. О нелепостях. Почему Элайза, когда смотрит мультики, смеется меньше, чем обычно? Кристина как будто слегка подавлена — это нормально? Иногда, едва автобус отходил, Тревис снова и снова прокручивал в памяти утренние события, ища подсказки. Вчера он полдня размышлял о том, почему Элайза заставила шнуровать ей ботинки — испытывает отца на прочность или просто ленится? Тревис понимал, что находится на грани помешательства, но когда накануне вечером вошел в детскую, чтобы подоткнуть сползшие одеяльца, то спросил себя: беспокойный сон — это что-то новенькое или просто он раньше не обращал внимания?

Все должно было сложиться по-другому. С ним рядом должна быть Габи; это ее обязанность — завязывать шнурки и подтыкать одеяла. Тревис с самого начала знал, что она прекрасно справится. Он помнил, как в течение тех дней, что последовали за их первыми совместными выходными, он изучал Габи, в глубине души понимая, что ему никогда не найти лучшей матери для своих детей и лучшей жены для себя — даже если он потратит всю жизнь на поиски. Осознание этого посещало Тревиса в самых неожиданных местах: когда он нагружал фруктами тележку в

супермаркете или стоял в очереди за билетами в кино. И когда такое случалось, достаточно было всего лишь взять Габи за руку, чтобы испытать величайшее наслаждение — нечто величественное и одновременно умиротворяющее.

Любовь далась Габи нелегко. Она разрывалась между двумя мужчинами, которые жаждали ее. «Небольшой нюанс» — так Тревис называл это в дружеском кругу. Но он часто гадал, когда именно ее чувства к нему пересилили привязанность к Кевину. Когда они сидели рядом и смотрели на звездное небо и Габи начала называть созвездия? Или на следующий день, когда они катались на мотоцикле и она крепко держалась за него? Или позже вечером, когда Тревис заключил ее в объятия?

Он не был уверен; обозначить точное время оказалось не проще, чем отыскать в океане какую-то определенную капельку воды. Но факт оставался фактом: Габи пришлось объясняться с Кевином. Тревис помнил затравленное выражение ее лица в тот день, когда Кевин должен был вернуться. Исчезла уверенность, осталась лишь неумолимая реальность того, что предстояло. Она едва притронулась к завтраку. Когда Тревис поцеловал Габи, та ответила едва заметной улыбкой. Часы проходили в молчании; Тревис занимался делами, обзванивал знакомых в поисках хозяев для щенков — он знал, как это важно для Габи. Наконец, после работы, он отправился взглянуть на Молли. Как будто почувствовав что-то, собака не показывалась в гараже после того, как Тревис ее выпустил. Она лежала в траве перед домом и смотрела на улицу.

Уже стемнело, когда Габи вернулась. Тревис помнил, как она бесстрастно взглянула на него, выйдя из машины. Не сказав ни слова, села на крыльцо рядом с ним. Молли подошла и приласкалась. Габи машинально погладила собаку.

— Привет. — Тревис осмелился нарушить молчание.

— Привет. — В ее голосе не было никаких эмоций.

— Кажется, я пристроил всех щенят.

— Правда?

Он кивнул. Оба сидели молча, как люди, которым больше не о чем говорить.

— Я всегда буду тебя любить, — сказал Тревис, тщетно пытаясь подобрать слова утешения.

— Верю, — шепнула Габи, взяла его под руку и прислонилась головой к плечу. — Поэтому я здесь.

Тревис никогда не любил больницы. В отличие от ветеринарной клиники, которая закрывалась на обед, больница Картерет напоминала ему

непрерывно вращающееся «чертово колесо». Пациенты и персонал циркулировали без остановок. Тревис видел, как медсестры то суетятся, то собираются в дальнем конце коридора, одни казались измученными, а другие как будто скучали. Врачи тоже. Тревис знал, что где-то на других этажах женщины рожают, старики умирают... Маленькая модель мира. Его это угнетало, а Габи нравилось здесь работать. Постоянная активность насыщала ее энергией.

Несколько месяцев назад им пришло письмо, где говорилось о том, что руководство клиники собирается отметить десятилетие работы Габи. Никаких намеков на нечто особенное — всего лишь формальное уведомление, которое, вне всякого сомнения, получили еще десятка полтора людей, начавших работать в одно время с ней. Администрация обещала повесить в коридоре небольшую памятную табличку в честь Габи и других юбиляров, хотя до сих пор так этого и не сделала.

Но Габи вряд ли интересовала такая ерунда. Она пришла работать в больницу не потому, что надеялась однажды заслужить памятную табличку. Просто она считала, что у нее нет другого выбора. Хотя во время их первой встречи Габи упомянула о своих проблемах, распространяться она не стала. Тревис решил не настаивать, но уже тогда понял, что само собой ничего не разрешится.

Наконец она все ему рассказала. Это произошло в конце долгого дня. Накануне ночью Тревиса вызвали к арабскому жеребцу. Конь обливался потом и рыл копытом землю. Живот был болезненным на ощупь. Классические симптомы колики. Тревис надеялся, что ему повезет и удастся обойтись без операции. Хозяевам перевалило за семьдесят, и Тревис не решился требовать, чтобы они каждый час выгуливали коня в течение пятнадцати минут. Он решил сам остаться с пациентом, и, хотя в течение дня жеребцу постепенно становилось лучше, к вечеру Тревис измучился.

Он приехал домой потный и грязный и увидел, что Габи плачет за кухонным столом. Прошло несколько минут, прежде чем она смогла рассказать ему всю историю: ей пришлось допоздна задержаться с пациентом, который страдал от аппендицита и ожидал срочной помощи. Когда она закончила, почти весь персонал разошелся. Кроме Эдриана Мелтона. Они остались вдвоем, и Мелтон вышел вместе с ней к машине. Там он положил ей руку на плечо и пообещал непременно известить о состоянии больного. Габи изобразила улыбку, а Мелтон наклонился и поцеловал ее.

Это была неловкая попытка, совсем как у школьника, и Габи

отпрянула. Мелтон уставился на нее, явно смущенный. «Я думал, ты не против», — заметил он.

Сидя за столом, Габи вздрогнула.

— Он сказал это так, как будто я спровоцировала...

— Такое уже случилось?

— Нет. Но...

Когда она замолчала, Тревис взял ее за руку.

— Ну же, — подбодрил он. — Это я. Давай поговорим.

Не отрывая взгляда от стола, Габи спокойным голосом пересказала ему историю домогательств Мелтона. Когда она закончила, то напряглась, с трудом сдерживая гнев.

— Я все улажу, — сказал Тревис, не дожидаясь ответа.

Он сделал два звонка и узнал, где живет Эдриан Мелтон. Через несколько минут машина Тревиса остановилась перед домом. Он не снимал пальца с кнопки звонка, и доктор Мелтон сам открыл дверь. Не успел тот выразить удивление, как кулак Тревиса врезался ему в челюсть. Какая-то женщина — видимо, жена — выглянула в коридор в ту самую секунду, когда Мелтон грохнулся на пол, и ее вопли эхом разлетелись по дому.

Приехала полиция, и Тревиса впервые в жизни арестовали. Его отправили в участок, и большинство полицейских были с ним недоумевающе вежливы. Все они привозили в клинику своих питомцев и весьма скептически отнеслись к словам миссис Мелтон о том, что какой-то псих напал на ее мужа.

Когда Тревис позвонил сестре, та скорее встревожилась, нежели удивилась. Она обнаружила брата в одиночной камере, погруженного в разговор с шерифом. Выяснилось, что речь идет о шерифовом коте: у бедняги появилась какая-то сыпь, и он не переставая чесался.

— Черт возьми, — сказала Стефани.

— Что?

— Я-то думала, что приеду и увижу тебя в полосатой робе!

— Прости, если разочаровал.

— Может, это всего лишь вопрос времени? Как полагаете, шериф?

Шериф не знал, что и сказать. Он оставил брата с сестрой наедине.

— Спасибо за поддержку, — съязвил Тревис. — Возможно, он пошел обдумывать твоё предложение.

— Не огрызайся. Между прочим, не я набила морду доктору Мелтону.

— Он это заслужил.

— Не сомневаюсь.

Тревис улыбнулся:

— Спасибо, что приехала.

— Я бы в жизни такое не пропустила, братец. Отныне буду называть тебя Рокки.

— Чем придумывать прозвища, лучше постарайся вытащить меня отсюда.

— Придумывать прозвища веселее.

— Наверное, надо было позвонить отцу.

— Но ты позвонил мне. И поверь, сделал правильный выбор. Я пойду поговорю с шерифом.

Пока Стефани улаживала проблемы, Тревиса навестил Эдриан Мелтон. Он не был знаком с местным ветеринаром и потребовал ответа: с какой стати Тревис набросился на него? Хотя Габи так никогда и не узнала, о чем между ними шла речь, Эдриан Мелтон поспешно забрал заявление, невзирая на протесты со стороны супруги. Через несколько дней дошли слухи, что Мелтоны посещают психолога. Так или иначе, в клинике Габи по-прежнему было неловко, а затем доктор Фурман вызвал девушку в кабинет и намекнул, что ей стоит поискать другое место работы.

— Я понимаю, что это нечестно по отношению к вам, — сказал он. — Если вы останетесь, мы как-нибудь попробуем все уладить. Но мне шестьдесят четыре, и через год я уйду на пенсию. Мое место займет доктор Мелтон, и я сомневаюсь, что он захочет видеть вас в числе сотрудников. Ну или что вы захотите работать под его началом. Думаю, проще будет, если вы спокойно переберетесь туда, где вам будет комфортно. Давайте просто забудем об этом ужасном недоразумении. — Он пожал плечами. — Я вовсе не хочу сказать, что оправдываю его поведение. Наоборот. Но пусть доктор Мелтон и придурок, он — лучший педиатр из тех, кого я знаю. И вдобавок единственный, кто согласился работать в провинции. Если вы уволитесь по собственному желанию, я дам вам великолепную рекомендацию, с которой вы найдете работу где угодно. Не сомневаюсь.

Габи запросто раскусила эти манипуляции; хотя ее душа жаждала возмездия (как и у всякой женщины, пережившей сексуальные домогательства), практическая часть натуры приняла условия. В итоге она устроилась в службу «Скорой помощи» в местной больнице.

Была лишь одна проблема: когда Габи узнала, что сделал Тревис, то пришла в ярость. Они впервые поссорились. Тревис надолго запомнил, с каким бешенством Габи потребовала ответа: действительно ли он считает, что она неспособна справиться со своими делами, и почему ведет себя так, как будто она «какая-то безмозглая девчонка». Тревис даже не пытался

оправдаться. В глубине души он знал, что сделает то же самое снова, если понадобится, но предпочел держать рот на замке.

Хотя Габи бушевала, Тревис подозревал, что отчасти ей по душе его поступок. Простая логика случившегося — «он тебя достает? ну так я его проучу!» — импонировала девушке, и не важно, насколько сердитой казалась Габи — той ночью она была особенно страстной в постели.

По крайней мере так помнилось Тревису. Действительно ли события развивались именно таким образом? Он не был уверен. В те дни он знал наверняка лишь то, что не променяет время, проведенное с Габи, ни на что. Без нее жизнь утратила бы смысл. Тревис был провинциальным мужем и провинциальным ветеринаром с точно такими же, как у всех, заботами. Он не командовал и не подчинялся, из него не вышло бы героя, которого будут помнить много лет спустя после его смерти. Тревис был самым обычным человеком, за одним лишь исключением: он влюбился в женщину по имени Габи, и его любовь лишь крепла с годами. Но судьба все разрушила, и теперь он проводил целые часы, размышляя, под силу ли ему вернуть мир и спокойствие в семью.

— Привет, Тревис, — раздалось с порога. — Я так и знал, что ты здесь.

Доктору Столингу было за тридцать. Каждое утро он совершал обход. С течением времени они с женой стали хорошими друзьями Паркеров, а прошлым летом все вместе, с детьми, отдыхали в Орландо.

— Снова цветы?

Тревис кивнул.

Столинг помедлил в дверях.

— Полагаю, ты еще у нее не был?

— Ну да. Видел ее, но...

Тревис замолчал, и Столинг договорил за него:

— ...но захотел побыть один? — и сел рядом с Тревисом. — Ты в норме?

— О чем ты?! Во всем этом ничего нормального нет.

— Я и не утверждаю, что есть.

Тревис снова взял цветы, стараясь держать эмоции под контролем. Он понимал, что есть вещи, которые он не в силах обсуждать.

— Не знаю, что делать, — наконец признался он.

Столинг положил ему руку на плечо:

— Хотел бы я тебе помочь...

Тревис обернулся к нему:

— А что бы ты сделал?

Тот долго молчал.

— На твоём месте? — Он сжал губы, задумавшись, и вдруг показался значительно старше. — Если честно — бог весть.

Тревис кивнул. Он и не ожидал, что доктор ответит.

— Я просто не хочу ошибиться.

— Никто не хочет.

Когда Столинг ушел, Тревис поерзал в кресле, все время ощущая присутствие бумаг в кармане. Если раньше он держал их в столе, то в последнее время просто был не в состоянии провести день, не имея их при себе, пусть даже эти документы символизировали конец всего, что было ему дорого в жизни.

Пожилой адвокат, судя по всему, не нашел ничего необычного в их требовании. Небольшая контора находилась в Морхед-Сити, неподалеку от

больницы, где работала Габи, — клинику было видно из окон кабинета. Встреча продлилась недолго: адвокат объяснил существующие правила и привел несколько примеров из практики. Позже Тревис мог припомнить лишь вялое, слабое пожатие, когда адвокат простился с ним в дверях.

Казалось странным, что эти бумаги означают официальный конец их брака. Всего лишь слова, но сила, заключенная в них, была зловещей. Где гуманизм? Где чувства, защищаемые законом? Где воспоминания о совместной жизни с Габи до того момента, как все пошло под откос? И почему, почему она первой потребовала развода?

Разумеется, Тревис не предвидел такого исхода, когда делал Габи предложение. Он вспомнил, как осенью они ездили в Нью-Йорк. Пока Габи нежилась в массажном салоне, он тайком отправился на Сорок седьмую улицу и купил обручальное кольцо. После ужина они катались на лошадях по Центральному парку. Под облачным небом, озаренным полной луной, Тревис попросил ее руки и был невероятно тронут, когда Габи горячо обняла его, вновь и вновь шепча слова согласия.

А потом? Обычная жизнь. В промежутке между сменами в больнице Габи занималась организацией свадебного торжества. Хотя друзья советовали Тревису спокойно плыть по течению, он с удовольствием принимал участие в процессе: помогал Габи рассылать приглашения, выбирать букеты и торт, сидел рядом, пока она листала альбомы в студиях в надежде найти лучшего фотографа, который запечатлеет столь важное событие. В итоге они пригласили восемьдесят человек и обвенчались в маленькой церкви на острове Камберленд весной 1997 года, а медовый месяц провели в Канкуне — таково было обоюдное желание. Габи хотела отдохнуть, и они проводили часы на пляже и в ресторанах. Тревис мечтал о приключениях, поэтому Габи научилась подводному плаванию, а однажды поехала с ним на близлежащие ацтекские руины.

Тактика взаимных уступок задала тон всему браку. Дом они построили в полном согласии и закончили отделку к первой годовщине свадьбы. Когда Габи провела пальцем по краю бокала с шампанским и предложила завести ребенка, идея показалась Тревису не просто разумной — он понял, что сам отчаянно этого хочет. Через пару месяцев она забеременела, и беременность протекала без особых осложнений и даже без какого-либо ощутимого дискомфорта. Когда родилась Кристина, Габи сократила свой рабочий день; вместе с Тревисом они составили расписание, которое позволяло им по очереди оставаться дома с ребенком. Два года спустя появилась Элайза, и оба не заметили особой перемены — разве что прибавилось радости.

Праздники и дни рождения следовали один за другим, дочери вырастали из старых платьиц и надевали новые. Они отправлялись в отпуск всей семьей, но это не мешало Тревису и Габи регулярно проводить время наедине, поддерживать в семейном очаге огонь романтики. Макс к тому времени удалился на покой, оставив клинику сыну, а Габи перешла на полставки и даже выкраивала время на то, чтобы на добровольных началах работать в местной школе. На четвертую годовщину свадьбы они побывали в Италии и в Греции, на шестую — провели неделю в Африке на сафари. На седьмую Тревис выстроил на заднем дворе бельведер для Габи, где она могла читать и любоваться игрой света на поверхности реки. С пяти лет Тревис учил каждую дочку серфингу и катанию на лыжах; осенью он тренировал детскую футбольную команду. В тех редких случаях, когда он задумывался о своей жизни, то понимал, что вряд ли кому-нибудь еще выпало такое счастье.

Не то чтобы все шло идеально. Несколько лет назад они с Габи пережили ряд проблем. Теперь он почти не помнил причин, они затерялись во времени, но даже тогда Тревис ни на мгновение не усомнился в прочности их брака. Габи, судя по всему, тоже. Каждый из них интуитивно понимал, что основа семьи — компромисс и готовность прощать. Два человека дополняют и уравнивают друг друга. Они с Габи делали это много лет, и Тревис надеялся, что они снова справятся. Но сейчас у них ничего не получалось, и, думая об этом, он тщетно гадал можно ли сделать хоть что-нибудь — что угодно, — лишь бы восстановить хрупкое равновесие.

Тревис понял, что больше тянуть невозможно, и встал. С цветами в руках он двинулся по коридору. Он видел, как медсестры взглянули на него. Тревис догадывался, о чем они думают, но, разумеется, не стал спрашивать. Он собрался с силами. Ноги, однако, у него дрожали, голова начала болеть — тупо пульсировал затылок. Тревис чувствовал, что если он закроет глаза, то уснет надолго. Он буквально разваливался на части — абсолютно нелепое ощущение. Ему сорок три, а не семьдесят три, он мало ел и по-прежнему заставлял себя ходить в тренажерный зал. «Тебе нужно продолжать занятия спортом, — настаивал отец, — хотя бы ради сохранения здорового ума». Тревис похудел на восемнадцать фунтов за последние два месяца, одежда на нем висела мешком.

Он открыл дверь, заставив себя улыбнуться Габи:

— Привет, милая.

Он надеялся, что она шевельнется или каким-то образом даст понять, что слышит его. Но ничего не произошло; воцарилось долгое молчание, и

Тревис ощутил в сердце почти физическую боль. Знакомую боль. Он шагнул через порог, продолжая смотреть на Габи, будто пытался запечатлеть в памяти каждую мелочь. Тревис знал, что это напрасная трата времени. Ее лицо было известно ему лучше, чем собственное.

Подойдя к окну, он поднял жалюзи и впустил в комнату солнечный свет. Вид был не особенно примечательный: окна выходили на небольшое шоссе, рассекавшее город. Мимо кафе неторопливо проезжали машины; Тревис представил, как водители слушают музыку за рулем, или болтают по телефону, или просто едут на работу, или доставляют заказ, или собираются навестить друзей... Люди погружены в собственные заботы, и все они понятия не имеют, что сейчас происходит в клинике. Некогда Тревис был одним из них. Теперь он ощутил тоску по минувшему.

Он положил цветы на подоконник. И почему он не догадался прихватить вазу? Тревис выбрал зимний букет; сочетание оранжевого с фиолетовым казалось почти траурным. Местный флорист считал себя своего рода художником, и за все те годы, что Тревис прибегал к его услугам, ему ни разу не довелось разочароваться. Он покупал цветы на годовщины и дни рождения, в знак примирения и просто так, в качестве романтического сюрприза. И каждый раз Тревис диктовал флористу, что именно должно быть написано на карточке. Иногда он цитировал стихи, найденные в какой-нибудь книге или сочиненные им самим, а порой сразу переходил к делу и откровенно высказывал то, что было у него на уме. Габи хранила эти карточки. Перетянутая резинкой стопка была своего рода летописью их совместной жизни в крошечных фрагментах.

Он сел на стул рядом с кроватью и взял жену за руку. Кожа была бледная, почти восковая, тело как будто стало меньше. Тревис заметил тоненькие морщинки в уголках глаз. И все же Габи по-прежнему казалась ему такой же красивой, как и при первой встрече. Удивительно, но они вместе уже почти одиннадцать лет. Не такой уж продолжительный отрезок времени — но он заключал в себе больше жизни, чем предыдущие тридцать два года, проведенные без нее. Именно поэтому Тревис сегодня пришел в больницу. Именно поэтому он приходил сюда каждый день. У него не было другого выбора. Не потому, что этого ожидали, — просто он не мог сейчас быть где-то в другом месте. Они часами оставались вместе, а ночи проводили порознь. В общем, здесь у него тоже не было иного выбора — он не мог оставить девочек одних. Судьба как будто принимала все решения без них.

За одним лишь исключением.

После катастрофы прошло восемьдесят четыре дня, и теперь нужно

было решать. Он по-прежнему понятия не имел, что делать. В последнее время Тревис искал ответы в Библии, в сочинениях Фомы Аквинского и блаженного Августина. Время от времени он наталкивался на удивительные пассажи, но не более того, а потом закрывал книгу и смотрел в окно, не думая ни о чем, как будто надеялся увидеть некий знак на небе.

Тревис редко ехал из больницы прямо домой. Он отправлялся через мост, бродил босиком по пляжу, слушая, как волны разбиваются о берег. Он знал, что дочери расстроены ничуть не меньше, а после визитов в больницу Тревису всегда требовалось время, чтобы успокоиться. Было бы нечестно навязывать девочкам свое настроение. Дети были для него своего рода прибежищем. Сосредотачиваясь на них, Тревис забывал о себе: их радость по-прежнему была незамутненно чистой. Они еще не утратили способности с головой уходить в игру, и от звуков детского хохота Тревису хотелось одновременно смеяться и плакать. Иногда, наблюдая за ними, он поражался, как сильно обе похожи на мать.

Они всегда расспрашивали о ней, но Тревис не знал, что сказать. Дочери были достаточно разумными, чтобы понять: мама нездорова и должна оставаться в больнице. Обе уже не удивлялись, что каждый раз во время их визитов Габи как будто спит. Но Тревис не мог справиться с силами и открыть им правду. Вместо этого он сидел с дочерьми на кушетке и рассказывал, как радовалась мама, когда была беременна, или вспоминал тот день, когда они всем семейством поливали друг друга из садового шланга. Но чаще всего они листал и фотоальбомы, которые старательно составляла Габи. В этом она была несколько старомодна, и фотографии неизменно вызывали улыбки. Тревис рассказывал историю, связанную с каждым снимком. Глядя на сияющее лицо Габи на фотографиях, он чувствовал, как у него перехватывает дыхание. Он в жизни не видел никого прекраснее.

Чтобы избавиться от грусти, которая неизменно охватывала его в такие минуты, Тревис порой отрывал взгляд от альбома и смотрел на большую фотографию в рамке. Снимок был сделан прошлым летом на пляже. Они все четверо, в шортах защитного цвета и белых рубашках, сидели на поросшей травой дюне. Такого рода семейные портреты были распространены в Бофоре, но Тревису эта фотография отчего-то казалась абсолютно уникальной. Не потому, что на ней была его семья. Просто он не сомневался, что даже посторонний, глядя на снимок, преисполнится надежды и оптимизма, потому что люди на фото воплощали собой счастливую семью.

Позже, когда девочки шли спать, Тревис откладывал альбомы. Одно

дело рассматривать снимки с дочерьми и рассказывать им истории в попытке приободрить, и совсем другое — листать одному. Тревис в одиночестве сидел на кушетке, придавленный бременем скорби. Иногда звонила Стефани. Они, как обычно, болтали, но в то же время испытывали какую-то неловкость. Тревис знал: сестра хочет, чтобы он перестал себя корить. За беспечными замечаниями и привычным поддразниванием крылось то, что она имела в виду на самом деле: никто не винит Тревиса. Друзья и родные беспокоятся о нем. Чтобы не выслушивать этого, он всегда говорил, что с ним все хорошо, пусть даже это было не так. Тревис знал, что сестра не хочет слышать правду. А он сомневался не только в том, что когда-нибудь станет прежним, но и в том, что вообще хочет жить.

Теплые лучи солнечного света ползли к нему. Тревис молча сжал руку жены и поморщился от боли в запястье. Месяц назад его собственная рука покоилась в гипсе, доктора прописали болеутоляющее. Кости были сломаны, связки порваны, но после первого же приема лекарства Тревис отказался от медикаментов — он терпеть не мог, когда кружилась голова.

Рука Габи была мягкой, как обычно. Чаще всего он держал ее часами и размышлял, как это будет, если она ответит на пожатие. Тревис сидел и смотрел на жену, гадая, о чем она думает — и думает ли вообще. Ее внутренний мир был загадкой.

— У девочек все хорошо, — начат он. — Кристина съела все хлопья за завтраком, и Элайза почти доела. Я знаю, тебя беспокоит то, что девочки плохо едят, — они ведь и так слишком маленькие для своего возраста. Но зато они охотно уплетают то, что я даю им после школы.

На подоконник приземлился голубь. Он прошелся туда-сюда, а затем замер — как обычно. Птица словно знала, когда у Тревиса время визита. Иногда ему хотелось верить в предзнаменования — хотя Тревис понятия не имел, что означает конкретно этот знак.

— После обеда мы делаем уроки. Конечно, ты предпочитаешь, чтобы мы делали их сразу после школы, но, по-моему, мы неплохо справляемся. Ты удивишься, как у Кристины хорошо пошла математика. Помнишь, в начале года она вообще ничего не понимала? А теперь все изменилось. Мы каждый вечер занимались по карточкам, которые ты купила, и в последней контрольной она не пропустила ни одного задания. Сейчас, когда она делает уроки, мне даже не приходится с ней сидеть. Ты бы ею гордилась.

Воркование голубя доносилось через стекло.

— У Элайзы тоже все хорошо. Каждый вечер мы смотрим «Путешественницу Дору» или «Барби». С ума сойти, она готова смотреть одни и те же мультики по сто раз, они ей действительно нравятся. А на день рождения Элайза хочет быть принцессой. Я подумывал о том, чтобы заказать торт-мороженое, но она просит устроить вечеринку в парке. Сомневаюсь, что дети успеют добраться до мороженого прежде, чем оно растает. Наверное, придется придумать что-нибудь другое.

Тревис кашлянул.

— Я говорил тебе, что Джо и Меган хотят еще одного ребенка? Конечно, конечно, это просто безумие, ведь Меган уже за сорок,

предыдущая беременность далась ей очень нелегко, но, если верить Джо, она очень хочет мальчика. Лично я думаю, что Джо настаивает, а Меган просто с ним соглашается. Но ведь от них можно ждать чего угодно, сама знаешь.

Тревис старался говорить жизнерадостно. С тех пор как Габи оказалась здесь, он старался вести себя в ее присутствии как можно естественнее. Поскольку до аварии они непрерывно беседовали о детях и обсуждали то, что происходило в жизни друзей, теперь, навещая жену, Тревис пытался говорить о том же самом. Он понятия не имел, слышит ли его Габи. Мнения врачей по этому поводу разделились. Некоторые уверяли, что погруженные в кому люди способны слышать и даже помнить разговоры; другие утверждали обратное. Тревис не знал, кому верить. И предпочитал быть оптимистом.

По тем же причинам он, взглянув на часы, потянулся за телевизионным пультом. Если Габи не была занята работой, она урывками смотрела «Судью Джуди». Тревис обычно дразнил жену, которая получала какое-то странное удовольствие от кривляний тех бедолаг, которые волей судьбы оказались в зале суда.

— Я включу телевизор, ладно? Твое любимое шоу уже идет. Наверное, захватим последние минут пять.

Судья Джуди перекрикивала и истца, и ответчика, чтобы заставить обоих замолчать. Это был неизменный сюжетный ход.

— А она в отличной форме, правда?

Шоу закончилось, и Тревис выключил телевизор. Он решил переставить цветы ближе в надежде, что Габи ощутит аромат. Он старался стимулировать ее чувства — вчера, например, сидел и расчесывал жене волосы, а позавчера принес духи и смочил ей запястья. Сегодня, впрочем, ему казалось, что все эти действия требуют куда больших усилий, нежели обычно.

— В общем, у нас ничего нового, — заключил Тревис со вздохом. Эти слова, наверное, им обоим казались бессмысленными. — Папа по-прежнему помогает мне в клинике. Ты удивишься, как здорово он управляет с животными, хотя и давно на пенсии. Такое ощущение, что он не уходил. Пациенты его обожают. Думаю, он счастлив на прежнем месте.

В дверь постучали, и появилась Гретхен. За минувший месяц Тревис привык на нее полагаться. В отличие от других медсестер она непоколебимо верила в то, что Габи очнется и будет в полном порядке. Она всегда обращалась с ней так, как будто пациентка была в сознании.

— Здравствуйте, Тревис, — бодро сказала Гретхен. — Простите, что

вмешиваюсь, но мне нужно сменить капельницу.

Тревис кивнул, и она подошла к Габи.

— Наверное, вы проголодались, милая, — продолжала Гретхен. — Погодите минутку. А потом я оставлю вас с мужем наедине. Сами знаете, как мне неловко вам мешать.

Она быстро сняла капельницу и заменила мешок, и все это — не умолкая.

— Наверное, у вас все болит после утренней зарядки. Мы ведь неплохо постарались, да? Как те ребята в рекламе. Поработали на славу. Я вами просто горжусь.

Утром и вечером сиделка приходила, чтобы размять Габи руки и ноги. Согнуть колено, выпрямить. Поднять руку, опустить. И так далее — каждый сустав, каждый мускул.

Закончив возиться с капельницей, Гретхен проверила иглу и поправила одеяло. Затем обернулась к Тревису:

— У вас все в порядке?

— Не знаю.

Гретхен, кажется, пожалела, что спросила.

— Хорошо, что вы принесли цветы. — Она кивком указала в сторону подоконника. — Не сомневаюсь, Габи в восторге.

— Надеюсь.

— Приведете девочек?

Тревис с трудом сглотнул.

— Не сегодня.

Гретхен поджала губы, кивнула. А потом ушла.

* * *

Два с половиной месяца назад Габи на каталке привезли в операционную. Она была без сознания, из глубокой раны на плече обильно текла кровь. Врачи в первую очередь занялись раной из-за сильной кровопотери, и Тревис впоследствии гадал, изменилось бы нынешнее положение вещей, если бы они поступили иначе.

Тогда он об этом не думал. Его, как и Габи, привезли в операционную на носилках; он, как и Габи, до утра лежал без сознания. Но на следующий день Тревис очнулся от боли в сломанной руке, а Габи так и не пришла в себя.

Врачи не пытались скрыть свои опасения. Черепно-мозговые травмы

всегда очень серьезны, но они надеялись, что все со временем придет в норму.

Со временем.

Иногда Тревис удивлялся, понимают ли врачи, насколько это время насыщено эмоциями — от надежды до отчаяния... А еще — что оно истекает.

Никто не знал, что он чувствует. Никто не понимал, какой выбор ему предстоит сделать. На первый взгляд все было просто: он должен был сделать то, чего хотела Габи. То, что он ей обещал.

Однако...

В том-то и дело. Он долго раздумывал, размышлял целыми ночами. Тревис снова и снова пытался понять, что такое любовь. В темноте он ворочался и метался, мечтая, чтобы кто-нибудь сделал выбор за него. Он боролся с самим собой, наедине, и чаще всего просыпался на залитой слезами подушке — там, где обычно покоилась голова Габи. И первые его слова поутру были всегда одни и те же: — Прости меня, милая.

Выбор, который надлежало сделать Тревису, был связан с двумя вещами. Во-первых, с историей Кеннета и Элеоноры Бейкер. Во-вторых, собственно с катастрофой, которая произошла дождливой и ветреной ночью два с половиной месяца назад.

Авария мало чем отличалась от ей подобных — результат серии ошибок, как будто не связанных друг с другом, которые каким-то образом привели к ужасающему финалу. В середине ноября Тревис и Габи поехали в Роли, чтобы посмотреть шоу Дэвида Копперфилда. Обычно они смотрели пару представлений в год — отличный повод, чтобы провести вечер наедине. Как правило, перед этим ужинали, но в тот раз не успели: Тревис задержался в клинике, они поздно выехали из Бофора и оказались в Роли лишь за несколько минут до начала. В спешке Тревис забыл зонтик, несмотря на зловещие облака и поднимающийся ветер. Ошибка номер один.

Они с удовольствием посмотрели шоу, а когда вышли из театра — погода испортилась. Шел сильный дождь; Тревис стоял рядом с Габи и думал, как бы побыстрее добраться до машины. Тут они встретили друзей, которые тоже были на представлении, и Джефф предложил проводить Тревиса под зонтом к машине, чтобы тот не промок. Но Тревис не захотел задерживать приятеля и отказался. Вместо этого он выскочил под дождь, шлепая по щиколотку в воде. Промок до костей, когда сел за руль. Особенно ноги. Ошибка номер два.

Поскольку обоим утром ждала работа, Тревис ехал быстро, невзирая на

ливень и ветер, в надежде выгадать несколько минут. Обычно поездка занимала два с половиной часа. Хотя через стекло почти ничего нельзя было разглядеть, он гнал вдоль самой разметки, обгоняя машины, за рулем которых сидели более осторожные люди. Ошибка номер три. Габи неоднократно просила мужа сбавить скорость; Тревис подчинился, а потом снова жал на газ. В Голдсборо, за полтора часа езды от дома, Габи так рассердилась, что перестала разговаривать с мужем. Просто откинулась назад и закрыла глаза. Габи разозлило, что Тревис ее игнорирует. Ошибка номер четыре.

Следующей ошибкой стала сама авария. Если бы не предыдущие промахи, ее можно было бы избежать. Если бы Тревис не забыл зонтик или не отказался пойти с Джеффом, ему не пришлось бы бежать под дождем к машине и ноги бы у него не промокли. Если бы он сбросил скорость, то не потерял бы контроль над автомобилем. Если бы он выполнил просьбу Габи, они бы не поругались. Она бы следила за тем, что делает муж, и остановила бы его прежде, чем стало слишком поздно.

Вблизи Ньюпорта шоссе делает широкий поворот, на котором стоит светофор. До дома оставалось двадцать минут, ноги Тревиса зудели нестерпимо. Ботинки сели от влаги, Тревис пытался сбросить обувь, но мысок одного ботинка соскальзывал с пятки другого. Он нагнулся, почти не глядя вперед, и принялся расшнуровывать ботинки. И не заметил желтый сигнал светофора.

Узелок не поддавался. Когда наконец Тревис его развязал и поднял голову, было слишком поздно. Горел красный, на перекресток въезжала грузовая фура. Тревис инстинктивно нажал на тормоз, и машина заскользила по мокрой от дождя дороге. Он не справился с управлением. В последнюю секунду столкновения с грузовиком удалось избежать. Машина вылетела с дороги и устремилась по направлению к соснам.

Грязь оказалась скользкой, и Тревис ничего не смог сделать. Он крутанул руль — напрасно. На мгновение ему показалось, что время замерло. Последнее, что он помнил, перед тем как потерять сознание, — это кошмарный звук разбивающегося стекла и скрежет металла.

Габи даже не успела вскрикнуть.

Тревис отвел прядку волос с лица жены, заправил ее за ухо и прислушался к бурчанию в собственном животе. Он был голоден, но не мог даже думать о еде. В желудке как будто стянулся узел — а когда это ощущение проходило, пустоту тут же заполняли мысли о Габи.

Это было своего рода наказание, потому что на второй год брака Габи решила приучить мужа к иным блюдам, нежели та простая еда, которой он

долгое время отдавал предпочтение. Видимо, она со временем устала от его аскетизма. Следовало бы догадаться, что грядут перемены, когда Габи начала словно невзначай намекать, как вкусны поутру в субботу бельгийские вафли, а в холодный зимний день нет ничего лучше тарелки тушеного мяса.

До тех пор еду готовил Тревис, но мало-помалу Габи начала отвоевывать свое место на кухне. Она купила несколько поваренных книг, и по вечерам Тревис мог наблюдать, как жена, лежа на кушетке, время от времени загибает страничку. То и дело она спрашивала, нравится ли ему то или иное блюдо. Вслух читала рецепт телятины со сливочным соусом «Марсала» или джамбалайи по-кажунски. Тревиса пугало и то и другое, и сам тон его намекал, что если Габи приготовит эти блюда, то он скорее всего не станет их есть.

Но она была крайне настойчива и принялась вносить небольшие изменения. Добавляла к своей ежевечерней порции цыпленка масло, сливки или винный соус и просила, чтобы Тревис хотя бы понюхал. Обычно он соглашался, что запах действительно аппетитный. Потом она начала подавать небольшое количество приправ к столу и предлагала их Тревису вне зависимости от того, хотел он того или нет. Понемногу, к собственному удивлению, Тревис начал пробовать.

На третью годовщину свадьбы Габи приготовила мясной хлеб в итальянском стиле и попросила мужа вместо подарка разделить с ней трапезу. На следующий год они уже готовили вместе. Хотя завтрак и ленч у Тревиса оставались такими же непритязательными, как и прежде, и ужины чаще всего были столь же просты, он признал, что в совместной стряпне есть нечто романтическое. Со временем они начали делать это как минимум дважды в неделю. Во время процесса приготовления дочерей обычно просили оставаться в игровой. На полу там лежал берберский ковер изумрудного цвета, и девочки называли эти дни «днями зеленого ковра». Пока Габи и Тревис нарезали, смешивали и тихонько беседовали, он испытывал редкостное удовлетворение.

Интересно, выпадет ли ему еще когда-нибудь шанс готовить вместе с женой? В первые недели после аварии он настаивал, чтобы у ночной сиделки был под рукой его номер телефона. Через месяц Габи начала дышать сама, и ее перевели из реанимации в палату. Тревис надеялся, что смена обстановки разбудит жену. Но дни шли, ничего не менялось, маниакальная уверенность Тревиса сменилась тихим непреходящим ужасом. Некогда Габи сказала, что полтора месяца — крайний срок. Потом шансы пациента на выход из комы катастрофически снижаются. Но он по-

прежнему надеялся. Тревис твердил себе, что Габи — мать, Габи — настоящий боец, Габи не похожа на других. Прошло полтора месяца, потом два... Тревис знал, что по истечении трех месяцев пациентов, остающихся в коме, перевозят в отдельную клинику. Роковой день наступил сегодня, и нужно было уведомить администрацию о своем выборе.

Тревис вспоминал о Кеннете и Элеоноре Бейкер. И хотя он знал, что не стоит винить Габи, сейчас ему особенно не хотелось думать о них.

В доме, который они построили, Тревис готов был провести всю жизнь. Несмотря на новизну, сразу же после переезда он ощутил некое постоянство. Хозяйка приложила все силы к тому, чтобы человек чувствовал себя уютно, едва успев открыть дверь.

Именно жена подбирала детали, которые сделали эту постройку их домом. Если в процессе строительства Тревис размышлял, оперируя терминами вроде квадратных метров и влагоустойчивых материалов, Габи приносила некую эклектику, о которой он бы в жизни не подумал. Однажды — стройка шла полным ходом — они проезжали мимо полуразрушенной фермы, давным-давно заброшенной, и Габи потребовала, чтобы Тревис остановился. К тому времени он уже привык к ее периодическим прихотям и не стал возражать. Они подошли к дверному проему и двинулись по полу, густо покрытому грязью, мимо заросших плющом стен и выбитых окон. У дальней стены стоял камин, сплошь облепленный сажей. Габи как будто заранее знала, что ищет. Она присела на корточки рядом с камином и провела рукой по бокам, а потом — по каминной полке.

— Видишь? Изразцы ручной работы, — сказала она. — Их здесь сотни. Представляешь, как красиво они выглядели, когда были новые?

Габи взяла мужа за руку.

— Нам тоже нужно что-нибудь в этом роде.

Понемногу дом обретал черты, о которых Тревис даже не помышлял. Они не просто скопировали пресловутый камин; Габи разыскала владельцев, нагрянула к ним домой и убедила продать эту штуку, причем покупка обошлась дешевле, чем отчистка. Еще она хотела массивные дубовые балки и высокий, обшитый сосной потолок в гостиной, повторяющий очертания остроконечной крыши. Стены штукатурили, выкладывали кирпичом или оклеивали цветными обоями, которые сами по себе представляли произведение искусства. Жена проводила целые дни в магазинах, подыскивая мебель и безделушки, иногда Тревису казалось, что сам дом прекрасно понимает, чего добивается хозяйка. Когда она случайно обнаружила скрипучую половицу, то прошла по ней несколько раз с широкой улыбкой, чтобы удостовериться, что ей не мерещится. Габи обожала коврики — чем ярче, тем лучше, и они были щедро расстелены по всему дому.

Его любимая жена отличалась практичностью. Кухня, ванная, спальни были светлыми, просторными, современными, с огромными окнами, откуда открывался потрясающий вид. В ванной стояли джакузи и просторная душевая кабина. Габи хотела большой гараж, чтобы Тревису было где мастерить. Поскольку оба любили проводить время на веранде, она настояла на приобретении гамака и кресел-качалок, а также гриля. Веранду спроектировали так, что во время грозы можно было сидеть там, не боясь вымокнуть. В итоге гости обычно терялись в догадках, где им уютнее — внутри или снаружи. Это был дом, куда можно войти в грязной обуви и не нарваться на неприятности. В первую ночь после переезда, когда они лежали на большой кровати под пологом, Габи взглянула на Тревиса с выражением искреннего счастья и промурлыкала:

— Именно здесь мне хочется жить долго-долго. И непременно с тобой. У детей были проблемы, хотя Тревис и не упоминал об этом Габи.

Неудивительно, конечно, но в большинстве случаев он понятия не имел, что делать. Кристина то и дело спрашивала, когда же мамочка вернется домой. Хотя Тревис неизменно повторял, что однажды это случится, Кристина, кажется, не верила — возможно, потому, что отец сам сомневался. Дети крайне восприимчивы к такого рода вещам, а восьмилетняя девочка уже начала понимать, что мир не так уж прост.

Она была прелестной девочкой с ярко-голубыми глазами и любила носить банты в волосах. В ее комнате всегда царил порядок, и Кристина отказывалась надевать что-нибудь не в тон. Она не спорила и не плакала, даже если что-то шло не так, предпочитала рассаживать кукол или примерять новые туфли. Но после аварии девочка начала легко терять равновесие, истерики стали обычным явлением. Родственники Тревиса, включая Стефани, посоветовали обратиться к психологу. Кристина и Элайза дважды в неделю посещали консультации, но приступы гнева как будто еще усугубились. Накануне вечером, когда Кристина пошла спать, в ее комнате царил хаос.

Элайза, которая всегда была маленькой для своего возраста, походила на маму цветом волос и неизменно солнечным настроением. Она бродила за Габи по всему дому, как щенок. Девочка любила украшать тетрадки наклейками, и ее классная работа обычно удостаивалась отличных отметок. Теперь Элайза плакала по вечерам, перед тем как уснуть. Сидя внизу, Тревис слышал, как ребенок всхлипывает. Ему приходилось щипать себя за переносицу, чтобы не разрыдаться вместе с дочерью. В такие ночи он обычно поднимался к девочкам (после аварии они пожелали спать в одной комнате), ложился рядом с Элайзой, гладил ее по голове и слушал, как она

шепчет: «Я скучаю по маме». Ничего печальнее Тревис в жизни не слышал. Слезы душили его, и он отвечал: «Да. Я тоже».

Он не мог занять место Габи — и даже не пытался. В результате возникла пустота, которую он не знал, чем заполнить. Как и большинство родителей, они разделили сферы влияния в том, что касалось детей. В итоге Габи приняла на себя куда большую ответственность, нежели он, и теперь Тревис об этом жалел. Он просто не умел делать некоторые вещи, которые легко давались жене. Мелочи. Например, он мог причесать девочек, но когда дело доходило до плетения косичек, Тревис опускал руки. Он не знал, какой йогурт имела в виду Элайза, когда сказала: «Ну тот, с синими бананами». Когда начались холода, он стоял в магазине и изучал бутылочки с сиропом от кашля, размышляя, взять ли микстуру с вишневым или виноградным вкусом. Кристина отказывалась носить одежду, которую покупал ей отец. Тревис понятия не имел, что Элайза любит по пятницам надевать туфельки с блестками. Выяснилось, что он до сих пор даже не помнил, как зовут их учителей и на каком этаже расположены классы.

Хуже всего пришлось на Рождество, потому что это всегда был любимый праздник Габи. Ей нравилось делать все с ним связанное — выбирать елку, украшать дом, готовить печенье, ходить за покупками. Тревис удивлялся, каким образом жене удастся сохранять хорошее расположение духа, проталкиваясь сквозь взбудораженную толпу в магазине. Но вечером, когда дочери отправлялись спать, Габи с удовольствием доставала подарки, и они вместе их упаковывали, а потом Тревис относил свертки на чердак.

На минувшее Рождество никакого веселья не получилось. Тревис старался изо всех сил, изображая радостное возбуждение, хотя, разумеется, ничего подобного не испытывал. Он пытался делать все, что делала Габи, но постоянно носить маску было утомительно, тем более что Кристина и Элайза отнюдь не упрощали эту задачу. Тревис не винил дочерей — и не знал, что сказать, когда обнаружил в списке их новогодних пожеланий просьбу о том, чтобы мама поправилась. Вряд ли новый кукольный домик мог заменить Габи.

В последние две-три недели положение как будто улучшилось. Кристина по-прежнему закатывала истерики, а Элайза плакала по ночам, но они привыкли жить без мамы. Возвращаясь из школы, девочки больше не звали ее по привычке; если они падали и разбивали коленку, то шли за пластырем к отцу. На картинке «Моя семья», которую Элайза нарисовала в школе, Тревис увидел лишь три фигурки. Потом разглядел еще один, горизонтально расположенный, силуэт в углу листа, как будто девочка

добавила его после некоторого раздумья. Дочери не спрашивали о маме так часто, как раньше, и редко навещали ее. Им было нелегко приезжать в больницу, потому что малышки не знали, что говорить и как себя вести. Тревис это понимал и пытался облегчить дочкам задачу. «Просто побеседуйте с ней», — советовал он. Они пытались, но, не получив ответа, замолкали.

Обычно в день визита Тревис заставлял их привозить подарки — красивые камушки, найденные в саду, листья, самодельные открытки, украшенные блестками. Но даже тогда девочки держались крайне неуверенно. Элайза клала подарок Габи на живот, потом перемещала ближе к руке, а в конце концов оставляла на тумбочке. Кристина же постоянно двигалась. Она то садилась на кровать, то отходила к окну, то пристально вглядывалась в лицо матери — и за все время не произносила ни единого слова.

— Как дела в школе? Расскажи, — попросил старшую дочь Тревис во время последнего визита. — Я уверен, маме будет интересно послушать.

Вместо ответа Кристина взглянула на него.

— Зачем? — спросила девочка печально и с вызовом. — Ты ведь знаешь, что она меня не услышит.

На первом этаже больницы было кафе, и Тревис часто заглядывал туда — просто чтобы послушать чужие голоса. Обычно он заходил в кафе во время ленча, со временем начал узнавать постоянных посетителей. В основном здесь обедал больничный персонал, но почти каждый раз Тревис замечал одну пожилую женщину. Хотя он ни разу с ней не говорил, но узнал от Гретхен, что муж этой женщины лежал в реанимации, когда привезли Габи. У него было тяжелое осложнение, связанное с диабетом. Каждый раз, когда Тревис видел женщину, он думал о ее муже — как он там, наверху. Было так легко вообразить себе худшее: пациент, подключенный к десятку аппаратов, бесконечные операции, угроза ампутации, жизнь, которая едва теплится... Не его дело было расспрашивать, и Тревис сомневался, что хочет знать правду — хотя бы потому, что он не смог бы изобразить должное сочувствие. Способность сострадать как будто покинула его.

И все-таки он наблюдал за ней, гадая, что она могла бы ему рассказать. Тугой узел в животе не позволял Тревису проглотить и нескольких кусков, а женщина не только съедала всю порцию, но и явно наслаждалась едой. Тревис не мог сосредоточиться ни на чем, кроме собственных забот и повседневной жизни дочерей, а она смеялась, прочитав в журнале нечто забавное. В отличие от него эта женщина по-прежнему сохранила

способность улыбаться — и охотно дарила улыбки всем, кто проходил мимо ее столика.

Иногда Тревису казалось, что в этих улыбках сквозит одиночество. Он бранил себя за то, что дает волю воображению, но продолжал думать о ее браке. Судя по возрасту, они с мужем отпраздновали серебряную, если не золотую годовщину. Скорее всего у них взрослые дети, хотя Тревис их никогда не видел. Он тщетно гадал, счастливы ли они в браке. Женщина, кажется, спокойно относилась к болезни мужа, а Тревис ходил по коридорам и чувствовал себя так, как будто один неверный шаг — и он без сил рухнет на пол.

Интересно, сажал ли муж для нее розовые кусты, как он для Габи, когда она забеременела? Тревис помнил, как жена села на крыльце, положив руку на живот, и намекнула, что на заднем дворе маловато цветов. Глядя на нее в ту минуту, он был не в силах отказать. Хотя он изодрал руки в кровь, пока закончил, в день рождения Кристины в саду цвели розы. Тревис привез Габи букет в больницу.

Интересно, наблюдал ли муж этой женщины за ней краем глаза, как Тревис наблюдал за Габи, когда дети качались на качелях в парке. Ее лицо светилось гордостью. Тревис держал жену за руку, и ему не хотелось ее отпускать.

Интересно, любовался ли этот человек своей женой по утрам, как Тревис любовался Габи. Иногда, невзирая на хаос и спешку, они просто лежали несколько минут обнявшись, будто набирались сил для того, чтобы встретить новый день.

Тревис не знал, был ли его брак исключительно счастливым или же все семьи таковы. Он знал лишь, что без Габи абсолютно растерялся, тогда как остальные, включая женщину в кафе, откуда-то черпают энергию, чтобы жить дальше. Он не знал, восхищаться этой женщиной или жалеть ее. Тревис всегда отворачивался, прежде чем та успевала поймать его взгляд.

Рядом прошло целое семейство с воздушными шариками. Слышалась оживленная болтовня. У кассы стоял молодой человек и рылся по карманам в поисках сдачи. Тревис отодвинул поднос, ощутив тошноту. Он осилил сэндвич лишь наполовину. Тревис подумал, не захватить ли его с собой в палату, но потом решил, что все равно не станет доедать. Отвернулся к окну.

Оно выходило на маленькую зеленую лужайку, и Тревис мог наблюдать за изменениями в природе. Он представил себе, как с приходом весны кизил покроется крошечными почками. За минувшие три месяца он видел с этого места все. Видел дождь и солнце, видел ветер, который несся

со скоростью пятьдесят миль в час и безжалостно сгибал сосны. Три недели назад он видел град, за которым последовала потрясающая радуга, повисшая над кустами азалии. Цвета, такие яркие и живые, заставили Тревиса вспомнить о том, что природа порой посылает знамения. Главное — верить, что за печалью всегда следует радость. Но в следующую минуту радуга исчезла, град посыпал снова, и Тревис понял, что радость — всего лишь иллюзия.

После обеда небо затянуло облаками, а для Габи пришло время зарядки. Утром и вечером упражнения с ней проделывала медсестра, но Тревис попросил у Гретхен разрешения совершать эту процедуру в середине дня.

— Думаю, ей понравится, — ответила та.

Гретхен продемонстрировала ему последовательность упражнений, объяснила, что каждый мускул и каждый сустав требуют внимания. Если Гретхен и прочие медсестры начинали с пальцев на руках, Тревис обычно начинал с пальцев на ногах. Он отворачивал одеяло, касался ступни, сгибал и разгибал розовый пальчик снова и снова, прежде чем перейти к соседнему.

Ему нравилось делать это для Габи. Прикосновения к ее телу было достаточно, чтобы оживить десятки воспоминаний: то, как он массировал ноги жены, когда она была беременна; медленный соблазнительный массаж при свечах, заставлявший ее мурлыкать от удовольствия; растирание плеч, когда она потянула связки, подняв тяжелую сумку одной рукой. Тревису не доставало разговоров с Габи, но иногда ему казалось, что по обыкновением прикосновениям он скупает ничуть не меньше. Прошел месяц, прежде чем он попросил у Гретхен разрешения делать с Габи лечебную физкультуру. Глядя ноги жены, он чувствовал себя так, будто пользуется ее беспомощностью. Не важно, что они женаты. Происходящее казалось Тревису сомнительным по отношению к женщине, которую он обожал.

Но...

Габи нуждалась в помощи. Без упражнений мышцы атрофируются, и даже если она очнется — когда очнется, немедленно поправлял себя Тревис, — то окажется прикованной к постели. По крайней мере так он себя убеждал. В глубине души Тревис знал, что нуждается в этом не меньше жены, хотя бы затем, чтобы чувствовать тепло ее кожи или легкое биение пульса на запястье. В такие минуты он почти не сомневался, что Габи очнется.

Он заканчивал разминать пальцы на ногах и принимался за лодыжки, потом сгибал и разгибал колени, то подтягивая их к груди, то снова выпрямляя. Иногда, лежа на кушетке с журналом, Габи с рассеянным видом проделывала то же самое, как балерина. И не менее грациозно.

— Тебе приятно, милая?

«Да, прекрасно. Спасибо. А то они уже слегка затекли».

Тревис понимал, что воображает себе этот разговор, что на самом деле она молчит. Но родной голос звучал из ниоткуда каждый раз, когда они делали зарядку. Иногда Тревис гадал, не сходит ли он с ума.

— Как поживаешь?

«По правде говоря, страшно скучаю. Кстати, спасибо за цветы. Они такие красивые. Ты купил их у Фрика?»

— Ну а где же еще?

«Как там девочки? И на сей раз не ври». Тревис перешел к другому колену.

— Все в порядке. Хотя, конечно, очень по тебе скучают, и им нелегко. Иногда я просто не знаю, что делать.

«Но ты стараешься изо всех сил. И я говорю тебе это каждый раз».

— Ты права.

«Иного я и не ожидала. С ними все будет хорошо. Они крепче, чем кажутся».

— Да. Похожи на тебя.

Тревис вообразил, как Габи с усталым видом оглядывает его с головы до ног.

«Ты похудел. Кожа да кости».

— Я мало ем.

«Я беспокоюсь. Ты должен подумать о себе. Ради девочек. Ради меня».

— Я всегда буду рядом с тобой.

«Знаю. Этого я тоже боюсь. Помнишь Кеннета и Элеонору Бейкер?»

Тревис замер.

— Да.

«Ты знаешь, что я имею в виду».

Он вздохнул и снова принялся за дело.

— Да.

Ее голос смягчился.

«Помнишь, как в прошлом году мы все поехали в горы? Ты клялся, что нам с девочками непременно понравится».

Тревис принялся разрабатывать пальцы на руках.

— Почему ты вдруг об этом вспомнила?

«Я здесь о многом вспоминаю. А чем еще мне заняться? Помнишь, когда мы приехали, то даже не успели разбить лагерь или хотя бы вытащить вещи из машины, хотя приближалась гроза. Ты хотел показать нам озеро. Пришлось идти пешком за полмили, и как только мы достигли

берега, разверзлись хляби небесные. Лило так, словно мы стояли под пожарной кишкой. Мы вернулись в лагерь мокрыми насквозь. Я разозлилась и заставила тебя отвезти нас всех в отель».

— Помню.

«Прости меня. Мне не следовало так сердиться. Пусть даже это была твоя вина».

— Почему всегда виноват я?

Аккуратно поворачивая голову жены из стороны в сторону, Тревис представил, как Габи подмигивает.

«Потому что ты очень мило дуешься, когда я это говорю».

Он склонился и поцеловал ее в лоб.

— Я так по тебе скучаю.

«Я тоже».

У него сдавило горло, когда гимнастика приблизилась к концу: Тревис знал, что сейчас голос Габи начнет отдаляться. Он наклонился к ее уху:

— Ты должна очнуться, слышишь? Ты нужна дочерям. И мне.

«Да. Я пытаюсь».

— Поторопись.

Она промолчала, и Тревис понял, что чересчур давит.

— Я люблю тебя, Габи.

«И я тебя люблю».

— Тебе что-нибудь нужно? Опустить жалюзи? Привезти какую-нибудь вещь из дома?

«Просто посиди со мной немножко. Я очень устала».

— Конечно.

«И возьми меня за руку».

Тревис кивнул и накрыл жену одеялом. Он сел на стул у постели и взял ее за руку, рассеянно водя по ней большим пальцем. Голубь вернулся и снова сел на подоконник. По небу, меняя очертания, плыли облака. Тревис обожал жену, но нынешняя жизнь превратилась в кошмар, и он ругал себя за эти мысли. Он целовал один за другим пальцы Габи, прижимая их к своей щеке. Ощущал ее тепло и мечтал хотя бы о малейшем отклике. Не дождавшись, Тревис вернул руку Габи на место и даже не сразу понял, что голубь как будто пристально разглядывает его.

Элеонора Бейкер, тридцативосьмилетняя домохозяйка. У нее было двое сыновей, которых она обожала. Восемь лет назад ее доставили в больницу с рвотой и жалобами на нестерпимую боль в затылке. Габи подменяла в тот день подругу; Элеонору приняли, и до следующего понедельника Габи ничего о ней не знала. Потом выяснилось, что

пациентку положили в реанимацию, поскольку в воскресенье женщина не проснулась. «Она просто заснула — и все», — объяснила одна из сестер.

Кома была вызвана тяжелым случаем вирусного менингита.

Муж Элеоноры, Кеннет, общительный, дружелюбный человек, работавший учителем истории в старшей школе Ист-Картерет, проводил все дни в больнице. Со временем Габи познакомилась с ним. Поначалу они просто перекидывались парой слов, но затем их разговоры стали содержательнее. Кеннет обожал жену и детей. В клинике он появлялся в опрятном свитере и отглаженных брюках. Он был истовым католиком, и Габи часто видела, как он молится у постели жены, перебирая четки. Их сыновей звали Мэтью и Марк.

Тревис знал это, потому что Габи ему рассказала. Не сразу. Она неизменно удивлялась, отчего Кеннет продолжает приходить каждый день и о чем он думает, сидя в тишине у постели жены.

— Он все время такой грустный, — заметила Габи.

— Неудивительно. Его жена в коме.

— Но он сидит с ней постоянно. А как же дети?

Недели сливались в месяцы, и Элеонору Бейкер в конце концов перевезли в частную клинику. Прошел год, потом еще один. Габи, возможно, забыла бы об этой женщине, если бы они с Кеннетом периодически не встречались в магазине. Разговор неизбежно заходил о том, как дела у Элеоноры. Все оставалось без изменений.

По мере того как шли годы, Габи замечала, что Кеннет меняется. «Она еще держится», — мимоходом ронял он на вопрос о состоянии жены. Если раньше в его глазах загорался огонек, когда Кеннет говорил об Элеоноре, то теперь в них царила пустота. Любовь сменилась апатией, черные волосы за пару лет стали седыми. Кеннет так исхудал, что одежда висела на нем мешком.

Регулярно встречая его в отделе полуфабрикатов или возле полок с кукурузными хлопьями, Габи просто не могла уклониться от разговоров и постепенно сделалась чем-то вроде наперсницы. Кеннет, судя по всему, нуждался в ней, он хотел общения, и во время этих встреч Габи узнавала о многих печальных событиях. Он потерял работу, дом, не мог дождаться, когда же дети наконец вырастут и уедут. Старшего выгнали из школы, младшего опять арестовали за наркотики. Опять. Габи подчеркнула это, когда вечером разговаривала с мужем. И сказала, что Кеннет, несомненно, был пьян.

— Мне его так жаль, — закончила она.

— Не сомневаюсь.

Габи помолчала.

— Возможно, было бы лучше, если бы Элеонора умерла.

Глядя в окно, Тревис думал о Бейкерах. Он понятия не имел, жива ли Элеонора сейчас. После аварии он почти каждый день прокручивал в голове свои разговоры с Габи, вспоминая то, что рассказывала ему жена. Возможно, Бейкеры вошли в их жизнь с какой-то определенной целью. Многим ли доводится лично знать человека, который лежит в коме? Это так... необычно, все равно что оказаться на острове динозавров или наблюдать за тем, как летающая тарелка бомбит Эмпайр-Стейт-билдинг.

Если действительно была какая-то причина, то какая? Предупредить Тревиса, что он обречен? Что девочки собьются с пути истинного? Подобные мысли приводили его в ужас, и каждый раз Тревис с особым нетерпением ждал возвращения детей из школы. Он возил их в парк аттракционов на каникулах, иногда позволял Кристине переночевать у подружки. Каждое утро Тревис просыпался с мыслью о том, что дочери должны хорошо себя вести дома и в школе, пусть даже им нелегко. Если они не слушались, то обе на весь вечер отправлялись в детскую. Потому что так поступила бы Габи.

Его родственники порой говорили, что он слишком суров с Кристиной и Элайзой. Неудивительно. В частности, теща всегда была настроена критически. Если Габи могла часами болтать по телефону с его отцом, то разговоры Тревиса с тещей неизменно отличались краткостью. Поначалу Паркеры из чувства долга проводили отпуск в Саванне, и Габи всегда ехала домой в подавленном состоянии, но после рождения дочерей наконец заявила родителям, что впредь собирается отдыхать на свой лад. Если родителям захочется ее повидать, пусть приезжают в Бофор. Они не приехали ни разу.

После аварии родители Габи поселились в отеле в Морхед-Сити, чтобы быть поближе к дочери. В течение первого месяца все трое нередко навещали Габи вместе. Хотя никто и никогда не обвинял Тревиса, тот чувствовал, что тесть и теща стараются держаться от него на расстоянии. Если они проводили время с Кристиной и Элайзой, то всегда на нейтральной территории — в кафе или пиццерии — и редко заходили в дом больше чем на пару минут.

Затем родители Габи вернулись в Саванну. Они иногда приезжали на выходные; в такие дни Тревис держался подальше от больницы. Он уверял себя, что им нужно побыть наедине с дочерью — отчасти так оно и было. Тревису не хотелось признавать, что он сторонится их, поскольку тесть и теща неизменно, пусть и невольно, служат ему укором.

Друзья повели себя так, как и предполагал Тревис. Элисон, Меган и Лиз поочередно готовили ужин. Они успели сдружиться с Габи, и иногда Тревису приходилось их ободрять. Женщины приходили с заплаканными глазами и натянутыми улыбками, в изобилии приносили лазанью, запеканки, салаты и разнообразные десерты и неизменно подчеркивали, что использовали птицу — в таком случае Тревис соглашался поесть.

Элисон, Меган и Лиз отлично управлялись с девочками. Поначалу они часто успокаивали их, когда малышки плакали. Со временем Кристина особенно привязалась к Лиз. Та заплетала ей косы и помогала мастерить браслеты из бусин; они по меньшей мере полчаса в день гоняли во дворе футбольный мяч, а вернувшись в комнату, начинали шептаться, как только Тревис выходил. Он гадал, о чем они беседуют. Зная Лиз, он не сомневался, что она расскажет ему, если речь пойдет о чем-то важном, но обычно Лиз просто отвечала, что Кристина хотела поговорить. Во всяком случае, Тревис был благодарен ей за присутствие и немного ревновал, завидовал близости Лиз с его дочерью.

Элайза, напротив, сблизилась с Меган. Они вместе раскрашивали картинки за кухонным столом или смотрели телевизор, сидя рядом. Иногда Тревис замечал, что девочка сворачивается клубочком рядом с Меган, точь-в-точь как прежде — рядом с Габи. В такие минуты они действительно выглядели как мать и дочь, и Тревису казалось, что его семья снова в сборе.

Элисон, со своей стороны, неустанно напоминала девочкам, что, невзирая на печаль и отчаяние, у них по-прежнему есть обязанности. Она отправляла их убираться в комнатах, помогала делать уроки, заставляла относить посуду в раковину — ласково, но настойчиво. Если девочки и уклонялись от работы по дому в те дни, когда Элисон не было, это все же стало случаться реже. На подсознательном уровне дети, видимо, страстно желали порядка — так что Элисон оказалась именно тем, что им было нужно.

Благодаря друзьям и матери, которая проводила у него почти все вечера и часто оставалась на выходные, в первое время после аварии Тревис редко оказывался наедине с дочерьми. Друзья и мать брали на себя роль родителей в тех случаях, когда ему это было не под силу. Тревис нуждался в их помощи. Сам он едва мог вылезти из постели поутру и почти всегда едва сдерживал слезы. Чувство вины не давало Тревису покоя, и не только из-за аварии. Он не знал, что делать. Когда он приезжал в больницу, то хотел быть дома, с дочерьми; вернувшись домой, рвался к Габи.

Полтора месяца спустя, в очередной раз выбросив остатки еды в мусорное ведро, Тревис наконец сказал друзьям, он рад видеть их в своем

доме, но ужины отныне будет готовить сам. И вовсе не обязательно навещать его каждый день. Перед его мысленным взором стоял Кеннет Бейкер, и Тревис знал, что должен по мере сил наладить собственную жизнь. Обязан стать для девочек прежним отцом. Отцом, каким его хотела видеть Габи. И понемногу он справился. Было непросто. Пусть иногда Кристина и Элайза скучали по чужому вниманию, Тревис выказывал к ним такое участие, что с успехом компенсировал эту нехватку. Далеко не все вошло в привычное русло, но теперь, три месяца спустя, их жизнь устоялась. Тревис иногда думал, что, заботясь о дочерях, спас себя.

Удручало то, что после аварии у него практически не осталось времени на общение с Джо, Мэттом и Лэрдом. Когда дети отправлялись спать, мужчины периодически заглядывали к нему, чтобы выпить пива, но разговоры сделались натянутыми. Все, что они говорили, казалось неуместным. Если друзья спрашивали о жене, Тревис не мог это обсуждать. Если они пытались говорить о чем-нибудь другом, он гадал, отчего они избегают упоминания о Габи. Тревис понимал, что несправедлив, но, проводя время с приятелями, всегда поражался тому, как их жизнь отличается от его собственной. Несмотря на их доброту, терпение и очевидное сочувствие, он ловил себя на мысли о том, что вскоре Джо вернется домой, к Меган, и они примутся тихонько обсуждать события-дня, свернувшись под одеялом. Когда Мэтт клал ему руку на плечо, он гадал, рада ли Лиз этому визиту или предпочла бы видеть мужа дома. То же самое было с Лэрдом. Невольно Тревис начинал раздражаться в присутствии друзей. Их проблемы были временными, а он был вынужден постоянно нести невообразимое бремя. Тревис не мог удержаться от гнева, размышляя об этой несправедливости. Он хотел того же, что было у них, и сознавал, что благополучные люди никогда не поймут его потерю, невзирая на все усилия. Он презирал себя за такие мысли и старался скрывать гнев, но друзья чувствовали, как изменилось его отношение к жизни. Постепенно их визиты делались все короче, все реже. Тревис ругал себя и за это — за преграду, которую он воздвиг между собой и друзьями. Он не знал, как с этим справиться.

Оставшись один, Тревис раздумывал о том, почему он злится на друзей и в то же время испытывает безграничную благодарность к их женам. Он сидел на веранде и размышлял. Неделю назад, глядя на ущербную луну, Тревис наконец понял, что знает ответ. Разница была в том, что Меган, Элисон и Лиз изо всех сил старались поддержать девочек, а Джо, Мэтт и Лэрд — его самого.

Дочери нуждались в помощи. А Тревис заслуживал наказания.

Сидя с Габи, Тревис взглянул на часы. Почти половина третьего. В обычное время он бы попрощался с женой и отправился домой, чтобы встретить девочек из школы. Но сегодня Кристина отправилась в гости к подружке, а Элайза — в аквапарк, на вечеринку по случаю дня рождения подруги, так что обеих не стоило ждать раньше ужина. Тревису повезло, что у дочерей были планы на этот день, поскольку он в любом случае намеревался задержаться в больнице. Ему предстояло встретиться с неврологом и главврачом клиники.

Он знал, о чем пойдет речь, и не сомневался, что оба будут говорить сочувственно, сдержанными и ободряющими голосами. Невролог скажет, что врачи больше ничего не могут сделать для Габи, а потому ее придется перевезти в частную клинику. Тревиса заверят, что, поскольку состояние его жены стабильно, риск минимален, каждую неделю ее будет навещать врач. А персонал, работающий в центре, сумеет обеспечить Габи повседневный уход, в котором нуждается пациентка. Если Тревис запротестует, вмешается директор и заметит, что страховка покрывает лишь трехмесячное пребывание в больнице, если только пациент не лежит в реанимации. Также он, вероятно, пожмет плечами и скажет: в клинике просто нет места для Габи, пусть даже она некогда здесь, работала. Больше ничего нельзя сделать. Оба, объединив усилия, постараются добиться своего.

И ни один из них не понимает, что не так уж просто принять решение. Пока Габи здесь, в больнице, есть надежда, что она скоро очнется. Поблизости врачи и медсестры, чья задача — немедленно отследить признаки, свидетельствующие об улучшении. Которое, разумеется, не замедлит наступить. Если Габи перевезут в частную клинику, это равносильно признанию того, что надежды нет. Тревис не хотел с этим мириться, хотя, судя по всему, его не собирались спрашивать.

Но у Габи был шанс, и, в конце концов, Тревис не собирался решать, полагаясь исключительно на слова невролога или главврача. Главное — то, что, по его мнению, нужно жене.

Голубь улетел, и Тревис подумал, не отправилась ли птица навестить других больных — словно врач, который совершает обход. И если да — замечают ли пациенты голубя, как он.

— Прости, что плакал, — прошептал Тревис. Глядя на Габи, он видел,

как поднимается и опускается ее грудь. — Не удержался.

Тревис знал, что не услышит ответа. Такое случалось только раз в день.

— Знаешь, что мне в тебе нравится? — спросил он. — Помимо всего прочего? — Он с трудом улыбнулся. — Мне нравится, как ты обращаешься с Молли. Кстати, у нее все в порядке. Она по-прежнему любит лежать в высокой траве. Когда я ее там вижу, то вспоминаю первые годы нашего брака. Помнишь, мы брали собак с собой на пляж? Если выходили рано, то спускали их с поводка, и они носились вокруг. Это были такие... спокойные утра, и мне нравилось смотреть, как ты со смехом гоняешься за Молли, пытаясь шлепнуть ее по заднице. Она просто с ума сходила, если вы начинали играть. Глаза так и блестели, когда она ждала твоего следующего движения.

Тревис помолчал, с удивлением заметив, что голубь вернулся. Наверное, птице понравилось слушать, как он говорит.

— Кстати, именно тогда я и понял, что ты будешь отличной матерью. По тому, как ты вела себя с Молли. Даже в самый первый раз, когда мы встретились. — Он покачал головой. — Веришь или нет, но я с удовольствием вспоминаю, как ты влетела ко мне домой тем вечером. И вовсе не потому, что в итоге мы поженились. Ты походила на львицу, которая защищает свое потомство. Человек не может настолько рассердиться, если он не способен сильно любить. Наблюдая, как ты обращаешься с Молли — с любовью, вниманием и заботой, — я понял, что такой же ты будешь с детьми.

Тревис провел пальцем по руке Габи.

— Знаешь, как это важно для меня — видеть, что ты любишь наших дочерей? Даже не представляешь, какое это огромное утешение. — Он склонился к ее уху: — Я люблю тебя, Габи, сильнее, чем ты можешь себе представить. Ты идеальная жена. Ты воплощение всех моих надежд и мечтаний. Ты сделала меня счастливее всех мужчин на свете. И я не хочу сдаваться. Не могу. Понимаешь?

Тревис тщетно ждал ответа. Как всегда — ничего, как будто Бог давал понять: его любви недостаточно. Глядя на Габи, Тревис вдруг ощутил себя старым и усталым. Он поправил одеяло, страдая от одиночества и сознавая, что каким-то образом подвел жену.

— Пожалуйста, — попросил он. — Ты должна очнуться, родная. Пожалуйста. У нас мало времени.

— Привет, — сказала Стефани. Одета в джинсы и футболку, она мало походила на преуспевающего профессионала. Она жила в Чепл-Хилле и

была старшим проектным менеджером стремительно растущей биотехнологической фирмы. В течение последних трех месяцев Стефани проводила несколько дней в неделю в Бофоре. После аварии она оставалась единственной, с кем Тревис мог нормально говорить. Лишь сестра знала все его секреты.

— Привет, — ответил Тревис.

Она пересекла комнату и наклонилась над постелью.

— Привет, Габи, — сказала Стефани, целуя ее в щеку. — Как поживаешь?

Тревису нравилось, как Стефани обращается с его женой. Не считая его самого, сестра была единственной, кто чувствовал себя в присутствии Габи уверенно.

Стефани придвинула стул и села рядом с Тревисом.

— А как у тебя дела, старший брат?

— Нормально.

Она оглядела его с ног до головы:

— Ужасно выглядишь.

— Спасибо.

— Ты слишком мало ешь. — Стефани полезла в сумку и вытащила пакетик арахиса. — Держи.

— Я не голоден. Только что съел ленч.

— Какой?

— Вполне достаточный.

— Сделай, как я прошу, ладно? — Стефани зубами разорвала пакетик. — Съешь орехи, а я обещаю заткнуться и больше тебя не трогать.

— Ты каждый раз так говоришь.

— Потому что ты каждый раз ужасно выглядишь. — Она кивком указала в сторону Габи: — И она наверняка со мной согласна.

Стефани никогда не выражала сомнений, если Тревис говорил, что слышит голос Габи, а если и выражала, то очень спокойно.

— Да.

Сестра сунула ему пакетик:

— Ешь.

Тревис взял пакетик и положил на колени.

— Сунь их в рот, разжуй и проглоти! — Стефани заговорила как мать.

— Тебе никто не говорил, что временами ты чертовски нахальная?

— Мне говорят это каждый день. Поверь, сейчас рядом с тобой самое место нахальному человеку. Я для тебя вроде как дар небес.

Тревис впервые за день искренне рассмеялся:

— Не то слово. — Взял несколько орешков и положил в рот. — Как дела у вас с Бреттом?

Стефани последние два года встречалась с Бреттом Уитни. Это был один из преуспевающих инвесторов — невероятно богатый, красивый и, по мнению многих, самый завидный жених к югу от линии Мейсона-Диксона^[6].

— Ничего.

— Снова гром в раю?

Стефани пожала плечами:

— Он опять сделал мне предложение.

— И что ты сказала?

— То же, что и в прошлый раз.

— И как он это принял?

— Спокойно. Конечно, снова изобразил, что он сердит и безутешен, но уже через пару дней пришел в норму. Выходные мы провели в Нью-Йорке.

— Почему бы тебе просто не выйти за него?

Стефани пожала плечами:

— Рано или поздно, возможно, я так и сделаю.

— Сестра, это был шанс. Ведь наверняка тебе хотелось согласиться, когда он просил.

— И что? Попросит еще раз.

— Ты так уверена...

— Да. Я соглашусь, когда не останется никаких сомнений в том, что он хочет на мне жениться.

— Он уже трижды делал предложение. Ты еще не убедилась?

— Он всего лишь думает, будто хочет на мне жениться. Бретт из тех парней, которые любят трудности, и сейчас очередная проблема — это я. Следовательно, пока я остаюсь непреклонной, он будет делать предложение. Когда я пойму, что он готов, скажу «да».

— Не знаю...

— Поверь, — сказала Стефани. — Я знаю мужчин. И у меня свои уловки. — Ее глаза лукаво блеснули. — Бретту известно, что я в нем не нуждаюсь, и это его буквально убивает.

— Да уж, ты в нем действительно не нуждаешься.

— Давай сменим тему. Когда ты собираешься вернуться на работу?

— Скоро, — неохотно ответил Тревис.

Стефани полезла в пакетик и сунула несколько орешков в рот.

— Сам знаешь, у папы силы уже не те.

— Да.

— Так что... на следующей неделе?

Тревис не ответил, и сестра скрестила руки на груди.

— Давай поступим следующим образом, поскольку ты, очевидно, еще не совсем собрался с духом, ты начнешь появляться в клинике каждый день и работать там по крайней мере до часу. Это твое новое расписание. По пятницам можешь закрывать в полдень. Таким образом, на долю папы остаются лишь четыре вечера в неделю.

Тревис прищурился:

— Ты долго размышляла?

— Кому-то было нужно этим заняться. И учти, я стараюсь не только ради папы. Тебе нужно снова приняться за работу.

— А если я считаю, что еще не готов?

— Плохо. И тем не менее займись делом. Если не ради себя, то ради Кристины и Элайзы.

— О чем ты?

— О твоих дочерях. Не забыл?

— Я прекрасно о них помню, но...

— И ты любишь их, ведь так?

— Что ты имеешь в виду?

— Если ты их любишь, — продолжала Стефани, пропустив вопрос мимо ушей, — то вновь начнешь вести себя, как подобает отцу. В том числе вернешься на работу.

— Зачем?

— Ты должен показать им: какие бы ужасы ни случались в жизни, нужно двигаться дальше. Таков твой долг. Кто еще объяснит это девочкам?

— Стефа...

— Я и не говорила, что будет легко. Но у тебя нет выбора. В конце концов, ты ведь не позволил им бросить школу? Они по-прежнему учатся? Ты заставляешь их делать уроки?

Тревис промолчал.

— Если ты требуешь, чтобы они выполняли свои обязанности — а ведь им всего лишь шесть и восемь, — то выполняй и свои. Дочери должны видеть, как ты возвращаешься к нормальной жизни. Работа — ее часть. Прости, но по-другому нельзя.

Тревис покачал головой, ощутив возрастающий гнев:

— Ты не понимаешь...

— Прекрасно понимаю!

Он стиснул двумя пальцами переносицу.

— Габи...

Тревис смолк. Сестра положила ему руку на колено.

— Страстная? Умная? Добрая? Порядочная? Веселая? Терпеливая? Такая, какой должна быть жена и мать? Иными словами, почти идеальная?

Тревис удивленно взглянул на Стефани.

— Знаю, — тихо сказала та. — Я тоже ее люблю. Всегда любила. Она для меня не только лучшая подруга, но и почти сестра. Иногда мне кажется, что Габи — моя единственная настоящая подруга. Ты прав, она идеальный вариант для тебя и для детей. Ты бы в жизни не нашел никого лучше. Как ты думаешь, почему я продолжаю сюда приезжать? Не ради нее, не ради тебя. Ради себя. Я по ней скучаю.

Не зная, как ответить, Тревис молчал.

Стефани вздохнула:

— Ты уже решил, как поступишь?

Тревис с трудом сглотнул.

— Нет, — признал он. — Пока нет.

— Три месяца прошли.

— Да.

— Когда ты должен определиться?

— Через полчаса.

Стефани взглянула на брата.

— Ладно. Вот что. Подумай еще немного. А я пока поеду к тебе и навещу девочек.

— Их нет дома. Вернутся позже.

— Ты не против, если я их подожду?

— Разумеется, нет. Ключ лежит...

— ...под пластмассовой лягушкой на крыльце. Знаю. И уверена, что большинство грабителей тоже способны догадаться.

Тревис улыбнулся:

— Ты великолепна, Стеф.

— И ты тоже. Ты ведь знаешь, что я здесь ради тебя.

— Знаю.

— И всегда об этом помни.

— Да.

Взглянув на брата, Стефани наконец кивнула:

— Я подожду тебя дома, хорошо? Хочу знать все новости.

— Договорились.

Она встала и взяла сумочку, а потом поцеловала брата в макушку.

— Увидимся, Габи, — попрощалась Стефани, не ожидая ответа.

Она уже была на пороге, когда Тревис спросил:

— Что можно сделать во имя любви?

Стефани обернулась:

— Ты меня уже об этом спрашивал.

— Да... — Он помедлил. — Но теперь я спрашиваю, что, по-твоему, нужно сделать мне.

— Я скажу то же, что и обычно. Это только твой выбор.

— И?..

Стефани казалась беспомощной.

— Не знаю, Тревис. А сам что думаешь?

Чуть более двух лет назад Габи повстречала Кеннета Бейкера летним прекрасным вечером, которыми так славится Бофор. Играет живая музыка, к причалу привязаны десятки лодок — идеальное время для того, чтобы повести жену и детей в кафе. Пока они стояли в очереди, Габи намекнула, что видела в одном из магазинов красивый эстамп. Тревис улыбнулся. Он давно привык к ее намекам.

— Сходи и посмотри, — предложил он. — Я пригляжу за девочками.

Габи отсутствовала дольше, чем он ожидал, а когда вернулась, лицо было встревоженное. Позже, когда они приехали домой и уложили дочерей спать, она, явно занятая какими-то размышлениями, присела на кушетку.

— С тобой все в порядке? — спросил Тревис.

Габи заерзала.

— Встретила Кеннета Бейкера, — сказала она. — Пока ты покупал мороженое.

— Да? И как у него дела?

Она вздохнула.

— Ты понимаешь, что его жена седьмой год лежит в коме? Седьмой год. Представляешь?

— Нет, — честно ответил Тревис.

— Он превратился в старика.

— Неудивительно. Кеннет переживает.

Габи кивнула, по-прежнему встревоженная.

— Он злится. Кажется, он обижен на жену. Почти перестал ее навещать. А дети...

Она задумалась и не закончила.

Тревис посмотрел на нее:

— К чему этот разговор?

— Ты будешь меня навещать, если со мной случится нечто подобное?

Впервые Тревис ощутил беспричинный ужас.

— Конечно, буду.

Габи с грустью взглянула на мужа:

— Но пройдет время, и ты перестанешь это делать.

— Я всегда буду тебя навещать.

— Рано или поздно ты начнешь меня винить.

— Никогда.

— Кеннет сердится на Элеонору.

— Но я-то не Кеннет. — Он покачал головой. — И вообще, зачем мы это обсуждаем?

— Потому что я люблю тебя.

Тревис хотел ответить, но Габи перебила:

— Позволь мне закончить. — Она помолчала, собираясь с мыслями. — Когда Элеонору привезли в больницу, никто не сомневался, как сильно Кеннет ее любит. Это было очевидно. Со временем он рассказал мне историю целиком — как они познакомились на пляже вечером, после выпускного бала; как он впервые пригласил Элеонору на свидание, и она отказалась, но он каким-то образом выведал номер ее телефона; как он признался ей в любви на вечеринке в честь тридцатой годовщины свадьбы ее родителей. Кеннет не просто рассказывал — он как будто переживал это снова и снова. В чем-то он походил на тебя.

Габи взяла мужа за руку.

— Ты ведь делаешь то же самое. Я столько раз слышала, как ты рассказываешь друзьям про нашу первую встречу. Пойми меня правильно — мне это нравится. Нравится, что воспоминания живы в твоём сердце и что для тебя они значат не меньше, чем для меня. Когда ты об этом говоришь, то как будто заново переживаешь начало нашей любви. И это самый прекрасный подарок из всех, который ты когда-либо делал. Ну, не считая того, что прибираешься на кухне, если я слишком устала.

Тревис невольно засмеялся. Габи как будто этого не заметила.

— Сегодня Кеннет был таким... озлобленным. Когда я спросила об Элеоноре, мне показалось, что он желает ей смерти. И когда я вспомнила, какие чувства он испытывал к ней раньше... подумала о том, что случилось с детьми... это кошмар.

Габи замолчала, и Тревис сжал ей руку:

— С нами такого не случится.

— Дело не в этом. Просто я не сделала того, что должна.

— О чем ты?

Она коснулась его руки:

— Я так тебя люблю, Тревис. Ты лучший муж на свете. Лучше всех, кого я только знаю. Поэтому пообещай...

— Все, что угодно.

Габи пристально взглянула на него:

— Пообещай: если со мной случится нечто подобное, ты позволишь мне умереть.

— У нас уже есть «Завещание о жизни» [\[7\]](#), — возразил Тревис.

— Да. Но наш адвокат уехал во Флориду, и, насколько я знаю, никто, кроме нас троих, не в курсе, что я не хочу жить в том случае, если окажусь неспособна сама принимать решения. Это будет нечестно по отношению к тебе и к детям, потому что со временем вы неизбежно начнете меня винить. Ты будешь страдать. Девочки тоже. После встречи с Кеннетом я окончательно убедилась. Не хочу, чтобы когда-нибудь ты сожалел о том, что между нами было. Я слишком люблю тебя. Смерть — это всегда грустно, но неизбежно. Именно поэтому я и подписала «Завещание о жизни». Потому что я всех вас люблю. — Габи заговорила мягче, но еще решительнее: — Я не буду говорить родителям и сестрам о своем решении. О нашем решении. Не хочу искать другого адвоката и переписывать документы. Верю, что ты сделаешь так, как нужно. И поэтому дай слово, что выполнишь мою волю.

Этот разговор казался Тревису нереальным.

— Да. Конечно, — ответил он.

— Нет, не так. Я хочу, чтобы ты поклялся.

Тревис сглотнул.

— Обещаю сделать то, чего ты хочешь. Клянусь.

— И не важно, насколько это будет трудно?

— Не важно.

— Потому что ты меня любишь.

— Потому что я люблю тебя.

— И потому что я тоже тебя люблю.

«Завещание о жизни», подписанное у адвоката, и было тем документом, который Тревис принес с собой в больницу. Помимо прочего, в нем говорилось, что Габи надлежит отключить от аппаратуры по истечении двенадцати недель. Сегодня Тревису предстояло сделать выбор.

Сидя рядом с постелью жены, он вспоминал разговор, состоявшийся тем вечером, и свою клятву. Он сотни раз повторял эти слова в течение последних недель. Когда приблизился роковой день, он понял, как отчаянно хочет пробуждения Габи. И его сестра надеялась на лучшее — именно поэтому Стефани отправилась ждать домой. Полтора месяца назад Тревис рассказал ей об обещании, данном Габи. Этим нужно было с кем-то поделиться.

Полтора месяца прошли без перемен. Габи не очнулась, не произошло никаких улучшений. Хотя Тревис пытался игнорировать очевидное, время шло, и настал роковой час.

Иногда, во время воображаемых разговоров с женой, он старался ее переубедить. Тревис утверждал, что это нечестно. Он согласился лишь

потому, что сама возможность такого исхода казалась невероятной. Он не подозревал, что катастрофа случится. Тревис признавал, что если бы он мог предвидеть будущее, то разорвал бы документы, которые Габи подписала у адвоката. Пусть даже она не может ответить, но он не представлял себе жизни без нее.

Он не уподобится Кеннету Бейкеру. Ему и в голову не придет винить Габи. Она нужна ему. Нужна надежда, которую Тревис испытывал всегда, когда они были вместе. Навещая жену, он укреплял свои силы. Сегодня утром он чувствовал себя усталым и изможденным, но потом чувство долга возобладало, и Тревис подумал, что однажды обретет способность улыбаться вместе с дочерьми. Быть хорошим отцом, каким его хотела видеть Габи. Он уже прожил так три месяца — и верил, что продержится и дальше. Тревис понятия не имел, как существовать без нее. Каким бы странным это ни казалось, но сейчас жизнь обрела приятную предсказуемость.

Голубь за окном расхаживал туда-сюда, как будто размышляя вместе с Тревисом. Иногда он чувствовал себя до странности связанным с этой птицей, как будто голубь пытался что-то ему объяснить. Однажды он принес голубю хлеба, забыв о том, что решетка помешает крошить его на подоконник. Голубь смотрел на хлеб из-за стекла и тихонько ворковал, а потом улетел — чтобы вернуться чуть позже и провести на прежнем месте весь вечер. После этого он перестал бояться Тревиса. Тот мог стучать по стеклу — голубь не улетал. Забавная ситуация, которая давала Тревису пищу для размышлений, пока он сидел в палате. Ему хотелось спросить у голубя: «Действительно ли я должен стать убийцей?»

К этому неизбежно сводились его мысли, и этим Тревис отличался от тех, кому предстояло выполнить желание, указанное в «Завещании о жизни». Они поступали правильно, поступок был обусловлен состраданием. А перед ним стоял иной выбор, в том числе и по логическим соображениям. Если к А прибавить Б, получится В. Но если бы он не совершил несколько ошибок одну за другой, то не было бы аварии; без аварии не было бы и комы. Тревис нес прямую ответственность за состояние Габи. Но ведь она не умерла. И теперь, с юридическими документами в кармане, он мог ее прикончить. Стать причиной ее смерти. При мысли об этом Тревиса мучило; с каждым днем, по мере приближения роковой черты, он ел все меньше. Как будто Господь не только желал смерти Габи, но внушал Тревису: это полностью его вина.

Конечно, она сама отрицала бы все. Авария есть авария. Она сама, Габи, а не Тревис, приняла решение о том, спустя какое время ее следует

отключить от аппаратуры. И все же он не мог избавиться от невыносимого груза ответственности по той простой причине, что никто, кроме Стефани, не знал, чего хотела Габи. В конце концов, делать выбор придется именно ему.

Сероватый вечерний свет окрасил стены в печальные тона. Тревис сидел неподвижно. Потом перенес цветы с подоконника на кровать, положил на грудь Габи и снова сел. В этот момент в дверях появилась Гретхен. Она медленно вошла в палату, не произнеся ни слова, проверила показатели, что-то записала в карточке и коротко улыбнулась. Месяц назад, когда они с Габи делали зарядку, жена намекнула, что Гретхен, кажется, влюблена в него.

— Уже скоро? — спросила медсестра.

Тревис понимал, что она имеет в виду переезд в другую клинику: в коридорах шепотом поговаривали, что это вот-вот случится. Но в ее вопросе крылось нечто большее, чего, возможно, не знала и сама Гретхен. У Тревиса не было сил ответить.

— Я буду по ней скучать, — сказала Гретхен. — И по вас тоже.

Ее лицо было воплощенное сострадание.

— Честное слово. Слышали бы вы, как она о вас говорила. И о дочках, разумеется. Габи очень любила свою работу, но всегда была просто счастлива, когда наступал конец дня и можно было ехать домой. Она не походила на остальных, которые радовались отдыху. Габи хотелось к семье. Я буквально поклонялась ей за это. За то, что у нее такая жизнь.

Тревис не знал, что сказать.

Гретхен вздохнула; ему показалось, что он видит слезы у нее на глазах.

— У меня просто сердце разрывается, когда я смотрю на Габи теперь. И на вас. Все медсестры в больнице знают, что вы каждый год посылали жене цветы на годовщину свадьбы. Любая женщина мечтает о том, чтобы ее муж или парень делали нечто подобное. И то как вы обращались с ней после аварии... вам было грустно и тяжело, но вы занимались с Габи. Я слышала, как вы разговаривали... Похоже, между вами существует связь, которую нельзя разорвать. Это так печально и все-таки прекрасно. Просто ужас, что вам обоим приходится переживать. Я каждый вечер молилась за вас.

Тревис ощутил комок в горле.

— Вы заставили меня поверить в существование истинной любви. И в то, что она не проходит даже в часы тяжелейших испытаний. — Гретхен замолчала. Почувствовав, что сказано слишком многое, отвернулась. В следующее мгновение, собираясь выйти из палаты, медсестра положила

легкую и теплую руку на плечо Тревиса — всего на мгновение. А потом ушла, и Тревис вновь остался наедине со своим выбором.

Пора. Взглянув на часы, Тревис понял, что больше не может тянуть. Его ждали. Он подошел к окну и опустил жалюзи. Привычка заставила включить телевизор. Хотя он знал, что сиделки все равно выключат его потом, Тревису не хотелось, чтобы Габи лежала одна в палате, похожей на гробницу.

Он часто рисовал себе чудесное исцеление. Видел, как сидит за кухонным столом с родителями и недоверчиво качает головой. «Понятия не имею, отчего она очнулась. Все было как всегда... и вдруг она открыла глаза». Тогда мать заплачет от радости, а сам он позвонит родителям Габи. Иногда картина представлялась Тревису так отчетливо, как будто все произошло на самом деле, и он задерживал дыхание, переживая ощущение счастья.

Но теперь Тревис сомневался, что чудо возможно. Стоя у окна, он посмотрел на жену. Кто они такие, он и Габи? Почему все случилось именно с ними? Было время, когда он мог найти разумные ответы на эти вопросы, но оно давно минуло. Теперь он ничего не понимал. Над Габи гудела флуоресцентная лампа, а Тревис по-прежнему не мог решиться. Он знал лишь, что Габи еще жива, а пока есть жизнь, есть и надежда. Тревис смотрел на жену и думал, отчего столь близкий человек может стать таким далеким.

Он должен был сделать выбор. Если сказать правду — Габи умрет; солгать — ее воля не будет выполнена. Тревис хотел, чтобы Габи подсказала ему, как поступить. И откуда-то издалека до него донесся ответ: «Я уже все решила, милый. Ты знаешь, что нужно сделать».

Тревису хотелось взмолиться: «Но ведь это решение основано на ложных послылках!» Если бы он мог вернуться в прошлое, то никогда не дал бы такого обещания — а Габи, возможно, и не попросила бы. Сделала бы она то же самое, если бы знала, что Тревис послужит причиной комы? Если бы знала, что отключение от аппарата и зрелище ее угасания, несомненно, убьют какую-то часть его самого? Если бы он сказал, что будет еще лучшим отцом для девочек, только бы Габи осталась жить, пусть даже и не выходя из комы?

Тревис не мог этого вынести, он взмолился про себя: «Пожалуйста, очнись! Пожалуйста, милая. Ради меня. Ради наших дочерей. Ты им нужна. Ты нужна мне. Открой глаза, пока я еще здесь. Пока есть время...»

Ему показалось, что он заметил подергивание — он мог поклясться, что Габи шевельнулась. Тревис был слишком взволнован, чтобы говорить,

но, как всегда, реальность вступила в свои права, и он понял, что это иллюзия. Габи продолжала лежать неподвижно, и Тревис, глядя на жену сквозь слезы, почувствовал, как его душа начинает умирать.

Нужно было идти, но перед этим сделать еще кое-что. Тревис, разумеется, прекрасно знал историю Белоснежки — о поцелуе, который снял злое заклятие. Он вспоминал об этом каждый раз, когда прощался с Габи, но сейчас ощутил нечто вроде внутреннего приказа. Вот он — его последний шанс. Тревис ощутил маленький прилив надежды при мысли о том, что сейчас все изменится. Он не переставал любить Габи, но до сих пор не было ощущения конца — возможно, эта комбинация создаст магическую формулу любви. Он собрался с силами и шагнул к кровати, пытаясь убедить себя, что у него получится. Поцелуй, не похожий на все остальные, наполнит ее легкие жизнью. Габи слегка застонет от удивления, а потом поймет, что произошло. Она почувствует, как в нее вливается энергия Тревиса. Ощутит полноту его любви — и страстно поцелует мужа в ответ.

Тревис придвинулся ближе и наклонился, чувствуя тепло ее дыхания. Он закрыл глаза, чтобы не вспоминать о тысячах других поцелуев, коснулся губ жены, ощутил нечто вроде искры и вдруг почувствовал, как Габи возвращается к нему. Она была рукой, которая поддерживала его в нелегкие времена. Шепотом в ночи. Сработало, подумал Тревис, действительно сработало... но, как только его сердце бешено застучало, он понял, что на самом деле ничего не изменилось.

Отодвинувшись, он смог лишь легонько коснуться пальцем ее щеки. Голос Тревиса звучал хрипло, чуть слышно.

— До свидания, любимая.

На что способен человек во имя любви?

Тревис по-прежнему размышлял над этим вопросом, когда вернулся домой, пусть даже решение уже было принято. Машина Стефани стояла на дорожке, но свет нигде не горел, кроме гостиной. Пустого дома Тревис не вынес бы.

Морозило, и Тревис, вылезая из машины, поплотнее запахнул куртку. Луна уже появилась, над головой мерцали звезды. Тревис верил, что, сосредоточившись, сумеет назвать созвездия, которые некогда показала ему Габи. Он улыбнулся, вспомнив тот вечер. Воспоминание было невероятно отчетливым, и он отогнал его.

Лужайка блестела от влаги — это сулило крепкий мороз ночью. Тревис напомнил себе достать из шкафа перчатки и шарфы для девочек, чтобы не суетиться поутру. Скоро обе должны были вернуться из гостей; невзирая на, утомление, Тревис скучал по детям. Сунув руки в карманы, он зашагал к крыльцу.

Стефани обернулась, услышав шаги. Она пыталась разгадать выражение его лица.

— Тревис...

— Привет, Стеф. — Он снял куртку и понял, что совершенно не помнит, как добрался до дому.

— С тобой все в порядке?

Тревис секунду помедлил.

— Не знаю.

Сестра положила руку ему на плечо и мягко спросила:

— Выпьешь чего-нибудь?

— Да. Воды.

Стефани, судя по всему, была рада хоть как-то помочь.

— Я мигом.

Тревис сел на кушетку и откинул голову назад, чувствуя себя таким измученным, будто он целый день провел в открытом море, сражаясь с волнами. Стефани принесла брату стакан воды.

— Звонила Кристина. Она немного задержится. А Элайза уже едет.

— Отлично, — сказал Тревис и взглянул на семейную фотографию.

— Хочешь поговорить?

Он отхлебнул воды и лишь после этого осознал, как пересохло в горле.

— Ты думала о том, о чем я тебя спросил? Как далеко может зайти человек во имя любви?

Стефани ненадолго задумалась.

— По-моему, я тебе уже ответила.

— Ну да. Вроде как.

— Что? Хочешь сказать, это был плохой ответ?

Тревис улыбнулся. Он был благодарен сестре за то, что она по-прежнему способна говорить с ним как обычно.

— Я хотел знать, что бы ты сделала на моем месте.

— Понимаю, чего ты хотел. Но... не знаю, Тревис. Правда не знаю. Даже вообразить не могу, чтобы мне пришлось принимать такое решение. И честно говоря, вряд ли хоть кто-то способен представить себя на твоём месте. — Она вздохнула. — Иногда я жалею, что ты вообще рассказал.

— Наверное, не следовало. Зря я взвалил на тебя эту ношу.

Стефани покачала головой:

— Я вовсе не это имела в виду. Разумеется, ты должен был с кем-нибудь поговорить, и я рада, что ты доверился мне. Сожалею лишь о том, что тебе приходится переживать. Авария, твои собственные травмы, забота о детях, жена в коме... а теперь еще ты должен сделать выбор и решить, исполнять просьбу Габи или нет. Для одного человека это слишком много.

Тревис промолчал.

— Я беспокоюсь о тебе, — добавила Стефани. — Почти перестала спать с тех пор, как ты все рассказал.

— Прости.

— Не извиняйся. Это мне следовало бы извиниться. Я должна была перебраться сюда, как только это случилось. Должна была чаще навещать Габи. Быть рядом каждый раз, когда ты хотел с кем-нибудь поговорить.

— Все в порядке. Я рад, что тебе не пришлось бросать работу. Ты старалась изо всех сил, чтобы попасть в Чепл-Хилл, и Габи это знает. Кроме того, ты и так провела здесь больше времени, чем могла бы.

— Мне очень жаль тебя.

Тревис обнял ее:

— Знаю.

Они сидели молча. Щелкнул обогреватель, Стефани вздохнула.

— Я останусь с тобой вне зависимости от того, что ты решил. Потому что я знаю, как сильно ты любишь Габи.

Тревис отвернулся к окну. Сквозь стекло он видел мерцающие в темноте огни дома напротив.

— Я не смог, — наконец сказал он. — Думал, что смогу, даже заучил

те слова, которые собирался сказать врачам — по поводу того, что Габи следует отключить от аппарата. Да, она этого хотела, но... в конце концов я просто не смог. Даже если мне придется до конца жизни навещать Габи в клинике, это все-таки лучший вариант. Я слишком люблю жену, чтобы позволить ей уйти.

Стефани слабо улыбнулась:

— Знаю. Это было написано на твоем лице, когда ты вошел.

— Считаешь, что я поступил правильно?

— Да, — ответила она без колебаний.

— Правильно для себя или для Габи?

— Для вас обоих.

Тревис встrepенулcя:

— Ты веришь, что она очнется?

Стефани пристально взглянула на брата:

— Да. И всегда верила. Вы... Есть что-то сверхъестественное в том, как вы живете. Буквально во всем. В том, как смотрите друг на друга. В том, как Габи блаженствует, когда ты касаешься ладонью ее спины. В том, как она угадывает твои мысли. Мне это всегда казалось поразительным. Вот почему, кстати, я тяну со свадьбой. Хочу чего-то похожего на вашу любовь и сомневаюсь, что уже ее нашла. Даже не знаю, чего именно хочу. Такая любовь, как ваша... говорят, с ней возможно все. Ты любишь Габи, она любит тебя, и я просто не представляю вас друг без друга. Вы предназначены для того, чтобы быть вместе.

Тревис молчал.

— И что теперь? — спросила Стефани. — Может, сожжем завещание?

Невзирая на напряжение, брат рассмеялся:

— Может быть. Потом.

— А адвокат? Он ведь не подаст на тебя в суд?

— От него уже несколько лет нет никаких вестей.

— Видишь? Еще один признак того, что ты поступил правильно.

— Да уж наверное.

— Так что насчет клиники?

— Габи перевезут на следующей неделе. Мне нужно будет все подготовить.

— Нужна помощь?

Тревис потер виски, ощущая невероятную усталость.

— Да, — кивнул он. — Не откажусь.

— Эй... — Стефани легонько встряхнула брата. — Ты принял верное решение и ни в чем не виноват. Ты сделал то, что должен был. Габи хочет

жить. Ей нужен шанс, чтобы вернуться к тебе и к дочкам.

— Знаю. Но...

Он не смог договорить. Прошное осталось в прошлом, будущее еще не наступило, и Тревис знал, что должен сосредоточиться на настоящем... но повседневное существование внезапно показалось ему бесконечным и невыносимым.

— Мне страшно, — наконец признал он.

— Знаю, — сказала сестра, обнимая его. — Мне тоже.

Эпилог

Июнь 2007 года

Зимние пейзажи сменились яркими красками весны; сидя на веранде, Тревис слушал пение птиц. Они распевали и чирикали десятками или даже сотнями, с деревьев то и дело взмывали в воздух стайки скворцов и летели в удивительно стройном порядке.

Была суббота, Кристина и Элайза качались на качелях, которые отец повесил неделю назад. Ему хотелось, чтобы амплитуда была побольше в отличие от обыкновенных качелей, поэтому Тревис срезал несколько нижних ветвей, а потом прикрепил веревку как можно выше. Утром он провел целый час, качая дочерей и слушая, как те визжат от восторга; когда он закончил, рубашка на спине взмокла. А девочки требовали продолжения.

— Дайте папе немножко отдохнуть, — тяжело дыша, попросил Тревис. — Я устал. Покачайте пока друг друга.

Разочарование, ясно отразившееся на их личиках, длилось недолго: вскоре девочки снова принялись радостно хохотать. Тревис наблюдал за игрой и улыбался. Ему нравился их мелодичный смех, на сердце становилось тепло, когда он видел, как хорошо они играют вместе. Тревис надеялся, что дочери навсегда останутся подругами. Если судить по нему и Стефани, с годами девочки должны сблизиться еще сильнее. По крайней мере он на это надеялся. Тревис уже понял, что надежда — порой единственное, что остается у человека. За последние четыре месяца он научился надеяться.

После принятия главного решения его жизнь постепенно вернулась в привычное русло. Или по крайней мере обрела подобие нормальной. Вместе со Стефани Тревис объехал полдесятка клиник. Он отчего-то был уверен, что все это тускло освещенные, зловонные места, где по коридорам посреди ночи бродят растрепанные стонущие пациенты, охраняемые санитарями-маньяками. Слава Богу, он ошибался. По крайней мере там, где они побывали с сестрой, все было иначе.

Большинство клиник оказались светлыми и полными воздуха, ими управляли пожилые дамы и женщины в деловых костюмах, которые прилагали огромные усилия к тому, чтобы заведение отличалось стерильной чистотой, а персонал проявлял заботу, уважение и высокий

профессионализм. Если Тревис, осматривая клинику, раздумывал о том, понравится ли здесь Габи и не окажется ли она самой молодой пациенткой, Стефани задавала разумные вопросы. Она требовала послужные списки медсестер, выясняла, быстро ли рассматриваются жалобы, а бродя по коридорам, всячески давала понять, что в курсе всех постановлений и законов. Она предлагала гипотетические ситуации (из разряда вероятных) и спрашивала, какие действия в таком случае предпримут персонал и дирекция. Допытывалась, сколько раз в день Габи будут переворачивать, чтобы избежать пролежней. Иногда Тревису казалось, что его сестра — прокурор, пытающийся уличить преступника. Хотя Стефани и довела нескольких директоров до белого каления, брат был благодарен ей за бдительность. В своем нынешнем состоянии он с трудом признавал происходящее, но каким-то образом догадывался, что Стефани ведет себя правильно.

В конце концов Габи перевезли в клинику, которой управлял некий Элиот Гаррис — всего лишь в паре кварталов от больницы. Гаррис впечатлил не только Тревиса, но и Стефани — именно она подписывала большинство бумаг в его кабинете. Сестра намекнула, что у нее есть связи в правительстве штата, и в результате Габи получила отдельную палату с видом на внутренний дворик. Когда Тревис навещал жену, то подкатывал кровать к окну и приподнимал изголовье. Он воображал, что она наслаждается солнечным светом и звуками со двора — там пациентов навещали друзья и родственники. Однажды Габи сама сказала ему об этом, когда Тревис разминал ей ноги. Еще она сказала, что все понимает и очень рада выбору мужа. Точнее, Тревис полагал, что она рада.

Перевезя Габи в клинику и проведя большую часть недели с ней, пока оба не привыкли к новому окружению, Тревис вернулся на работу. Он принял предложение Стефани и начал работать в утреннюю смену, четыре дня в неделю. Потом его сменял отец. Тревис и сам не догадывался, как сильно ему не хватает общения. Сидя за ленчем с отцом, он обнаружил, что способен доесть свою порцию почти полностью. Разумеется, выход на работу означал, что ему придется пересмотреть расписание визитов к Габи. Отправив девочек в школу, Тревис ехал к жене и проводил у нее час — и еще один после работы, прежде чем дочери возвращались домой. По пятницам он сидел с женой почти весь день и еще на несколько часов выбирался по выходным. Это зависело от того, какие планы были у Кристины и Элайзы. Так пожелала Габи. Иногда девочки навещали маму вместе с отцом, но чаще всего — нет, или же у них просто не было времени из-за школьного матча или очередной вечеринки. Когда над ним перестала

маячить необходимость выбора, умереть Габи или жить, равнодушие дочерей перестало раздражать Тревиса. Девочки делали все возможное, чтобы душевно исцелиться и жить дальше. Он уже понял, что люди справляются с горем по-разному. Понемногу Кристина и Элайза приспособились.

Однажды вечером, спустя два месяца после того, как Габи переехала в клинику, на окне вновь появился голубь.

Поначалу Тревис не поверил собственным глазам. Честно говоря, он сомневался, что это тот же самый голубь. Кто знает? Черно-белые, с блестящими глазами, по большей части такие надоедливые, они все похожи. Но, глядя на него, Тревис понял, что это его давний приятель. Иначе и быть не могло. Голубь расхаживал туда-сюда и не испугался, когда Тревис подошел к окну. Воркование показалось таким... знакомым. Все сказали бы, что Тревис спятил, и отчасти он догадывался, что и впрямь сходит с ума, но...

Голубь был тот же самый.

Тревис удивленно наблюдал за ним, а на следующий день принес хлеба и накрошил на подоконник. Он то и дело поглядывал в окно, ожидая появления голубя, но тщетно. Следующие несколько дней отсутствие птицы угнетало Тревиса. Иногда он утешал себя мыслью, что голубь прилетел их навестить и удостовериться, что Тревис по-прежнему рядом с Габи. Или напомнить, что надежда умирает последней. Или сказать, что он сделал правильный выбор.

Сидя на крыльце и думая обо всем этом, Тревис удивлялся, что может смотреть на своих счастливых дочерей и разделять радость. Он успел забыть само ощущение благополучия. Ощущение, что в мире все хорошо. Может быть, появление голубя знаменовало перемены в их жизни? Задумываться о знаках и приметах свойственно человеку, и Тревис понимал, что будет всем рассказывать эту историю до тех пор, пока жив.

Вот что случилось: утром, на седьмой день после появления голубя, Тревис работал. В одной палате его дожидался больной кот, в другой — щенок добермана, которого привели на прививку, в третьей сам Тревис накладывал швы нечистокровному лабрадору, который распорол лапу, продираясь сквозь колючую проволоку. Он закончил, затянул узелок и уже собирался рассказать владельцу, как следить за ранкой, когда в палату без стука вошла медсестра. Тревис удивленно взглянул на нее.

— Звонит Элиот Гаррис, — сказала та. — Хочет с вами поговорить.

— Вы можете сами ответить? — спросил Тревис, глядя на собаку.

— Он говорит, это срочно.

Тревис извинился и попросил медсестру закончить за него. Зашел в свой кабинет, закрыл дверь. На телефоне мерцал огонек — Гаррис ждал на линии.

Сейчас Тревис уже не был уверен в том, что именно он ожидал услышать. Когда он поднес трубку к уху, его посетило зловещее предчувствие. Элиот Гаррис впервые позвонил ему на работу. Собравшись с силами, он нажал кнопку.

— Тревис Паркер слушает.

— Доктор Паркер, это Элиот Гаррис. — Голос звучал бесстрастно. — Приезжайте в клинику как можно скорее.

Наступило короткое молчание, и миллион мыслей пронесся в голове Тревиса: Габи перестала дышать; наступило ухудшение; надежды больше нет. Он стиснул трубку, как будто надеясь остановить время.

— Как она? — наконец выдавил он.

Снова пауза. Совсем короткая. Впоследствии Тревис говорил, что это мгновение тянулось целую вечность. А потом Гаррис произнес два слова, которые заставили его уронить трубку.

Тревис выглядел очень, очень спокойным, когда вышел из клиники. По крайней мере так потом говорили ассистенты. Глядя на него, нельзя было догадаться, что случилось. Тревис миновал регистратуру, не обращая внимания на тех, кто там сидел. Все, начиная от персонала и заканчивая владельцами животных, знали, что его жена в коме. Восемнадцатилетняя Мадлен, дежурная, уставилась на него широко раскрытыми глазами. Почти вся клиника уже была в курсе, что позвонил Гаррис. В маленьких городках новости распространяются мгновенно.

— Пожалуйста, позвоните моему отцу и попросите приехать, — сказал Тревис. — Мне нужно отлучиться.

— Да, конечно, — ответила Мадлен. Она помедлила. — Все в порядке?

— Вы бы не смогли меня отвезти? Боюсь, я сейчас не в состоянии сесть за руль.

— Конечно, — испуганно сказала девушка. — Только сначала я позвоню, хорошо?

Пока она набирала номер, Тревис стоял как вкопанный. В приемной воцарилась тишина. Даже животные, казалось, поняли: что-то случилось. Голос Мадлен, разговаривавшей с его отцом, доносился откуда-то издалека. Тревис лишь смутно сознавал, где он находится. Только когда девушка повесила трубку и сказала, что доктор Паркер сейчас будет, Тревис пришел в себя и увидел страх на лице Мадлен. Молодая и неискушенная в жизни,

она первой задала вопрос, который был на уме у всех:

— Что случилось?

На лицах отразились сочувствие и забота. Большинство клиентов знали Тревиса много лет, некоторые — с детства. Кое-кто, в основном персонал, успел подружиться с Габи, и после аварии они — по крайней мере мысленно — оплакали ее. Это их не касалось — и все-таки касалось, потому что Тревис вырос в Бофоре. Оглядываясь, он видел в глазах людей не просто любопытство, но что-то сродни любви. Он не знал, что сказать. Он сотни раз воображал этот день, но сейчас в голове было пусто. Тревис слышал собственное дыхание. Если сосредоточиться, можно было даже расслышать, как бьется сердце. Его мысли витали слишком далеко, чтобы ухватиться хотя бы за одну, не говоря уже о том, чтобы перевести в слова. Тревис не знал, что делать. Правильно ли он понял Гарриса, или это сон? Может быть, он ослышался? Он прокрутил в памяти разговор, ища скрытый смысл, пытаясь нащупать за словами реальность, но, невзирая на все усилия, не в состоянии был собраться и ощутить полагающиеся случаю эмоции. Ужас мешал ему чувствовать что бы то ни было. Позже Тревис будет говорить, что как будто балансировал между невероятным счастьем и величайшей скорбью, застряв где-то посередине и зная, что одно неосторожное движение — и он упадет.

Он схватился руками за стол, чтобы не потерять равновесия. Мадлен подошла, звеня ключами от машины. Тревис оглядел приемную, посмотрел на девушку, затем уперся взглядом в пол — а потом поднял глаза и одними губами произнес то, что услышал по телефону несколько секунд назад:

— Габи очнулась.

Двадцать минут спустя, не менее тридцати раз сменив ряд и трижды проскочив на красный свет, Мадлен остановилась у входа в клинику. Тревис за время поездки не произнес ни единого слова — только улыбнулся в знак благодарности, когда открыл дверцу машины.

Он волновался и был возбужден свыше всякой меры. В то же время Тревис не мог избавиться от мысли, что не так понял Гарриса. Может быть, Габи очнулась всего на мгновение, а затем снова впала в кому; может быть, кто-то принял желаемое за действительное. Может быть, Гаррис имел в виду лишь какое-то неопределенное улучшение. Голова у Тревиса, когда он шагал к дверям, кружилась от надежды и отчаяния.

Элиот Гаррис ждал его и казался куда более сдержанным, чем Тревис мог вообразить.

— Я уже вызвал терапевта и невролога, они приедут через несколько минут, — сказал он. — Пойдемте в палату.

— С Габи все в порядке?

Гаррис, почти посторонний человек, положил руку ему на плечо и легонько толкнул вперед.

— Ступайте, — сказал он. — Она вас звала.

Кто-то открыл перед Тревисом дверь — он даже не понял, мужчина или женщина. Тревис вошел и поднялся по лестнице — чем выше он поднимался, тем слабее становился. На третьем этаже толкнул дверь и увидел медсестру и санитаря, которые как будто ожидали его. По их взволнованным лицам Тревис догадался, что служители, наверное, наблюдали за его приездом и теперь хотели рассказать, что случилось, но он не остановился, и они промолчали. Еще шаг — и у него едва не отказали ноги; Тревис на мгновение прислонился к стене, чтобы не упасть. А потом двинулся к ее палате.

Вторая комната слева. Дверь была открыта. Подойдя ближе, Тревис услышал негромкие голоса. На пороге он задержался и подумал, что стоило хотя бы причесаться. Впрочем, какая разница? Он вошел в палату, и лицо Гретхен просияло.

— Я была в больнице и случайно узнала... Я просто не могла не приехать...

Тревис почти не слышал медсестру. Он видел только Габи, свою жену, которая лежала на больничной кровати. Она, кажется, не вполне понимала, где находится, но ее улыбка сказала Тревису все, что он хотел знать.

— Я знаю, вам нужно о многом поговорить... — продолжала Гретхен.

— Габи? — прошептал Тревис.

— Тревис... — хрипло отозвалась та. Ее голос стал сиплым и ломким, но все равно — это был голос Габи. Тревис медленно шагнул к кровати, не сводя глаз с жены. Гретхен попятилась и тихо прикрыла за собой дверь.

— Габи? — повторил Тревис почти недоверчиво. Точно во сне, он наблюдал за тем, как она кладет руку себе на живот, явно тратя на это последние силы.

Он сел на кровать рядом с женой.

— Где ты был? — спросила Габи, с трудом выговаривая слова, но так страстно и нежно, что ошибиться было невозможно. — Я не знала, где ты был.

— Теперь я здесь, — ответил Тревис, и тут плотину прорвало. Он бурно разрыдался. Склонившись к Габи, он мечтал, чтобы она его обняла, а ощутив руку жены на своей спине, начал плакать еще сильнее. Это был не сон. Габи обнимала его, она знала, кто он и как много она для него значит. Это не сон — больше ни о чем Тревис думать не мог. Это не сон.

Поскольку Тревис не мог оставить Габи, отец подменял его в клинике несколько дней. Лишь потом он вернулся к более или менее нормальному рабочему расписанию — и до сих пор, когда дочери бегали и смеялись во дворе, а Габи возилась на кухне, ловил себя на том, что вспоминает минувший год. Воспоминания о днях, проведенных в больнице, расплывались и путались, как будто сам Тревис тоже побывал в коме.

Разумеется, она не вышла из комы без последствий. Габи сильно похудела, мускулы атрофировались, левая сторона тела долгое время была парализована. Прошел не один день, прежде чем она смогла стоять без поддержки. Лечение продвигалось медленно; Габи по-прежнему ежедневно проводила два-три часа с терапевтом, а поначалу часто приходила в отчаяние из-за того, что больше не в состоянии делать самые простые вещи. Она ненавидела свое исхудавшее тело и неоднократно замечала, что, кажется, постарела лет на пятнадцать. В такие минуты Тревис всегда говорил, что она прекрасна. Он действительно был готов в этом поклясться.

Кристине и Элайзе понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть. В тот день, когда Габи очнулась, Тревис попросил миссис Гаррис забрать девочек из школы. Семья воссоединилась через час, но, войдя в палату, девочки не решались подойти поближе к матери. Они прижались к Тревису и односложно отвечали на вопросы Габи. Прошло полчаса, прежде чем Элайза наконец устроилась бочком на постели. Кристина избегала мать целые сутки и держалась так замкнуто, как будто встретила Габи впервые в жизни. Вечером, когда ее отправили обратно в больницу и Тревис повез дочерей домой, Кристина спросила: «Мама совсем проснулась, или она снова заснет?» Хотя врачи утверждали, что рецидива случиться не должно, никто тем не менее ничего не гарантировал — по крайней мере пока. Тревис боялся того же, что и Кристина; если он видел, что Габи спит, у него замирало сердце. Он легонько толкал жену, опасаясь, что та не откроет глаза. Когда Габи просыпалась, Тревис не в силах был скрыть облегчения. Поначалу она понимала его беспокойство и признавала, что мысль о рецидиве ее тоже пугает, но затем тревоги мужа начали раздражать. На прошлой неделе Тревис начал гладить ее руку посреди ночи. Габи открыла глаза, взглянула на часы и обнаружила, что они показывают начало четвертого. В следующую секунду она села и гневно воззрилась на Тревиса:

— Прекрати наконец это делать! Я хочу спать. Без помех и регулярно, как все нормальные люди! Я устала, разве ты не понимаешь? Ты что, собираешься до конца жизни будить меня через каждый час?!

Больше она ничего не сказала. Ссоры не получилось, поскольку

Тревис даже не успел ответить — жена повернулась к нему спиной, что-то бормоча себе под нос. Но это было настолько... в духе Габи, что он облегченно вздохнул. Если она больше не боялась впасть в кому — а Габи клялась, что не боится, — то Тревис готов был ей поверить. Или по крайней мере дать выспаться. Честно говоря, он сомневался, что страх когда-нибудь исчезнет полностью. И теперь посреди ночи он просто прислушивался к ее дыханию. Убедившись, что оно неровное в отличие от тех дней, когда Габи лежала в коме, Тревис отворачивался и засыпал.

Они заново привыкали друг к другу. Тревис понимал, что нужно время. Много времени. Они еще не обсуждали его поступок, нарушивший волю Габи, и Тревис не знал, состоится ли этот разговор вообще. Он уже пересказал жене все те воображаемые диалоги, которые они вели в больнице, а вот она мало что могла поведать. Габи не помнила ни запахов, ни звуков, ни прикосновений. «Время как будто... исчезло».

Но теперь все было хорошо. Так, как и должно быть. Тревис услышал, что позади него скрипнула дверь. Молли лежала в высокой траве у стены, старый Моби спал в углу. Тревис улыбнулся, увидев, как жена с мягкой улыбкой наблюдает за дочерьми. Кристина качала Элайзу на качелях, обе весело хохотали. Габи села в кресло рядом с Тревисом.

— Ленч готов, — сказала она. — Но пусть девочки еще немного поиграют. Им так весело.

— Да уж. Они меня измучили.

— Может, когда придет Стефани, мы все отправимся в дельфинарий? А потом поедим пиццу? Страшно захотелось пиццы.

Тревис улыбнулся и подумал, что хотел бы остановить мгновение.

— Отличная идея. Да, я кое о чем вспомнил. Пока ты была в душе, тебе звонила мама.

— Я ей перезвоню. А еще вызову мастера, чтобы он починил тепловой насос. Вчера ночью в детской было слишком жарко.

— Я сам могу починить насос.

— Сомневаюсь. В прошлый раз, когда ты пытался это сделать, пришлось покупать новый. Помнишь?

— Просто ты не дала мне закончить.

— Ну да, конечно. — Габи подмигнула. — Поедим здесь или в доме?

Тревис сделал вид, что размышляет, хотя на самом деле это было не так уж важно. На веранде или в доме, лишь бы все вместе. С ним жена и дочери, которых он любит. Что еще нужно человеку? Солнце светило ярко, цветы благоухали, их ожидал беззаботный день, хотя минувшей зимой они не могли этого даже представить. День, похожий на любой другой. А самое

главное — день, когда всё именно так, как и должно быть.

notes

Примечания

Имеется в виду Университет Дьюка — частный университет, расположенный в г. Дарем, штат Северная Каролина. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Orange — оранжевый; blue — голубой, синий (*англ.*) .

Тако — мексиканский пирожок из кукурузной лепешки с начинкой из рубленого мяса, томатов, сыра, салатных листьев и острого соуса.

Героиня обыгрывает афоризм Конфуция: «Человек не может ничего не делать, так как для каждого есть то, что он должен сделать».

Гранд-Тетон — национальный парк в штате Вайоминг.

Линия Мейсона-Диксона — историческая граница между Севером и Югом США, первоначально — граница между свободными и рабовладельческими штатами.

«Завещание о жизни» — распоряжение, указывающее, какое медицинское обслуживание его составитель хотел бы (или не хотел бы) получать в случае серьезной болезни или недееспособности.